

*Де
Студи
в маска*

Ева Нумарьская

Это был самый долгожданный день в жизни Ларисы — день на кануне ее свадьбы. И она, как любая влюбленная невеста, светилась от счастья до тех пор, пока... ее не убили. Жестокий заказчик оплатил скоропостижную кончину собственной невесты, не подозревая о том, что нанятый им киллер не тот, за кого себя выдает.

У этого странного типа свои планы, он меняет маски, как перчатки, примеряя на себя новые личины. Он ходит рядом, методично осуществляя план давней мести, но узнать его во множестве обличий не возможно. Однако даже такой виртуоз перевоплощений сваял дурака, устроив фальшивую гибель невесты своей жертвы.

Лариса тоже оказалась любительницей маскарада, да к тому же еще и обиженной женщиной, которой, мягко говоря, плюнул в душу собственный жених. Когда эти двое столкнулись, правила игры изменились.

На карте появились новые игроки и ситуация внезапно вышла из-под контроля, как и чувства вовлеченных в нее людей.

Ева Никольская

Люди в масках

Глава 1

Солнце нещадно палило, превращая лица усталых прохожих в подобие выжатых лимонов. День выдался на редкость жарким и душным, что не очень-то свойственно для нашего климата. Наверное, будет дождь... Однако, ни духота, царящая на улице, ни предчувствие грозы, о котором красноречиво говорили тёмно-синие тучи, надвигавшиеся издали, не могли испортить моего великолепного настроения. Даже пот, мелкими капельками струящийся по виску, не мешал сосредоточиться на самом главном и счастливом дне в моей жизни! Я быстрым шагом двигалась по улице, стремительно приближаясь к цели своего пути — магазину свадебной одежды. Его стеклянные витрины загадочно сверкали, рассыпаясь яркими бликами от скользящих по ним солнечных лучей. Манекены в белоснежных нарядах весело подмигивали мне нарисованными глазами, приглашая зайти в рай для новобрачных, огласив свое появление мелодичной трелью колокольчика.

Я одним махом перескочила три каменные ступеньки серого крыльца и оказалась перед желанной дверью, на которой призывно мерцала изящная золотистая надпись "Салон для новобрачных". В предвкушении чего-то необычайно приятного, я замерла на пороге, боясь сдвинуться с места.

— Ларочка, здравствуй! — голос Елизаветы Сергеевны, улыбающееся лицо которой появилось в проёме стеклянной двери, открывшейся со звоном колокольчика, вывел меня из водоворота размышлений. — Ты уже пришла, дорогая. Идём, платье готово.

Женщина лет пятидесяти, в сиреновом брючном костюме и прозрачном розовом шарфике на шее, была здесь модельером. Именно ей мой будущий муж заказал пошив свадебного наряда. И теперь я пришла забрать покупку.

— Так, значит, венчание запланировано на завтра? — улыбаясь, спросила Елизавета Сергеевна, ведя меня под руку в примерочную.

— Да, — светясь от переполнявшего сердце счастья, ответила я. — Мы зарегистрировались сегодня утром в загсе. Всё, как положено, только без свадьбы. Подписали нужные документы: брачный контракт и так далее.

Собеседница была благодарным слушателем, поэтому, получив хорошую возможность поделиться переизбытком впечатлений, я ею тут же и воспользовалась.

— Теперь в моём паспорте стоит печать, где написано, что я замужняя женщина.

— А чего же вы венчание на другой день назначили? — осторожно поинтересовалась она, останавливаясь возле двери примерочной.

— Слава так захотел. Ведь эта церемония будет проводиться в Москве. Там и свадьбу сыграем. Он уже уехал, сразу после ЗАГСа, а я полечу вечером, когда заберу наряд. Славик меня встретит в аэропорту, — я пошарила в кармане просторных шёлковых брюк. — Он и билет мне купил! — радостно сообщила я, достав то, о чём говорила.

— Понятно, — усмехнулась Елизавета Сергеевна. — Что ж, настало время увидеть причину твоего прихода сюда, Ларочка, — она торжественно толкнула ладонью дверь и ввела меня в залитую светом комнату, где на стройном манекене красовалось белоснежное пышное платье из легкой шифоновой ткани, украшенное изящными белыми розочками, причудливо рассыпавшимися по всему наряду.

— Ого! — это единственное на что меня хватило.

— Прелестно, правда? — с гордостью произнесла создательница праздничного туалета.

— Не то слово! Слава будет в восторге, когда увидит его.

— Нет, дорогая, — засмеялась собеседница, — он будет в восторге, когда увидит тебя в нём.

Моя голова кружилась от счастья так сильно, что хотелось кричать о переполнявших сердце чувствах на всех углах. Вот только поймут ли те, кому я стану это всё кричать?

"Ладно, — решила я мысленно, — с уличными воплями пока повременю, тем более, впереди меня ждёт примерка".

Платье сидело как влитое, да и не мудрено, ведь шил мастер. Я крутилась перед зеркалом, будто школьница, готовящаяся отправиться на выпускной бал. Длинные легкие юбки колыхались от любого движения, нежным облаком разлетаясь вокруг меня. Обнаживший плечи и верхнюю часть груди вырез, был обрамлён маленькими атласными цветочками, утопающими в море крошечных резных листьев.

"Наряд для принцессы — никак не меньше! Интересно, сколько же денег выложил мой милый за такое великолепие?"

— Последний штрих! — Елизавета Сергеевна осторожно опустила на мою голову венок с длинной мягкой фатой. Спереди у этого головного убора был вырез, открывающий мой довольно высокий лоб. Двухслойная фата крепилась сзади.

— Теперь ты, девочка, настоящая королева, — эти слова долетели до моего сознания сквозь пелену многочисленных мыслей и мечтаний, связанных с тем восторженным состоянием, в котором я пребывала. Упаковав подвенечный наряд в большую коробку овальной формы, женщина перевязала её голубой атласной лентой, и вручила мне. — Здесь всё: и туфли, и фата, и само платье. Езжай, Ларочка, и... будь счастлива.

Я уже была счастлива! У меня есть любимый муж, восхитительное свадебное платье, а завтра состоится торжественная церемония, о которой пару месяцев назад я даже не мечтала. Осталось совсем чуть-чуть — сесть в самолёт и, прибыв в Москву, оказаться в объятиях Славы.

"Слава... Какой он всё-таки замечательный! — перед глазами поплыли картинки, связанные с мужем. Я улыбнулась, вспомнив его весёлые карие глаза, нежные руки, ямочки на щеках, возникавшие каждый раз, когда тонкие и удивительно нежные губы растягивались в улыбке. — И как я могла сначала сомневаться в его чувствах? Конечно же, это любовь! Всего два месяца знакомства? Ну и что! Некоторые женятся на следующий день после встречи. Может, это любовь с первого взгляда? — мои мысли были прерваны визгом автомобильных тормозов. — Ну вот! Замечталась и едва не угодила под колёса", — пожурив себя, а вслух виновато сказала, глядя в лицо разгневанному водителю:

— Простите, я замуж выхожу, вот и задумалась. Нервы сдают, понимаете?..

— Я понимаю, что тебе надо к невропатологу, — пробормотал мужчина, забираясь обратно в машину.

Вероятно, пожалев невесту, он не стал устраивать скандал, чему я была несказанно рада. Всё складывалось, как нельзя лучше. Неприятности обходили меня стороной, боясь столкнуться с непоколебимой волной хорошего настроения, которую я в буквальном смысле источала.

Наконец-то мне удалось добраться до аэропорта. Поездка предстояла налегке, если не считать коробки, которую я бережно несла в руках, гордо шествуя по каменному полу гигантского здания аэровокзала. Минут через двадцать объявят посадку, ещё больше приблизив желанную встречу. Я опустила в кресло, обняв свою ношу так нежно, будто

держала не бездушные вещи, а живое дитя. Мой слух обострился, ожидая заветных слов диспетчера, а мысли погрузились в мечты и воспоминания, вихрем налетевшие на меня, как только тело приняло расслабленную позу.

"Поскорей бы завтра! — вертелось в голове точно назойливая оса. — Интересно, что скажет Слава, когда увидит меня в этом платье? — я довольно улыбнулась, представляя лицо мужа и его полные обожания глаза, — Но до свадьбы нельзя показываться жениху — плохая примета. Значит, можно немного поинтриговать, разжигая его любопытство".

— Простите, здесь свободно? — голос был тихий и спокойный, но я почему-то вздрогнула, вырванная этой короткой, обыденной фразой из океана приятных размышлений.

— Да, конечно, — слегка подобрав раскинувшиеся на соседнее кресло широкие брюки, ответила я, украдкой взглянув на мужчину.

Он выглядел немного странно на мой взгляд. Темные волосы свисали ровными прядями из-под повязанной назад косынки, плотно облежавшей его лоб. Окладистая борода скрывала нижнюю часть лица, а чёрные, овальной формы очки, довершали его таинственный вид. Одет неизвестный был просто: лёгкая синяя футболка, серые джинсы и кроссовки фирмы "АДИДАС" сорок пятого размера, хотя, может, и нет, но габариты они имели внушительные. Одним словом, хиппи лет сорока. Любопытно, но... Внешность соседа перестала меня занимать минуты через три после его появления. Какая, собственно, разница, кто сидит рядом, когда в ближайшие несколько часов моя жизнь перевернётся с ног на голову, дав старт тому удивительному счастью, о котором я раньше не смела и думать. История Золушки, словно по взмаху волшебной палочки доброй феи, стала моей историей.

Совсем недавно я работала в музее, получая свои кровные гроши, которых нам с бабушкой не хватало даже на неделю, не говоря уже о месяце, спасибо еще, что собранная дедом коллекция медалей и орденов, включавшая в себя награды разных лет и веков, помогала жить, принося деньги с аренды её галереями. Правда, у бабушки была большая трёхкомнатная квартира в центре города, в которой мы, вообще-то, и проживали. Но сдать её или продать бабуля ни в какую не соглашалась. Она говорила, что это единственное её богатство, доставшееся от покойного деда.

Несмотря на свои шестьдесят четыре года, Ирина Николаевна — моя бабушка по материнской линии, выглядела очень бодрой и шустрой. Всю свою жизнь она проработала режиссёром в театре, имела много друзей и хорошие связи. Но в творческой среде смерть — частая гостья, поэтому из тех, с кем она раньше общалась, остались в живых немногие. Была ещё молодежь, толпами валившая к легендарному режиссёру за консультациями и просто познакомиться. Короче, вопреки преклонным годам, бабушка продолжала бурную деятельность, практически не выходя за пределы нашей уникальной, по её словам, "берлоги". Так мы и жили: я весь день торчала на работе, к вечеру едва принося ноги домой, а она потчевала байками юное поколение студентов театральных вузов, ежедневно посещавшее её одинокую обитель. Одинокую, если не считать меня. Но в том состоянии, в котором я приползала домой после честно отбытого в тисках произведений искусства времени, я вполне могла сойти за безжизненный предмет интерьера в нашей простенькой обстановке.

И вдруг появился он — мой принц... Мы познакомились в музее, потом были цветы, подарки, встреча с бабушкой и... предложение руки и сердца. Сказка... Я долго не могла поверить, что всё это — не сон, но сегодня мы оформили наш брак, а завтра... завтра я буду невестой на собственной свадьбе. Бабушка приедет в Москву утром в сопровождении Анюты

— моей подружки с работы, которая согласилась стать свидетельницей. Ирина Николаевна терпеть не может самолёты, поэтому и решила отправиться в путешествие поездом, Анна — добрая душа, согласилась поехать с ней за компанию.

— Объявляется посадка на рейс Санкт — Петербург — Москва, — произнёс женский голос, в котором звучали равнодушные металлические нотки.

Я вскочила так быстро, что чуть не выронила свою драгоценную ношу. Однако поднявшийся с соседнего кресла мужчина, успел вовремя её подхватить.

— Зачем же так торопиться, самолёт без Вас не улетит, — мягко проговорил он, улыбнувшись левым уголком губ, потонувших в густых зарослях тёмной бороды.

"Странная улыбка, — мелькнуло в голове. — Больше на ухмылку похожа или, того хуже, на ехидную гримасу".

Несмотря на повернувшие в мрачное русло размышления, у меня совсем не было желания злиться, вместо этого я подарила незнакомцу весёлый взгляд, радостно проговорив:

— Спешу к любимому на собственную свадьбу! — эту информацию мне хотелось сообщать каждому встречному, потому я и не упустила возможность сказать о грядущем в моей жизни счастье тому, кто сам начал беседу. Левый ус дрогнул, слегка приподнявшись. Я сделала вывод, что это означало очередную улыбку, которой одарил меня собеседник.

— Женитьба — дело хорошее, надеюсь, Ваш будущий муж, того стоит.

— Конечно, он самый лучший на свете! — довольное выражение лица служило ярким подтверждением моих слов. — Простите, мне пора! — спохватившись, бросила я, и быстро зашагала проч.

"Тоже мне, нашла время для болтовни, ведь уже объявили посадку, значит, нужно торопиться".

Успокоилась я лишь тогда, когда моё тело опустилось в уютное кресло авиалайнера, призванного отвезти меня на встречу мечте. Закрыв глаза, я блаженно улыбнулась, прижав к груди свою драгоценную ношу.

— Не понимаю, зачем так спешить, ведь самолёт все равно не улетит раньше, чем ему положено по расписанию.

Я вытаращила полные удивления глаза на человека, который с невозмутимым видом устраивался в кресле рядом со мной. Это был всё тот же великовозрастный хиппи.

— Вы летите в Москву? — слетело с моих губ.

— Да, удивительное совпадение, не находите? — мужчина смотрел на меня, его завуалированное растительностью и очками лицо ничего не выражало.

— Наверное, — пожав плечами, отозвалась я. Почему-то стало не уютно. От собеседника веяло чем-то холодным и грустным, как будто он знал то, чего не знала я, и это что-то мне совсем не нравилось.

Самолёт взлетел, оставляя позади крошечные домики родного города. В Москве я окажусь уже затемно. Надеюсь, что там не холодно, иначе мой шёлковый лёгкий наряд вряд ли выдержит большую разницу температур. Хотя взять кофту всё-таки стоило. Вечер, как-никак.

Перепад давления в салоне лайнера оказал своё обычное воздействие, и у меня заложило уши. Сглотнув, я попыталась избавиться от неприятного ощущения, но оно нахлынуло новой волной. Хорошо ещё, что полёт не длинный... Решив немного вздремнуть, я закрыла глаза и расслабилась. Сон идти отказывался, уступая дорогу, как истинный джентльмен, моему воображению, а оно рисовало красивые картинки будущей жизни в доме

любимого мужа — московского бизнесмена, занимающегося риэлторством и имевшего хорошую репутацию, как я поняла из статей в столичных газетах, которые Слава показал мне, рассказывая о себе.

— Лимонад? — сосед протянул пластмассовый стаканчик, взятый из рук стюардессы, разносившей на подносе напитки. Себя он тоже не забыл, осторожно попивая из другого такого же стакана. — За ваше скорое замужество! — мужчина торжественно чокнулся со мной и вновь пригубил щекочущий газом напиток.

— Ладно, — улыбнулась я в ответ и залпом выпила свою порцию. — Надеюсь, что мы будем счастливы.

— Не сомневаюсь, — вкрадчиво произнёс собеседник и снял очки. Синие, как вечернее небо глаза, внимательно смотрели на меня, словно, чего-то ожидая. Каскад мелких морщинок рассыпался возле внешних уголков прищуренных спокойных глаз, обрамлённых густыми чёрными ресницами, длине которых позавидовала бы любая женщина. Почему он так странно смотрит?

Я захотела озвучить свой вопрос и вдруг с ужасом поняла, что губы мне не подчиняются, как, впрочем, и руки, и ноги, и всё моё бедное тело. Конечности начали холодеть, глаза остекленели, отказываясь закрываться, биение сердца стало еле заметным. Неужели я умерла?

Мужчина спокойно допил лимонад, потом осторожно поводит ладонью перед моим носом и, убедившись в полном отсутствии реакции с моей стороны, громко воскликнул:

— Сюда! Кто-нибудь?! Девушке плохо!

Подбежала встревоженная стюардесса, которую тут же оттеснил невысокий, лысоватый мужчина лет пятидесяти, сообщивший, что он врач. Пощупав пульс на моей безжизненно висевшей руке, а затем быстрым отточенным движением найдя нужную точку на шее, он громко произнес гробовым голосом:

— Она мертва. Вероятно, сердечный приступ.

"Но как же так? — моя неподвижно лежащая на спинке кресла голова, разрывалась от противоречивых мыслей. — Я же всё слышу и вижу, разве трупы обладают такими способностями? И сердце мое бьётся, хоть и тихо. Почему никому не придёт в голову его послушать? — отчаянье овладевало рассудком, готовым свихнуться от беспомощности.

Сидящая у окна женщина, взвизгнула с перепугу. Её тут же проводили на свободное место. Пробираясь мимо моего застывшего тела, она брезгливо поморщилась и выразительно сглотнула. Действительно, зрелище не для слабонервных, я сама пребывала в шоковом состоянии, вот только сказать об этом мне никак не удавалось.

— Я могу проводить Вас в другой салон, — дрожащий голос стюардессы обращался к моему недавнему собеседнику.

— Не надо, — угрюмо глядя на меня, ответил он. — Я не боюсь смерти. Бедная девочка, такая молодая...

Врач изъявил желание сесть по другую сторону от новоиспечённого трупа, как раз туда, откуда только что сбежала женщина. Этот лысый "светила" также сообщил, что готов оказать содействие по доставке моего тела в морг, на опознание, так как он, якобы, имеет свою частную клинику в Москве и, как только самолёт приземлится, немедленно вызовет машину скорой помощи и милицию. Ещё раз, осмотрев меня, врач внезапно сообщил:

— Возможно, есть шанс. Это состояние похоже на глубокую кому, которую легко спутать со смертью. Кажется, милиция не понадобится.

"Ну, Слава Богу!" — обрадовалась я мысленно, а вместе со мной и все, кто находился рядом. На бледном лице стюардессы появился лёгкий румянец, а по салону пробежал вздох облегчения. Мои не имевшие сил закрыться глаза, по-прежнему были обращены на облаченного в серую косынку и чёрные очки мужчину.

— Я помогу донести её до "скорой", — спокойно заявил он, обращаясь к доктору.

— Буду крайне признателен, — услышала я голос его собеседника.

Мы, наконец, приземлились. Хиппи, как и обещал, стрёб не подчинявшееся мне тело в охапку и понёс между рядами к выходу. Лысоватый медик двигался следом, как я поняла по шаркающим шагам. Он уже успел вызвать по мобильнику машину, и теперь ожидал её появления, идя вслед за нами по взлётной полосе к зданию аэропорта. Потом были разные звуки, голоса, а перед моими глазами красовался круглый вырез синей футболки — все это время меня держал на руках один и тот же человек.

Потолок скорой помощи немного качало, когда мы с дико вопящей сиреной мчались в клинику. И доктор, и тот, кто вызвался помогать, по-прежнему находились рядом. Вдали от обилия любопытных глаз, они тихо разговаривали, сидя напротив друг друга.

— Куда теперь? — спросил врач.

— В крематорий, там всё уже готово.

— А заказчик? Он тоже там?

— Конечно. Вернее, подъедет через тридцать минут. Нам хватит времени, чтобы подготовить бедняжку к встрече со своим убийцей.

"Боже правый! О чём это они толкуют? — я начинала погружаться в вязкую трясину всепоглощающего ужаса. — Неужели обо мне? Но если я "бедняжка", то кто убийца? Убийца!!! — хотелось кричать, но губы отказывались повиноваться. — Значит, меня все-таки убили, — мысль упала в черноту, раздавленного открытием сознания. — Я мертва!"

Моё безжизненное с виду тело вкатили на специальной тележке в напоминающее склеп здание. Там меня раздели догола и, прикрыв белой простыней, оставили лежать одну. Предоставленная сама себе, я пыталась соображать трезво, лёжа на смертном ложе в компании цветов и свечей. Господи! А свечи то здесь зачем? Похоже на прощальный ритуал... Разве мертвецов к сожжению так готовят? Что же происходит?!

"Интересно, эту процедуру тоже заказал убийца? И за что меня собственно лишили жизни? Кому я перешла дорогу? — грустные мысли водили траурные хороводы в моём воспалённом мозгу. — А этот мерзкий тип в очках, по видимому, исполнитель... Не он ли подсыпал яд в стаканчик, предлагая мне лимонад? И врач с ним заодно. Кому нужна моя смерть? Кому?! — голова готова была взорваться, а тело мне не принадлежало.

Дверь в комнату, где я лежала, открылась и до моего обострённого слуха, донеслись приближающиеся шаги.

— Вот она, — это был голос проклятого хиппи.

— Мертва?

— Мертвее некуда.

"Не правда, я живая! — взвыло моё сердечко из глубины парализованного тела. — Я не хочу умирать!"

— Двадцать пять штук наличными, как и договорились, — произнёс заказчик голосом, который мне был так хорошо знаком. Он подошёл ближе и склонился надо мной, взглянув в широко раскрытые, неподвижные глаза своей молодой жены. — Прости, дорогая, — мягко проговорили губы Славы, а на щеках образовались две игривые ямочки. — Я не хотел, чтобы

наш медовый месяц окончился так скоро...

Он провёл ладонью по моему холодному лбу и, обернувшись к собеседнику, сказал деловым тоном:

— За старуху больше пяти не дам, она и так на ладан дышит, того и гляди окочурится. Помочь ей присоединиться к внучке — труд не великий.

— Пятнадцать тысяч, — чеканя каждое слово, ответил киллер, — и ни центом меньше.

— Ну да брось, — протянул Слава примирительно, — десять, из них пять авансом.

Воцарилось молчание. Через несколько минут последовал ответ:

— Хорошо. Но учти одну очень важную вещь, — голос мужчины стал тихим и зловещим. — Я хочу тебя предупредить кое о чём. Понимаешь, есть некоторые нечестные типы, которые после исполнения заказа, пытаются вернуть свои деньги назад. Ну, так вот... Последний, кто опрометчиво полагал, что у него это получится, лежит на дне Москвы — реки и кормит рыб. Надеюсь, что благоразумие не позволит тебе составить ему компанию.

— Конечно, нет, — наигранная весёлость Славиных слов била по ушам откровенной фальшью, которую он пытался усиленно скрыть.

— Тогда я жду аванс.

Мой муж отсчитал нужную сумму, достав пачку новеньких хрустящих долларов из внутреннего кармана пиджака.

— Бабка должна сдохнуть от сердечного приступа в момент сообщения ей о скоропостижной кончине единственной внучки, — сказал он, протягивая наемнику деньги. — И не забудь, мне нужны все необходимые документы с результатами вскрытия и так далее, чтобы в страховой компании не возникло никаких сомнений на мой счёт.

— По девушке бумаги уже готовы, мой ассистент передаст их тебе на выходе, — в голосе киллера звучал свинец. — На счет старухи... все получишь завтра. Что делать с трупом невесты? — меняя тему, осведомился он.

— Сжечь, ведь мы же в крематории, в конце-то концов! — весело отозвался Слава. — Лариса сама хотела так окончить свою жизнь, вот я и выполняю ее посмертную просьбу.

— Хочешь присутствовать при процедуре? — мужчина подошел к моему ложу и принялся рассматривать лицо той, которую так безжалостно отравил.

— Нет, доверяю всё тебе, а меня ждут более важные и интересные дела.

Я услышала звук удаляющихся шагов того, кого обожала всем сердцем, кому верила всей душой, и кто так жестоко предал меня. Лучше бы я, действительно, умерла. Во всяком случае, тогда мне не пришлось бы проходить через эту пытку.

Крах несбывшихся надежд, смерть тела и гибель истерзанной души... Мой убийца по-прежнему стоял рядом. Он снял свои непроницаемые очки и молча смотрел на свою жертву.

— Симпатичная, — раздался откуда-то сзади голос тихо подошедшего лже-врача.

— Угу.

— Этот мерзавец знает, кого выбирать в жены.

— И в зятя тоже, — печально ответил собеседник, криво усмехнувшись, хотя, если честно, все его улыбки были какие-то странные. — Когда она очнётся?

— Без укола, часа через два. С уколом — минут через пятнадцать.

— Пусть сама отходит, хватит с неё сильнодействующих препаратов на сегодня.

Они ушли, прикрыв за собой дверь на ключ, я поняла это по негромкому щелчку.

"Что же значили их последние слова? Может, я все-таки не совсем ещё мертва? Очнётся через пару часов? Кто очнётся? Я?! Или кто-то ещё? Но ведь я думаю, значит, я жива..."

Толпы противоречивых мыслей и идей осаждали рассудок, давая почву для воображения, которое, как ему и положено, принялось рисовать разнообразные картины моего скорого будущего. То я видела себя горящей в алом пламени печи, куда меня запихнули два коварных чёрта, с лицами врача и хиппи. То я представляла момент своего пробуждения, вслед за которым появлялся киллер с пистолетом в одной руке и ядом в другой. Он предлагал мне самой выбрать способ, которым я должна отправиться к праотцам. Или фантазия переносила мой измученный рассудок на тот свет, рисуя счастливый момент встречи с покойными родителями, за спинами которых красовались белоснежные крылышки. Все варианты развития событий представлялись мне пессимистическими, сулящими бесповоротную гибель. Да и не мудрено, зачем убийцам живой свидетель?

"Зачем же тогда они ждут, когда я очнусь?" — подобные обстоятельства не укладывались в голове. — Может, эти монстры хотят со мной позабавиться? — от новой мысли внутри всё сжалось, а на глаза навернулись слёзы.

Слёзы!!! Я попробовала шевельнуть рукой, та поддалась. Неужели мой рассудок вновь обрёл контроль над телом. Значит, то, о чём говорили убийцы, верно и я, действительно, жива?! Сколько же времени прошло? Два часа? Целых два часа мучительных раздумий... Боже, какая пытка!

Приподнявшись на локтях, я осмотрелась вокруг. Комната не выглядела большой, скорее она казалась узкой и... мрачной, как впрочем, и положено месту, в котором сжигают людей. Стена напротив была уставлена стеллажами с разнокалиберными урнами для праха... Среди них я заметила и роскошные, и обычные, и совсем простенькие. Одним словом, усыпальницы на любой вкус и цвет.

— Почему они меня не прикончили? — вслух подумала я.

В голове пронеслись недавние события: самолёт, ядовитый напиток, лысоватый доктор с серьёзным видом и... мой муж, расплывающийся с хиппи за убийство своей жены, то есть меня. И ещё за бабушку... Я почувствовала, как сжалось сердце, а к горлу подступил ком.

"Они хотят убить бабушку!!!" — гремело в воспалённом мозгу, точно взвод оглушительных барабанов.

— Не позволю! — это был не крик, скорее, вопль, переходящий в дикий вой, огласивший мою тюрьму. — Гады!!! — я так отчаянно орала, что, казалось, будто стены того и гляди свалятся мне на голову, заставив заткнуться навсегда.

Щёлкнул замок, и в комнату вбежали всё те же двое. Увидев их, я вскочила с места и, схватив по пути одну из увесистых урн, ринулась в бой. Не понимаю, откуда только силы взялись? Истерично вопя, я опустила свою ношу на физиономию оторопевшего от такой прыти киллера. Он, вопреки всем моим надеждам и ожиданиям, не упал. Напротив, этот большой и сильный человек умудрился поймать моё разъяренное тело в железные объятия и стиснуть его так, что я не имела возможности шевелиться, не говоря уже о сопротивлении.

— Отпусти, проклятый дьявол! — верещал мой севший от повышенной громкости голос. — Или хочешь во второй раз убить меня?

— Я хочу не дать тебе убиться самой, бегая по комнате в чем мама родила и швыряясь тяжелыми предметами, дорогими, кстати, предметами в первых встречных людей, — спокойно проговорил собеседник, продолжая крепко сжимать мои плечи и спину.

"А ведь он прав, я совсем раздета", — краска бросилась в лицо, отчего злость закипела с ещё большей силой. Сделав невероятное усилие, я вырвала руку из крепких тисков своего

хиппи и, извернувшись, точно взбесившаяся пантера, вцепилась в его бороду, надеясь как следует её потрепать. Однако не тут-то было! Темная густая поросль легко подалась моему порыву. И понятно, ведь борода оказалась фальшивой. Я так сильно была поражена этим фактом, что даже перестала вырываться, глядя в лицо незнакомцу округлившимися от удивления глазами. Он усмехнулся одной стороной гладко выбритого лица.

— Маскировка, Лариса Ивановна, — пояснил его добродушный голос, безошибочно назвавший моё полное имя. — Может, поговорим спокойно? А? — Мужчина осторожно отпустил меня, предоставив моим щекам заплыть ещё ярче, когда его синие внимательные глаза оценивающие заскользили по моей обнажённой фигуре.

Помощь пришла оттуда, откуда её меньше всего ожидали. Доктор, подойдя сзади, закутал меня во взятую с ложа простынь, которой я была накрыта, пока лежала без движения.

— Тебе надо одеться, девочка, — тоном заботливого папаши проговорил он, — а то, чего доброго, подхватишь простуду, здесь полы каменные, холодные. Саша, где её одежда? — этот вопрос относился к киллеру.

— А я почём знаю? Спроси у местного персонала, — пожав плечами, ответил собеседник. — У меня в машине только её драгоценная коробка, перевязанная лентой. Других вещей при ней не было. Документы, вместе со свидетельством о смерти и результатами вскрытия ты передал её дражайшему супругу, — мужчина недобро усмехнулся.

— Что в коробке? — спросил врач.

— Платье, — тихо ответила я, настороженно глядя на него.

— Принеси коробку, а то она вся ледяная, — потрогав мою руку, сказал он фальшивому хиппи, тот, не споря, вышел.

— Зачем вы меня воскресили? — испытующе глядя на пожилого незнакомца, поинтересовалась я.

— Прежде всего, — назидательно произнес он, — мы тебя не убивали, чтобы воскрешать. Мы просто ввели в твой организм парализующий препарат, позволивший человеку, желавшему твоей смерти, решить, что его желание выполнено.

— А бабушка? — жалобно пробормотала я.

— С бабушкой тоже будет всё в порядке, если ты не наделаешь глупостей.

— Вот! — Саша стремительно вошёл в комнату, резким движением распахнув дверь. — Одевайся, — он вручил мне коробку и, скрестив на груди руки, принялся с любопытством ожидать дальнейшие события.

— А Вы разве не отвернетесь? — как-то неуверенно поинтересовалась я.

— Отвернется, конечно, — усмехнувшись, сказал доктор, показав своему другу жестом, что надо бы выполнить просьбу девушки. Мужчина смерил меня скептическим взглядом и нехотя отвернулся, пробормотав себе под нос:

— Тоже мне, святая невинность. Надеюсь, что удара урной со стороны спины не последует?

— Не последует, — натягивая на обнаженное тело свадебное платье, ответила я.

Когда на мои ноги были надеты белые, как сахар, новые туфли, я, с неожиданно возникшей яростью, принялась ломать каблуками перевязанную голубым бантом коробку, вместе с оставшейся в ней фатой. Обернувшись на звук топота и скрежета, сопровождаемых моим рычанием, мужчины с нескрываемым удивлением наблюдали происходящую сцену. Молодая невеста в шикарном платье и туфлях на тонкой высокой шпильке, подобно кошке,

расправляющейся с мышью, терзает собственный головной убор, топчась по несчастной коробке, голубая ленточка от которой трагично смялась, отползая прочь.

— Что с тобой, девочка? — вскинув седеющие брови, осведомился доктор.

— Это, — я швырнула ногой раздавленные вещи, — то, что связывает меня со Славой!

Как ни странно, во взглядах мужчин я прочитала понимание.

— Уничтожая несчастный венок, — Александр подцепил пальцем то, о чём говорил, — ты представляла себе голову мужа или нет?

— Да, — честно призналась я.

Он подарил мне лукавый взор синих, как его футболка, глаз. — Ты мне начинаешь нравиться, Ларочка!

— А Вы мне — НЕТ! — сквозь зубы процедила я грозно. — Вы монстр!

— Тихо, тихо, — мягко остановил меня доктор. — Ты сама не знаешь, что говоришь. Мы только что спасли твою жизнь, разве можно кидаться такими репликами?

— А, спасая мою жизнь, нельзя было сообщить об этом моему продолжающему бодрствовать сознанию, которое вы умело заперли в парализованном теле?! — я начинала беситься, позабыв об опасности и о возможных негативных последствиях того, о чем рвался рассказать мой глупый язык.

— Ты должна была всё увидеть сама, — резко ответил хиппи.

Правда, теперь он вовсе не был на него похож, так как снял с головы платок, к которому крепились искусственные волосы. Передо мной стоял высокий мужчина, сбросивший вместе с бородой и усами лет десять. Его глаза хмуро смотрели из-под густых тёмных бровей. Зачёсанные назад пепельные от ранней седины волосы, не были длинными, напротив, они имели аккуратно подстриженный вид: верхние пряди доставали до затылка, постепенно сходя на нет к шее. Прямой длинный нос с резко очерченными крыльями и крупные губы правильной формы живописно дополняли лицо с высокими скулами и массивным подбородком, увенчанным маленькой ямочкой, придававшей его внешности особую элегантность.

— Увидеть, что? — меня так и подмывало закатить истерику да желательно погромче. — То, как вы везли меня в крематорий, мило беседуя про то, что там я встречу своего убийцу? Вам ещё повезло, что я не скончалась от разрыва сердца прямо в машине скорой помощи! Или, может, вы именно этого и добивались?

— Ну, ты и дура! — фыркнул несостоявшийся киллер, смерив меня сердитым взглядом, похоже, ему не очень нравилась наша беседа.

— Это ещё почему?! — я ощетирилась, как ёжик, всем своим видом демонстрируя боевую готовность.

— Потому что орешь, будто базарная баба, вместо того, чтобы разобраться в ситуации, — ответил за друга доктор.

— Но вы же мне ничего не объясняете, — переложив вину с больной головы на здоровую, парировала я с невозмутимым видом.

— Так ты не даешь и слова вставить! — возмущенно воскликнул собеседник.

— Говорите, — сложив на груди руки и приняв выжидающую позу, попросила я.

— Впервые вижу, чтобы человек, которого несколько часов назад прикончили, вел себя так нагло с теми, кто, собственно, его и убил, — подперев рукой подбородок и с интересом глядя на меня, проговорил Александр.

— Не поняла? — резко повернувшись в его сторону на каблуках, переспросила я

голосом, в котором сквозила с трудом скрываемая агрессия.

— Опять — двадцать пять! — всплеснул руками врач, вырастая между нами, вероятно, чтобы предотвратить драку, на которую я, надо признаться, уже настроилась, бросая косые взгляды в сторону стеллажей с "боеприпасами". — Давайте лучше познакомимся, это гораздо более приятное занятие, нежели нападать друг на друга по поводу и без.

"Ничего себе, без повода! Я провалялась четыре часа в качестве трупа, и это он не считает достойным для скандала поводом?" — кружилось в голове, когда я мерила уничтожающим взглядом невысокую фигуру оппонента.

— Я — Василий Дмитриевич — хирург, который некоторое время назад официально зарегистрировал твою, милочка, смерть и провёл вскрытие, подтверждающее то, что ты, якобы, умерла от сердечного приступа. А это, — он указал на своего спутника, — Алекс, мой друг и партнер по бизнесу.

— Какому? Человекоубийственному? — съязвила я, но тут же осеклась, поймав взгляд синих глаз, в которых вместо вечернего неба появилась грозовая туча, готовая в любой момент разразиться сверкающими молниями.

— Чёрт возьми, девочка! — обиженно буркнул Василий Дмитриевич. — Ты будешь слушать или нет?

— Буду, — тихо ответили мои губы, а взгляд виновато уперся в пол. — А вы будете держать меня в этом склепе вечно или всё-таки позволите взглянуть на свет божий?

— О, нет! — простонал пожилой собеседник, хватаясь за голову. — Саша, нам стоило её, действительно, отравить, тогда я сейчас не чувствовал бы себя полным идиотом, пытающимся разговаривать со стенкой.

— Я не стенка, я Лариса, — гордо вскинув подбородок, представилась я.

— Ну, вот и познакомились, — почему-то весело ответил тот, чей взор недавно предвещал грозу. Он подарил мне очередную кривую улыбку и мягко сказал. — Мы с твоей бабушкой уже успели пообщаться и даже кое о чём договорились. Поэтому завтра утром после её сердечного приступа, вы с ней отправитесь подальше от больших городов и, в ближайшие пару лет, постарайтесь оттуда не вылезать, чтобы твой дорогой супруг не прикончил вас обоих по-настоящему.

Внимательно выслушав собеседника, я твёрдо заявила:

— Только через мой труп.

Алекс усмехнулся и, обращаясь к другу, сказал без тени смущения: — Ну как? Выполним её просьбу?

— Попробуй, — отступив к стеллажам, прошипела я.

— Н-да, эта ненормальная снова собирается атаковать нас урнами, — мужчина откровенно хохотал, хватаясь за живот и глядя на меня слезящимися от смеха глазами. — Мы спасли с тобой не несчастную невесту, а бесенка в юбке.

"Невеста! Как же я могла забыть о той кровоточащей ране, которую нанес мне муж? От острой боли, вонзившей ядовитое жало в моё несчастное сердце, захотелось плакать. И непослушные слезы крупными каплями поползли из опущенных, полных страдания глаз. Вся ярость, кипевшая во мне до этого момента, мгновенно исчезла, уступив место жалости к самой себе. Меня предали, растоптали, унизили и... убили.

— Минутку, — обиженно всхлипнув, пробормотала я. — Значит, официально Сергеевой Ларисы Ивановны больше нет среди живых?

— В общем-то, да, — спокойно подтвердил Алекс.

— И что же мне теперь делать прикажете? — слезы закапали чаще, спина ссутулилась, а губы надулись, демонстрируя всю силу моего горя.

— Я же только что объяснил, — небрежно бросил собеседник. Он сделал шаг в моем направлении и протянул, было, ладонь к моему лицу, однако я отскочила с завидной скоростью в сторону, чем очень его удивила. — Перестань прыгать, как горная коза, я просто хочу вытереть твои слёзы.

— У меня для этого есть свои руки, — пробубнила я себе под нос, усиленно растирая по глазам остатки утренней туши.

— Теперь ты похожа на чёрта, — критически осмотрев моё лицо, заключил мужчина и решительно двинулся ко мне.

Когда пути к отступлению больше не оставалось, так как спина моя прижалась к холодной гладкой стене, он медленно достал из кармана джинсов белоснежный батистовый платок и осторожно вытер чёрные разводы на моих щеках.

— Так гораздо лучше, — любуясь собственной работой, сказал Алекс. — Сейчас мы отправимся ко мне домой. Завтра я привезу туда твою замечательную бабушку, — при этих словах собеседник улыбнулся, а в его голосе появилась теплота. Похоже, что и он тоже пал жертвой бабушкиного обаяния. — Вечером того же дня вы обе уедете из города по новым документам, которые я специально подготовил для вас несколько недель назад.

— Зачем вы это делаете? — пристально глядя в его бесстрастное лицо, пробормотала я.

— Пытаюсь исправить очередную жизненную несправедливость, — мужчина отвернулся, но я успела заметить, как на его бледное лицо чёрной тучей опустилась мрачная тень.

— Надеюсь, что мы не зря тебя спасали, Лара, — доктор смотрел на меня с сочувствием. Он перестал дуться за то, что я отказывалась его слушать, упорно нарываясь на скандал. От той меня сейчас осталось разве что шикарное белое платье, которое висело теперь на ссутуленных плечах, как на вешалке. — Ты сделаешь так, как просит Саша, и у тебя появится в жизни новый шанс на счастье.

— А как же Славик?

— Невероятно! После всего, что он с тобой сделал? — выражение лица Александра было недоумевающим и... злым. — Ты беспокоишься о человеке, который заплатил мне двадцать пять тысяч баксов за твоё убийство?!

— Я беспокоюсь о том, чтобы он получил по заслугам, — чеканя каждое слово, произнесли мои дрожащие губы, а на глаза солёной лавиной вновь обрушились слёзы.

— В таком случае, это не твоя забота, — в тон мне ответил собеседник.

— А чья? — изо всех сил пытаюсь подавить предательские всхлипывания, проямлила я.

— Моя, — сказав это, он обнял меня за плечи, прижав к себе так нежно и заботливо, что я больше уже не могла бороться с собственным плачем. Уткнувшись в его твердую грудь, я принялась тихо скулить, то всхлипывая, то завывая, как белуга. Солёная вода неиссякаемым потоком текла из затуманенных горем и обидой глаз, оставляя мокрые пятна на синей футболке мужчины, который осторожно гладил меня по растрепанным волосам, изредка приговаривая:

— Ну, всё, всё, девочка, успокойся.

Наревевшись вдоволь, я потихоньку начала приходить в себя, вытирая лицо всё тем же батистовым платком, благородно пожертвованным мне Алексом.

— Пора уезжать из этого царства смерти, — предложил врач, терпеливо дожидавшийся нас, стоя у стены.

— У меня слишком приметный вид, — окинув сверху вниз свой ослепительный наряд, пробормотала я. — А если Слава решил проследить за выходом?

— Нет, я сам видел, как он уехал, — опроверг моё предположение собеседник. — К тому же при нём в печь отправилась юная клиентка крематория, чем-то напоминающая тебя. И краем глаза он видел, как её тело везли на сожжение.

— Слава умный и подозрительный человек, он мог перестраховаться, оставив кого-нибудь из своих людей, проследить за вами, — не сдавалась я.

— Тогда мы выйдем через черный ход, — решил спор Александр, предлагая нам следовать за ним. — Ларисе, конечно, не помешало бы накинуть что-нибудь на плечи...

Через пару минут он умудрился раздобыть где-то черное атласное покрывало, в которое меня тут же закутали словно мумию. Наконец-то мы покинули ненавистное здание, и я не без удовольствия вдохнула свежий воздух летнего московского вечера. Оказавшись в белой "Вольво", я скинула атласные путы, устраиваясь поудобнее на заднем сиденье машины. Жизнь моя за последние часы действительно круто изменилась, как я и предполагала, когда ехала в аэропорт. Вот только русло, в которое она вздумала направиться, не внушало мне никакого доверия. Я плыла по течению, не имея ни малейшей возможности, что-то изменить. Люди, спасшие меня от смерти, уже успели решить мою дальнейшую судьбу, не удосужившись даже узнать моё личное мнение на этот счёт.

"Вы поступите так! А хочется вам этого или нет — ваши личные проблемы, господа вновь воскресшие", — я разжигала свой собственный дух противоречия, позволяя рассудку углубляться в подобного рода размышления. Мои спутники молчали, устремив задумчивые взгляды на дорогу. Я не имела ни малейшего понятия, куда меня везут. Не доверять им не было смысла, ведь у них уже был прекрасный шанс отправить меня на тот свет, однако они не только его упустили, но и сделали всё наоборот, подарив мне новую жизнь. Я видела этих людей впервые, но то, как они поступили со мной и со Славой, заставляло относиться к ним, по меньшей мере, уважительно.

— Завтра я отдам тебе двадцать пять тысяч баксов, которые мне заплатил твой муж за убийство, — нарушив тишину, негромко сказал Александр, взглянув на меня в зеркало заднего вида.

— Почему вы не оставите эти деньги себе? — любопытствовала я, с недоверием изучая его плечи и затылок.

— Потому что мне они не нужны, а вам могут пригодиться.

Разговор погас, не успев как следует разгореться. В машине вновь повисла тишина, дополняемая монотонным гулом мотора.

"Он ведёт себя как Санта-Клаус в Рождество, доставая из мешка свои щедрые подарки. Вот вам новые паспорта, вот вам деньги, вот вам и новая жизнь!.." — мысленно решив, что будет не лишним узнать о том, кем являются мои новые знакомые в промежутке между спасением несчастных дурочек, типа меня, и очаровательных старушек, типа бабушки, я задала мучивший моё внутреннее "Я" вопрос:

— А кто вы такие, ребята?

Они обернулись в недоумении, но тут же вернулись в прежние позы, чтобы не упустить из вида трассу, по которой мы ехали.

— Разве знакомство не состоялось? — осведомился Василий Дмитриевич.

— Я имею в виду немного другое, — подавшись вперёд, поправила я. — Вот Вы, например, хирург. А где Вы, собственно, работаете? Есть ли у Вас семья, дети?

— Есть, конечно, — охотно ответил собеседник, почесав свою лысину. — Дочке тринадцать лет, она у меня отличница. А работаю я в собственной клинике "Пластической хирургии". "Афродита" называется, может, слышала?

— Нет, — пожав плечами, ответила я. — Мне в Москве не часто бывать приходилось. Так, пару раз проездом...

— Ну, ничего, — усмехнулся врач, весело подмигнув мне, — Поверь, ты не много потеряла.

"Всего лишь себя", — мысленно ответила я, а вслух проговорила:

— А Вы, Алекс, кем работаете?

— Это важно? — нехотя отозвался он, не сводя взгляда с дороги.

— А разве род вашей деятельности — тайна? — моё ненасытное любопытство потихоньку просыпалось и подгоняло меня, требуя узнать то, о чём мне не очень-то хотели говорить.

— Возможно.

— И всё-таки, кто Вы такой? Иногда Вы бываете киллером в облиии длинноволосого хиппи, иногда занимаетесь благотворительностью, как в случае со мной. Но ведь у Вас должно быть ещё какое-нибудь занятие, помимо спасения невинно убиенных идиотов, типа меня?

— Я спонсор, — короткий ответ, который не приблизил меня ни на йоту к желанной разгадке.

— Чей?

— Мой, — спокойно произнес врач. — Мы с Алексом партнеры и равноправные владельцы клиники.

— Вот как? — с ощущением, что получила неполную информацию, протянула я. — И это всё?

— Ещё я фотограф, но эти данные конфиденциальны, так что держи язык за зубами, Лариса.

— А кому мне разбалтывать-то? — обиженно пробубнила я.

— Ну, мало ли, — он улыбнулся, я заметила это, так как наблюдала за собеседником сбоку.

— Что у Вас с лицом? — вырвалось у меня раньше, чем я успела закрыть рот.

— Родовая травма, — ледяным тоном ответил мужчина. От стиснутых зубов на его скуластом лице заиграли желваки, руки до белизны в пальцах впились в руль, а спина напряглась, отчего футболка, свободно облегавшая её прежде, натянулась.

Решив, что задела Алекса за живое, я, предусмотрительно заткнувшись, забила в угол и вновь погрузилась в собственные размышления. Горевать по развалившейся на куски жизни мне надоело, в голове, опережая один другого, начинали рождаться новые планы, в которых не последнюю роль играло слово "мечь". Насолить человеку, так низко и подло поступившему со мной и с моей семьей, стало желанной целью, которую я искусно спрятала в глубине своего израненного сердца.

"Что ж, эти двое хотят, чтобы я играла по их сценарию? О`кей, почему бы не позволить им думать, что они победили? А как только клетка откроется, и нас с бабушкой отправят в провинцию, я затею собственный спектакль, и никто не помешает мне уничтожить

мерзавца! — приняв это решение, я довольно улыбнулась, искоса взглянув на своих спутников. — До чего же всё-таки мужчины глупы, неужели они, действительно, думают, что могут управлять поступками других?.."

Квартира, в которой проживал Алекс, была великолепна. Уютная, большая, с красивой дорогой мебелью и грудой всевозможной бытовой техники.

— Сколько же стоят эти хоромы? — присвистнув, поинтересовалась я.

— Немногим больше, чем ваша трехкомнатная обитель в самом центре Питера.

— Вам и это известно? — не без удивления сказала я.

— Естественно, Лара, а почему, ты думаешь, Славик нанял меня убить тебя и твою бабушку?

— Чтобы получить квартиру? — это неожиданное открытие не очень то меня обрадовало. Вот и причина для путешествия в загробный мир! Боже правый, как мерзко. Я почувствовала приступ тошноты, мой организм сопротивлялся, отказываясь понимать, как мог человек, которому я подарила всю свою любовь вместе с брачным контрактом и завещанием того, что мне принадлежит, так отвратительно поступить.

"Ну, конечно же, — сделала я печальный вывод. — Убив меня, он разделяется с бабушкой, и её собственность отходит ближайшему родственнику, то есть Славе. Грандиозный по своей изощренности и простоте план! Мерзкий, гадкий и невероятно легкий".

— Подонок, — скривив губы, процедила я, бесцельно глядя в пол. Мои руки застыли на скрещенных коленях, воздушные юбки раскинулись по поверхности велюрового дивана, на который я опустилась, погруженная в раздумья и абсолютно позабывшая о том, что не одна.

— Он просчитался, — голос Алекса вывел меня из размышлений, заставив вскинуть голову и пристально посмотреть на говорившего.

— То есть?

— Твоя замечательная бабушка вчера оформила документы на продажу жилья, и с сегодняшнего дня новый хозяин вступил в свои права.

— Она продала квартиру?! — с гигантскими паузами между словами воскликнула я.

— Да. Мне, — спокойный ответ, а какой эффект! Хаотичные мысли, противореча друг другу, принялись атаковать мою несчастную голову. "Так, значит, вся эта игра в спасателей устроена лишь для того, чтобы завладеть квартирой. Или нет? Зачем тогда, вообще, было меня спасать, если бабуля ещё вчера оформила продажу?.. А, может, моя неприкосновенность — один из пунктов сделки? Минуточку, но откуда бабушка знала о том, что муж хочет меня убить? Или её просветили в данном вопросе?.." — мой уничтожающий взгляд достиг своего адресата.

— Вам нужна была квартира, ведь так? — презрительно глядя на него, проговорила я зловеще.

— Нет, — он усмехнулся. — Не так.

— Пожалуй, я пойду, жена заждалась уже, — подал голос молчавший до сих пор Василий Дмитриевич, продвигаясь к выходу. — Завтра увидимся, — сказал он другу, и, подарив мне печальный взгляд, удалился.

Хлопнула входная дверь, и я осталась наедине с человеком, который, в свете последних событий, манипулировал мной, как деревянной куклой, дёргая за верёвочки в нужный момент.

— Разве? — саркастически осведомилась я, приняв расслабленную позу и не сводя с его

ничего не выражающего лица пристального взгляда горящих от гнева зелёных глаз.

— Послушай, Ларочка, — он немного постоял напротив, задумчиво изучая меня, — пожалуй, нам стоит немного поесть, день выдался весьма напряженный, — с этими словами он направился в кухню, а я, подскочив, как ошпаренная, стремглав кинулась следом, едва не налетев на хозяина дома в коридоре, где он преспокойненько дожидался меня, стоя со скрещенными на груди руками.

— Вы лжете! — отдышавшись, выпалила я. — Как вам удалось ее заставить продать нашу "берлогу"? Вы ее запугали? Отвечайте же! — я вцепилась в его футболку, и принялась ее трясти, но это не возымело никакого эффекта. Он с интересом наблюдал за маленькой истеричной женщиной, пытавшейся разорвать кусок синей ткани на его непробиваемой груди.

— Наверное, ты слишком сильно перевозбудилась, милая, — наконец, заключил подвергшийся атаке мужчина. — Я понимаю, такой стресс для твоей юной головки просто невыносим.

— Ты ничем не лучше его, — обиженно фыркнув, заявила я, отойдя на безопасное расстояние от собеседника.

— Неправда, я тебя спас, а он — убил, — темные густые брови съехались на переносице. Алексу не понравилось приведенное мной сравнение, это было очевидно. — И вообще, Лара, чувствуй себя как дома, но не забывай, что ты в гостях.

— А я к Вам не напрашивалась, — рывкнуло моими устами возмущенное самолюбие.

Собеседник вздохнул, разведя руками.

— Горбатого, как я вижу, могила исправит, — он быстро зашагал в сторону кухни, оставив меня хлопать в недоумении ресницами и размышлять на тему: "Кто, собственно, такой "горбатый" и какая "могила" его будет исправлять?"

— О, черт! Да ведь он говорил обо мне, — слова слетели, как стремительная птица, я побежала вслед за Алексом, чтобы высказать ему свои претензии. — Где это, сударь, вы увидели у меня горб? — хмуро глядя на него, полюбопытствовала я зло.

— В вашем дурном характере, леди, — парировал он, продолжая доставать из холодильника еду.

— Не такая уж я и плохая, — обиженно пробубнили надутые губки, а мой курносый нос капризно вздернулся.

— Возможно, — он подарил мне хитрый взгляд из-под слегка прикрытых век. — Наверняка, ты просто голодная, поэтому и вредная.

"Вот тебе на! Это я-то вредная? Чья бы корова мычала. Тоже мне, властелин судеб нашелся!" — обругав мысленно собеседника, я вслух процедила:

— Вы могли бы быть чуточку повежливее?

— Чуточку, мог бы, — иронично ответил он.

Наш пустой разговор веселил Алекса, заставляя улыбаться, мне же было не до смеха.

— Так, значит, Вы затеяли все это не из-за бабушкиной квартиры? — пробуя салат из крабовых палочек, которым потчевал меня хозяин, спросила я, сидя напротив него за кухонным столом.

— Нет.

— А зачем?

— Это долгая история, — он грустно улыбнулся. — У меня со Славой давние счёты, правда, он об этом не догадывается.

— Чем мой муж, — я осеклась, — мой бывший муж, насолил вам?

— Когда-то, — Алекс поднялся, чтобы отнести тарелку в раковину, — у меня была жена...

Больше он ничего не сказал, лишь мрачные тени воспоминаний блуждали по его мертвенно бледному лицу, которое в свете оранжевой люстры казалось еще белее. "Какой странный цвет кожи у этого человека?" — подумалось мне, однако, мысль, неожиданно посетившая голову, исчезла так же быстро, как и появилась.

— Если хочешь, почитай перед сном книжку, — расстилая мне в зале постель, предложил хозяин дома.

— Не хочу, — пробормотала я, забираясь в большое уютное кресло за его спиной. — У вас есть ночная рубашка?

Он непонимающе покосился в мою сторону.

— Ну, спать я в чем должна? — стараясь разъяснить ему смысл моих слов, спросила я.

Какое-то мгновение мужчина продолжал в недоумении смотреть на меня, потом до него все же дошло. Густые брови слегка сдвинулись, а на высоком лбу образовалась вертикальная морщинка. Алекс задумался.

— Если так пойдет и дальше, — язвительно проговорила я, — у меня вообще не останется времени на сон. Вы собираетесь размышлять над проблемой пижамы до утра?

— Верно! — радостно воскликнул он. — Я принесу тебе пижаму.

— Вашу? — почему-то сморщившись, спросила я.

— Нет, — он усмехнулся левым уголком своих идеальной губ. — Я предпочитаю отправляться в объятья Морфея без лишних одеяний на теле.

— Я тоже.

— Тогда зачем дело стало? — в его глазах опять возник вопрос.

— За моей одеждой, которую вы подарили крематорию.

Он понял. Синие глаза лукаво сузились, руки легли друг на друга, заняв излюбленное положение на могучей груди. Вся его фигура излучала веселье, быстро заполнявшее пространство комнаты. Я почувствовала опасность и сильнее вжалась в кресло, проклиная себя за длинный язык. Добрый дядя доктор, способный быстро разрядить обстановку, закутав меня в простынь, сейчас был бы очень кстати.

— На тебе ведь ничего нет, кроме платья? — его голос был тихим и вкрадчивым, на губах заиграла сомнительная улыбка.

— Алекс, — прошипела я из своего убежища. — Вы меня пугаете. Прекратите так странно смотреть.

Он резко сел на постель и, вонзив в меня горящий взор, холодно сказал:

— Неужели твой мерзавец — муж, лучше, чем я?

— О чем это Вы? — искренне не понимая смысл его слов, спросила я, слегка подавшись вперед от неожиданной смены настроения собеседника.

— Так, ни о чем, — хмуро бросил он, выходя из комнаты. — Будь любезна, надень наволочку сама.

Через пару минут мужчина вновь появился на пороге, вручив мне идеально выглаженную шелковую пижаму гигантского размера. Он ушел, а я, как дура, смотрела на то, в чем мне предстояло лечь спать, и пыталась решить одну глобальную проблему, как бы ночью не выпасть из слишком уж свободных штанов или не лишиться рубашки, в которой я могла смело заблудиться, попеременно выпрыгивая то из одного рукава, то из другого. Да,

что ни говори, а габариты у нас с хозяином одежды были, увы, разные. Его высокий рост не шел ни в какое сравнение с моими несчастными 157 см. Что касается объемов... здесь у нас опять же не было ничего общего. Я тяжело вздохнула, натягивая на свое обнаженное тело мужскую пижаму, которую подпоясала шифоновой лентой, оторванной от подола платья, сулившего мне когда-то счастливую семейную жизнь. И... легла спать.

— Ларочка, детка, как я рада тебя видеть, — довольное бабушкино щебетанье вытащило меня из крепких объятий сна.

— Как, — протирая заспанные глаза, пролепетала я. — Ты уже умерла?

— Да, — весело ответила бабуля, — сердечный приступ и дальше как запланированно.

Я хотела ее обнять, но, вспомнив о шаткости своего наряда, предусмотрительно заглянула под одеяло, прежде чем из-под него выпрыгивать. Штаны, как ни странно, по-прежнему были на мне, спасибо изобретенному ночью поясу.

— Как хорошо все-таки что мы снова вместе! — радостно воскликнула я, прижав к себе старушку. — А где Анята? — в моих глазах появилась тревога, не ускользнувшая от внимательного взора собеседницы.

— Она улетела домой. Бедняжка так расстроилась...

— Ты точно знаешь, что Аня отправилась в Питер? — скептически посмотрев на бабушку, переспросила я.

— Василий Дмитриевич сам лично отвез ее в аэропорт.

Я грустно улыбнулась. Анечка улетела, а с ней исчезла и моя привычная жизнь вместе с именем и домом. И кем я теперь интересно буду?

— Спящая красавица очнулась? — полюбопытствовал Алекс, открыв дверь и просунув в проем голову. Пепельные пряди упали на бледное лицо мужчины, закрыв его до самого подбородка.

Настроение говорившего было, явно, хорошим, он весь светился от удачно проведенной авантюры с гибелью Ирины Николаевны. Не понимаю, как я умудрилась проспять все самое интересное. Вздох разочарования вырвался из моей груди. Впереди ожидало лишь путешествие в глубинку. Я сидела на залитой светом кухне и бесцельно ковыряла вилкой в тарелке, где лежала порция салата, от души положенная мне хозяином. Есть не хотелось совершенно. Аппетит пропал еще в постели, когда я поняла, что близится финал моего пребывания в столице, и вскоре нам светит оказаться в какой-нибудь глуши.

— Почему ты не ешь? — изучающе глядя на меня, спросил Александр. — Вы скоро отправитесь на вокзал. Ты должна подкрепиться перед дорогой.

— Спасибо, я не голодна, — выдавив на лице подобие улыбки, ответила я и рассеянно посмотрела вокруг.

Бабушка сидела напротив и уплетала за обе щеки то же самое, что лежало передо мной. Она заметно проголодалась с дороги и теперь с удовольствием наполняла желудок вкусной, домашней пищей мужского приготовления. Алекс сам нарезал помидоры и обильно приправил их зеленью. Сделал он это быстро и, наверное, вкусно, но от печальных мыслей кусок в горло мне не лез, поэтому оценить его кулинарные таланты я, увы, не могла.

— Вот документы, — собеседник протянул нам новые паспорта, достав их из кармана пиджака.

Он сильно изменился с прошлого вечера. Сейчас передо мной стоял элегантный высокий человек в идеально сидящем тёмно-сером костюме классического типа, белоснежной рубашке и благородного цвета галстуке. Его синие глаза почему-то стали серыми, потеряв вместе с насыщенным цветом свою загадочность и шарм.

"Интересно, когда же всё-таки он был в линзах? Вчера или теперь? Наверное, вчера, а,

может, и теперь тоже... — пыталась я определить истинный цвет этих странных, внимательно наблюдавших за мной глаз.

Осторожно раскрыв паспорт, я тут же наткнулась на собственную физиономию, весело смотрящую на меня с фото. Правда, вместо длинных прямых волос, обладательницей которых я являюсь, на снимке у меня была стрижка типа каре.

— Мне нужно отрезать косу? — испуганно поинтересовались мои дрогнувшие губы, а глаза, слегка округлившись, недоуменно захлопали длинными тёмными ресницами.

— Вовсе не обязательно, — пожал плечами мужчина. — Ты могла отрастить волосы за несколько лет. Тебе ведь двадцать пять? Достаточно времени для отращивания косы, как мне кажется.

Я снова уставилась в документ, жадно читая изложенную в нем информацию о самой себе. Зовут меня по-прежнему Лариса, это радовало. Вот только фамилия поменялась: вместо Сергеевой, я стала Ярмошиной.

— А паспорт настоящий? — недоверчиво поинтересовалась я, листая странички.

— Да, вполне. Можешь не беспокоиться за его подлинность.

— Я прописана в Новгороде?! — этот крик удивления сорвался так быстро, что я сама поразила его скорости.

— Да, хороший город. Тихий, спокойный, самое место для того, чтобы в нем на время исчезнуть.

— Вот спасибо! — грустно бросила я.

"Никогда там не была, и желания особого не испытываю. Мог бы хоть поинтересоваться моим мнением по поводу выбора места прописки", — вертелось в голове, как назойливая оса.

— Поезд отходит сегодня ночью, — довольным тоном сообщил собеседник. — Василий проводит вас. Билеты уже куплены. А по приезду устройтесь как-нибудь. Деньги при вас есть, — он достал из шкафа пачку иностранных купюр. — А это благотворительный взнос в вашу новую жизнь от господина Ларина.

Бабушка спокойно приняла доллары и сложила их в свою потертую коричневую сумку так, словно это были не деньги, а какие-то никчемные бумажки.

— Вы можете отдохнуть пока, а я отправлюсь в магазин, надо Ларисе сменить наряд на менее вызывающий.

Я скользнула взглядом по белому платью, в которое облачилась с утра. Он прав, в таком прикиде в поезд не сядешь.

— У меня сорок четвертый размер, — бросила я вдогонку, когда Александр был уже в коридоре.

— Он знает, Ларочка, — ответила Ирина Николаевна, загадочно подмигнув мне. — Он все про нас знает.

Я посмотрела на нее так, будто впервые видела. Маленькая шустрая старушка, с округлым румяным лицом и носом картошкой, на котором висят в тонкой оправе очки. Серые короткие волосы, непослушными прядями лезут на пронизанный горизонтальными морщинами лоб. Подкрашенные розовой помадой губы хитро улыбаются, а серо-зелёные глаза в кольце мелких морщинок лукаво блестят.

— Бабушка, а как ты-то попала во всю эту историю? — скептически покачав головой, спросила я.

— Мы с Сашей заключили одну взаимовыгодную сделку.

— На продажу квартиры? — я презрительно хмыкнула.

— Да, но в договоре есть один маленький пункт.

— То есть? — весь мой вид говорил о настороженном внимании, которое струилось из всех клеточек тела, отражаясь в расширенных от любопытства зрачках.

— Там указано, что если ты, моя внучка, потребуешь вернуть квартиру обратно, тебе достаточно будет возместить необходимую сумму ее нынешнему владельцу. Сумма идентична той, которую заплатил мне Александр.

— Но у нас ведь новые имена? — я грустно усмехнулась. — Значит, сделка не действительна.

— Отчего же? — Ирина Николаевна напустила на себя важность. — В этом договоре указана и ты, нынешняя, тоже. Так что, если надумаешь вернуть себе "берлогу", отправляйся к Саше, и он тебе поможет это сделать.

— А ты?

— Я уже старая, мне-то она зачем. Я для тебя ее хранила, думала, что будешь жить там, детишек растить, а вышло вон как... — она взгрустнула, погрузившись в неприятные воспоминания. — Кстати, по документам мы теперь с тобой мать и дочь.

Я удивленно вскинула брови:

— Значит, мне тебя мамой нужно звать?

— Ты уж постарайся. В детстве ты меня так часто величала, — усмехнулась собеседница.

— Ладно, мама. Что дальше? — принимая игру, полюбопытствовала я. — Мы сидим с тобой на кухне, в чужом доме, абсолютно, одни. Может, стоит сбежать?

— Зачем? — старушка, явно, не поняла.

— Чтобы жить, как нам нравится, а не как кто-то велит.

— А разве мы не успеем поступить так... чуть-чуть попозже? — заговорщически прошептала старушка, в очередной раз подмигнув мне своим весёлым серо-зелёным глазом.

— Наверное, ты права, — с неохотой согласилась я, но все же не смогла удержаться от искушения, и отправилась проверить дверь на степень ее запертости. — Побег отменяется в любом случае, — сообщил из коридора мой обреченный голос. — Господа спасатели не очень то любят давать свободу действий своим спасенным.

— Правильно и делают, — невинно проговорила Ирина Николаевна, — тебе дай свободу, хлопот не оберёшься.

— Ну, спасибо... мама, — я усмехнулась. — Как все-таки хорошо, что мы снова вместе.

Александр вернулся с большим пакетом, откуда он тут же извлек черный брючный костюм и маленький белый топик.

— Надеюсь, подойдет, — смерив меня оценивающим взглядом, предположил он. — К туфлям, во всяком случае, точно подходит.

— Ну, это уже хорошо, — натянуто улыбаясь, ответили мои губы. — Вот только одеваться мне опять на голое тело прикажете? — полюбопытствовала я так, будто спрашивала не о нижнем белье, а о том, какая на улице вчера была погода.

— Ах, да, — он почему-то смутился. — Я купил тебе это, — мужчина осторожно достал со дна пакета гарнитур, состоящий из бежевых трусиков и такого же цвета бюстгальтера. Я взяла обновку и, прочитав размер, в изумлении подняла на собеседника глаза.

— А откуда Вы знаете, что у меня тройка?

— Ну, я же не слепой, в конце-то концов, — Алекс уперся руками в бока, откинув назад

полы расстегнутого пиджака. — Ты собираешься переодеваться, или как?

— А что?

— Интересно посмотреть, верно ли я подобрал вещи.

— И нижнее белье проверять станете? — заносчиво осведомилась я, тоже поставив ладони на бедра.

— Что-то у вас тут жарко становится, — вырастая между нами, как гриб после дождя, заявила Ирина Николаевна, поочередно оглядев меня и его. — Зачем ссориться? Глупо ругаться сейчас.

— Вот и объясните это своей дражайшей внучке, которая со вчерашнего дня ищет повод нарваться на скандал, — хмурясь, проговорил собеседник.

— А Вы со вчерашнего дня, — высовываясь из-за спины бабушки, прошипела я, — отказываетесь отворачиваться, когда я переодеваюсь.

— Экая невидаль! — он всплеснул руками, усмехнувшись. — Как будто я не видел женских тел.

— Вот на женские и смотрите, а на меня пялиться нечего!

— Ты, значит, не женщина? — он нагло смеялся, скептически осматривая меня сверху, через голову стоящей между нами старушки. — Кто же ты, гуманоид?

— Сашенька, — укоризненно произнесла Ирина Николаевна, увлекая его за плечи в коридор так, будто всю жизнь была с ним знакома. — Девочка перенервничала, войди в ее положение хоть на минутку, она же совсем еще ребенок...

— Глупый, упрямый ребенок, — долетели до моих ушей его ответные слова, сказанные после того, как дверь захлопнулась.

— А Вы — напыщенный, самоуверенный болван! — пробурчала я себе под нос, и принялась переодеваться.

Все сидело на мне, как с иголочки. Наверняка, свои покупки, Александр делал не на вещевом рынке, а в каком-нибудь хорошем магазине, о чем свидетельствовало высокое качество одежды. Мне было удобно, легко и уютно в новом костюме, а легкий тягучий топ идеально облегал фигуру, оставаясь при этом абсолютно неощутимым. Я отправилась в прихожую, чтобы взглянуть на себя в зеркало. К счастью, на пути мне никто не попался, вероятно, бабуля увела хозяина дома в дальнюю комнату. Подойдя к трюмо, я не без удовольствия заметила, что выгляжу великолепно. Расчесав длинные, спадающие до пояса волосы, я тем самым довершила новый образ классической леди, в котором теперь пребывала.

— Превосходно! — это были слова Александра, самодовольная физиономия которого появилась в дверном проеме одной из его многочисленных комнат. — Кажется, я приобрел именно то, что нужно.

Подарив ему кислую улыбку, я осторожно поинтересовалась:

— Надо полагать, Вы уже высчитали с нас необходимую сумму за вещи и проживание, а также за организацию подставной смерти?

Он оторопел. Потом, взяв себя в руки, хмуро проговорил:

— Какая же ты все-таки циничная, Лариса. Неужели нельзя представить, что я просто помогаю вам, практически безвозмездно.

— Ага! — победно воскликнула я. — А что означает слово "практически"?

— Оно означает то, что у меня к тебе за всю мою помощь будет всего одна маленькая просьба.

— Какая? — настороженно спросила я.

— Я прошу тебя не путаться у меня под ногами, и не мешать мне делать то, что я запланировал. Надеюсь, после отъезда я больше тебя никогда не увижу.

Мне стало обидно. Неужели я такая плохая, что со мной не хотят впредь встречаться? Надув губы, я быстро отвернулась, стремительно зашагав в кухню. Прикрыв за собой дверь, я подошла к окну. На улице шел дождь, из моих глаз в унисон ему закапали слезы. Я озябла, несмотря на то, что температура в помещении была самая что ни на есть комфортная — старательно работал кондиционер.

"Может я, действительно, ужасная? Ведь не зря же со мной приключился весь этот кошмар, — всхлипывая, думала я, аккуратно водя пальцем по стеклу. — Из-за меня пострадала бабушка. Человек, которого я любила, оказался негодяем, а я стою и реву, как старуха у разбитого корыта. А, может, это и не любовь была вовсе? В душе пустота, на сердце боль и никаких нежных чувств не осталось, только разочарование. От любви до ненависти — один шаг, гласит пословица. Неужели я оказалась жертвой этого рокового правила?"

Я сильно обожглась на одном мужчине, но мой глупый рассудок принялся чесать всех под одну гребенку. Я стала жестче, грубее, циничней и начала ко всему относиться с опаской, готовая в каждом увидеть предателя. Алекс, спасший меня от смерти, достоин, по меньшей мере, благодарности. А что дала ему я, кроме грубых нападок и язвительного тона? Хотя и он тоже хорош! Ну вот, опять взял инициативу на себя мой упрямый дух противоречий. Так не годится! Он виноват, но и я не подарок, короче, каждый остался при своем.

— Прости, я был не прав, — негромкие слова, произнесенные за моей спиной, вернули меня к реальности. И как ему удалось так тихо подойти сзади? Наверное, я, погруженная в водоворот собственных мыслей, не услышала шаги, или... он умеет летать. Третьего не дано. — Не плачь.

— Я и не плачу, — обиженно всхлипнув, ответили уста, а рука, сжатая в кулак, потеряла мокрые глаза.

— Понятно, — он усмехнулся.

— Не стоит надомной иронизировать, — помимо собственной воли я в очередной раз приняла боевую готовность, намереваясь вступить в словесную схватку.

— Лариса, — мужчина заговорил тоном умудренного опытом отца, — Ты многое перенесла, это очевидно. Но не надо кидаться на всех людей подряд, данная манера поведения повредит только тебе, и ни кому больше. Постарайся забыть тот ужас, который случился вчера, выброси из головы Славика и начни новую жизнь, — он многозначительно помолчал. — И учти одну очень важную вещь — хороших людей в мире гораздо больше, чем плохих!

— Зато этих плохих хватает на всех хороших вместе взятых, — грустно пробормотала я, перестав плакать. — Вы правы, я начну новую жизнь!

Мой решительный ответ вызвал у Александра вздох облегчения. Странно, что его пронизательные, вновь посиневшие глаза, не заметили упрямого блеска в моем горящем зеленым огнем взгляде.

Вскоре появился Василий Дмитриевич. Его настроение сегодня излучало бодрость и оптимизм, читавшийся в каждом жесте его поджарой фигуры, облаченной в темно-голубой спортивный костюм. Лысина на голове врача весело лоснилась в лучах разогнавшего тучи

вечернего солнца, светившего в комнату через распахнутое окно.

— Сегодня вы уезжаете, — радостно сообщил хирург информацию, в курсе которой мы были уже давно.

Я смерила его скучающим взором и тоскливо протянула:

— Да, через пару часов.

— Дай бог, чтобы все сложилось у вас благополучно, — улыбаясь, пожелал собеседник.

— В этом мы не сомневаемся, — ответила бабушка, которая только что вылезла из ванной, куда ее отправил гостеприимный хозяин, предложив принять с дороги душ. Или, может, перед дорогой... Хотя, какая разница.

— Ирина Степановна, рад Вас снова видеть, — Василий Дмитриевич назвал ее новым именем. Мне тоже стоило привыкнуть обращаться к ней так.

— Думаю, что самое время отужинать перед отъездом, — предложил Алекс и зачем-то потащил меня за руку из комнаты.

— Вы чего?! — вылупив на него полные удивления глаза, воскликнула я, когда мы очутились в коридоре.

— Тебе тоже не повредит принять ванну, — осторожно взяв пальцами прядь моих волос, и, покрутив ее перед собственным носом, заключил он. — Ведь неизвестно, когда в следующий раз выпадет такая возможность.

Я хотела возразить, но вдруг остановилась, заметив, что синие глаза снова стали серыми.

— Как Вы это делаете?

— Что именно?

— Меняете цвет глаз.

— Линзы, — он усмехнулся. — Самые что ни на есть обыкновенные цветные линзы.

— И какой же оттенок дарован Вам природой? — пристально изучая его внешность, глядя снизу вверх, любопытствовала я.

Он какое-то время молчал, сомневаясь, говорить мне это или нет, потом отвернулся и снял линзы. Глаза его, печальные и ироничные одновременно, отражали синеву вечернего неба, в котором яркими звёздами сверкали блики от света коридорной люстры.

— Считаю, что я открыл тебе страшную тайну, — его голос был наигранно заговорщическим, а губы кривила улыбка. — А теперь марш в ванну.

Я подчинилась, демонстративно хлопнув дверью перед его носом. Правда, мыться мне не хотелось и, ограничившись порцией душистого шампуня, вылитого на голову, я, просушив феном голову, выползла на кухню.

— Красиво, — Алекс бесцеремонно провел ладонью по чистым, пушистым волосам.

— Спасибо, — выдавила я, отступая на шаг.

— Садись, поешь, — предложил Василий Дмитриевич, но я вежливо отказалась.

— Лара, ты весь день голодная, решила перейти на питание святым духом? — бабушкины брови смешно сдвинулись, наехав на переносице одна на другую.

— Нет, она просто бастует, — иголка, запущенная в меня Александром, достигла цели.

— А вот и не правда! — в доказательство собственной правоты мне пришлось съесть целую тарелку свежеприготовленных щей.

Интересно, кто их варил? По всей видимости, господин, у которого мы временно проживали, отличался склонностью к кулинарному ремеслу. Что ж, это у него выходило очень даже хорошо. Настало время прощаться. Александр поцеловал в лоб Ирину

Степановну так, точно она была самым дорогим его другом, мне же досталась лишь кривая улыбка и пожелание доброго пути, сопровождаемое легким похлопыванием по плечу.

"До скорой встречи, Санта Клаус", — почему-то со злостью подумала я и тут же сама себя перебила, — Какая, к черту, встреча, мне хватило и пары дней знакомства. Лучше уж, действительно, никогда больше не видеть этого типа".

Василий Дмитриевич проводил нас до вагона, как и было обещано. Зеленая длинная гусеница, с множеством затянутых занавесками окон призывно ждала, когда мы окажемся в ее железном нутре.

— Плацкорт, — фыркнула я, усаживаясь на боковое сиденье. — Могли бы и купе приобрести.

— Не возмущайся, — отозвалась бабушка, она усердно махала доктору в окно, как будто он был ее хороший знакомый. — Скажи спасибо, что хоть это есть.

— Спасибо! — саркастически объявила я, не обращая ни к кому, чем привлекла внимание усаживающегося рядом толстяка с большим красным носом и невероятно огромными толстыми щеками.

Мы, наконец, тронулись с места, оставляя позади столичный город, полный жизненной энергии, которую он источал каждой частью своего большого организма. Впереди нас ожидала провинция. Не скажу, что я уж сильно недолюбливала маленькие города. Вовсе нет. Порой, они выглядели гораздо лучше больших, но... уезжая из Москвы, я с каждой минутой все дальше удалялась от заветной цели — отомстить Ларину Вячеславу Андреевичу за его преступление.

Громкое чавканье, доносившееся из-за соседнего столика, заставило меня нервно передернуть плечами. Я покосилась на того, кто издавал противные звуки, смачно уплетая большой белый батон, который запивал соком, активно хлюпая.

"Боже мой, даже свиньи едят тише", — сморщившись, решила я, подарив толстяку уничтожающий взгляд, который, впрочем, он даже не заметил, продолжая свою громогласную трапезу. Я закрыла ладонями уши, изо всех сил стараясь сосредоточиться на том, что было за окном. Однако мерзкие звуки всё равно долетали до моего слуха. Не выдержав пытки, я быстро поднялась и стремительно бросилась в тамбур, где, переведя дыхание, начала понемногу приходить в себя.

"И почему некоторые люди ведут себя так безобразно? — крутилось в голове, когда я провожала взглядом высокие здания Зеленограда. — Зачем я уезжаю отсюда?" — внезапно возникший вопрос, остался без ответа.

— Ларочка, ты из-за этого борова сбежала? — понимающе качая головой, спросила подошедшая бабушка, она держала в руках свою обшарпанную сумку.

— Не могу рядом с ним находиться, — честно призналась я.

— Понимаю... Надеюсь, что минут через пятнадцать он закончит набивать свое и без того большое брюхо. Так что не задерживайся особенно.

— Хорошо.

Она ушла, а я осталась стоять, предоставленная своим мыслям.

"Так зачем же все-таки я уезжаю? Чтобы всю оставшуюся жизнь трястись за собственную шкуру, ведя размеренную жизнь домохозяйки в каком-нибудь маленьком городке или, чего лучше, в деревне. Но ведь так выглядит трусость. Бежать, прятаться, бояться... Разве это жизнь? Больше похоже на вынужденное существование, — я тяжело вздохнула, представив свое скорое будущее. — Ну уж нет. Спасибочки! Я буду жить так, как

сочту нужным. Вот только бабушку устрою, и сразу же вернусь в Москву".

Приняв решение, я отправилась на свое место, подарив толстяку, проходя мимо, презрительный взгляд. Но он, наевшись, теперь громко похрапывал, отправившись в объятия несчастного Морфея. Бабушка тоже дремала, облокотившись спиной о перегородку между сиденьями.

Мне не спалось, хотелось действовать немедленно, а вместо этого я была вынуждена торчать здесь, уезжая, Бог знает куда.

— Чего ты хмуришься? — голос Ирины Степановны прозвучал тихо, так как многие пассажиры поезда уже легли. За окном наступила ночь.

— Так, пустяки, — уклончиво отозвалась я.

— Неправда, Ларочка, я ведь с детства тебя знаю, может, поделишься тем, что мучает твое юное сердечко? — собеседница подалась вперед. В ее серо-зеленых глазах не было и намека на сон. Губы хитро улыбнулись, предвкушая интересную беседу.

— Ладно, — я сдалась, — проблема в том, что мне совсем не хочется куда-то уезжать. Я не люблю чужие указания, вынужденные ограничения и трусливые побегі. Что нас ждет в Новгороде? Обычная тоскливая жизнь вперемешку со страхами за собственную шкуру? Ну, хорошо. Допустим, мы спаслись, обустроились, живем припеваючи. Но ведь Слава не остановится, он найдет другую дурочку с квартирой в Петербурге. Разве можно позволить ему сделать это?

— И что ты предлагаешь?

— Я хочу вернуться, когда поселю тебя на новом месте.

— Глупости! — решительно воскликнула бабушка, забыв понизить голос. — Мы немедленно возвращаемся обратно. Вместе!

Я недоуменно моргала ресницами, глядя, как она, перекинув через плечо свою полную денег ношу, направляется к проводнику, чтобы выяснить, какая станция будет ближайшей. Так мы оказались ночью в Твери. Хорошо еще, следовавший из Питера поезд, подобрал нас за определенную сумму денег, которую пришлось дать молодому проводнику.

— Здравствуй, Москва! Я вернулась, — тихо, но торжественно прошептали губы, когда мои обутые в элегантные туфли ноги вновь ступили на гладкий асфальт перона.

Мы проторчали остаток ночи на Ленинградском вокзале, пытаюсь безуспешно вздремнуть в жестких креслах зала ожидания. С утра нужно было найти жилье, чтобы хорошенько выспаться, потому что кости ломало от неудобных поз, в которых нам пришлось находиться. Купив газету, я ткнула пальцем в первое попавшееся объявление о сдаче квартир. Решив действовать наобум и вложив в это решение все наше огромное желание, мы отправились в агентство, где и сняли благополучно небольшую квартирку в Жулебино. Оформив все необходимые документы и заплатив взнос за три месяца вперед, нам, наконец, удалось добраться до нового дома. Там было уютно, чисто и светло. Из мебели в комнате стоял двуспальный диван, два раздвижных кресла, стол, телевизор на тумбочке и набитая книгами стенка. Бабушка очень обрадовалась этому факту, так как теперь у нее появилось занятие для бессонных ночей. Читать Ирина Степановна очень любила. Кухня, конечно, не изобиловала атрибутами интерьера, как у Алекса, но, в принципе, была ничего. Жить можно и... не плохо.

Окинув взглядом обстановку, я подумала, что нужно сходить в магазин, чтобы купить постельное белье и другие необходимые вещи, но усталость брала свое, и мы, завалившись на диван, быстро заснули, позабыв о том, что было запланировано сделать на сегодня.

Очнулась я вечером. Бабушка тихо посапывала, уткнувшись носом в подушку. Настенные часы уже показывали семь.

Поднявшись с дивана и скептически осмотрев помятые брюки, я мысленно заметила, что уют нам тоже необходим. Пришлось сделать три рейда в ближайший магазин, чтобы купить все то, что я аккуратно внесла в список жизненно важных вещей. Благодаря доброте и великодушию Алекса, денег у нас хватало. Вот только вряд ли его обрадует новость о том, что мы вместо Новгорода поселились в Москве. Хотя, возможно, он об этом никогда и не узнает, во всяком случае, я постараюсь, чтобы это было именно так.

Ночью мы сидели в темной комнате на разобранных постелях, с включенным телевизором и, уплетая мороженое, смотрели детектив. На душе было легко и свободно, наконец-то, жизнь повернула в то русло, которое мы сами ей указали.

Глава 3

Утро наступило внезапно. Соскочив с постели, я бросила косой взгляд на мирно посапывающую бабушку, которую даже пушкой разбудить было невозможно, и, быстро одевшись, направилась к дому моего бывшего мужа. Добралась я туда на удивление быстро, его сверкающая иномарка, блестя в утренних лучах солнца, стояла возле подъезда. Позабыв об осторожности, я стремительным шагом направилась к заветной двери, намереваясь вызвать мерзавца на откровенный разговор. Сердце сжималось от страха и боли, но я продолжала следовать неожиданно родившемуся в голове плану. Его машина бесила меня своей безупречностью, поэтому я, набрав в легкие побольше воздуха, уверенно воткнула вытасченное из сумки шило прямо в колесо. Раздался звук спускаемого воздуха, а вместе с ним бешеный визг сигнализации.

"Ну вот, и чудно! — мелькнуло в голове, — теперь мне не придется самой звонить в его дверь. Прибежит спасать своего любимого железного коня, как миленький!"

Предчувствия меня не обманули, и вскоре из чистенького, увенчанного клумбами подъезда кирпичного дома, выскочила группа лиц с выпученными глазами и пистолетами наготове. Они даже не удосужились закрыть за собой дверь, поэтому к воплям оглушительной сирены, прибавился противный визг домофона. Возглавлял делегацию сам Слава. На нем был изящный серый костюм с галстуком. Странно, куда это он так вырядился с утра пораньше? Я благоразумно спряталась за большой квадратной колонной, одной из тех, на которой держался массивный козырек. Не понимаю, почему эти гориллы не заметили меня сразу. Вероятно, их мозги с ничтожным количеством извилин были направлены только на истерично вопящую "Шевроле", которая отчаянно мигала фарами, призывая на помощь.

— Выключите сигнализацию! — приказал Ларин. Двое верных псов кинулись исполнять повеление господина, а один остался стеречь его дражайшую персону. Причем, встал справа от Славика, в то время как я пряталась слева.

В очередной раз поблагодарив тупоумие телохранителя, я стремительным прыжком выскочила из своего убежища и, схватив сзади Славочку за волосы, приставила к его шее кухонный нож с длинным острым лезвием, который приобрела вчера в магазине.

— Здравствуй, муж, — прошипели мои губы возле самого его уха. — Не ожидал встречи, подонок?!

На мою обозленную физиономию навели дуло пистолета, но эта угроза меня не пугала. Главное, что, уйдя из жизни сама, я могла забрать с собой и предателя.

— Спокойно, спокойно, — то ли мне, то ли охранникам сказал плененный. — Давайте решим все мирным путем.

— Конечно, — прячась за его спиной от смертоносной игрушки, упорно смотревшей на меня, ответила я. — Сейчас мы медленно пройдем к твоей машине и сядем в нее, но без посторонних, — я многозначительно посмотрела на вытянутое лицо вооруженной гориллы.

Однако тот с непонимающим видом продолжал стоять в агрессивной позе, широко расставив ноги, и прицелившись мне в глаз. Это бесило.

— Убери свою собаку, муженек! — рыкнула я ему в ухо. — И поехали покатаемся.

Мы все-таки добрались до машины, несмотря на то, что телохранитель по-прежнему шел рядом с нами, держа меня на мушке. Пришлось даже слегка порезать Славику шею для пушного страха, чтобы хоть как-то усмирить отмороженного верзилу, крутящегося под ногами

и мечтавшего выбить мне мозги. Двое других ожидали возле заткнувшейся, наконец, тачки.

— Она со мной, — беспомощно помахивая правой рукой, пробормотал заложник. — Пропустите нас. Мужчины обалдело смотрели на то, как щупленькая девчонка смогла устроить такую заваруху. Воспользовавшись их замешательством, я выхватила у одного из охранников пистолет, с силой ударив его при этом каблуком по ноге. Жертва взвыла, а я направила пушку на того, кто по прежнему целился в меня, но, Слава Богу, до сих пор не отважился выстрелить. Зато я отважилась. Его крупная фигура начала оседать, тяжелая голова ударилась о капот машины, отчего Слава страдальчески застонал. Телохранитель был ранен. И тут началась пальба. Оставшийся невредимым охранник, пытаясь попасть в меня, вместо этого угодил в плечо своего хозяина. Решив больше не медлить, я с силой ударила Ларина головой о железную поверхность лощеной "Шевроле" и с воплями:

— Убийцы! — принялась палить во всех и вся, конечно, не считая мирного населения.

Меня подстрелили довольно быстро, но, медленно сползая на землю, я успела всадить пару пуль и свой кухонный нож в собственного супруга. Боли не было, только счастливое ощущение хорошо исполненного долга.

— Встретимся в аду! — глухим голосом произнесла я.

Глаза затянула пелена, тело охватила слабость. Боковым зрением я успела заметить маленькую фигуру моей разрисованной под солдата спецназа бабушки с автоматом наперевес и лимонкой в зубах. Огласив внезапно повисшую тишину боевым кличем, Ирина Степановна ринулась в атаку, скашивая ненавистных противников смертоносными очередями.

— Это вам за Ларочку — у - у!!! Что с тобой, Лариса? — её голос донесся издали, разрывая туман отключившегося сознания. — Пора вставать, Ларочка.

Я открыла глаза, непонимающе уставившись на бабушку, сидящую возле моего кресла на корточках и трепавшую меня за плечо.

— А где Слава? — спросила я тихо, боясь, что тот, о ком говорю, непременно появится сам.

— Почему я знаю? — собеседница улыбалась, — наверное, во сне остался. Ты так громко выкрикивала его имя вперемешку с проклятьями, что я, войдя в дом, даже испугалась, не вычислил ли нас твой мерзавец муж?

— Он мне больше не муж, — разочарованная тем, что Ларин мертв лишь в моих сновидениях, я поднялась. — Где ты была?

— Покаталась по городу.

— Зачем? Почему меня не разбудила?

— Ну, я же знаю, что моя внучка порядочная соня, вот и дала тебе время выспаться хорошенько, у нас сегодня много работы, — вид у бабушки был загадочный, это подогревало мое любопытство.

— Так что же тебе все-таки понадобилось в городе? — с прищуром изучая ее хитрую физиономию, спросила я, одеваясь и направляясь в ванну.

— Твоя новая внешность, — донесся из кухни голос Ирины Степановны, сопровождаемый звуком опускаемого на плиту чайника.

— Не поняла? — промямлил мой набитый зубной пастой рот, когда рука открыла дверь, чтобы позволить глазам увидеть собеседницу. Но попытка, увы, не увенчалась успехом, так как та, с кем я разговаривала, была вне зоны досягаемости.

— Ты разве забыла, что я начинала свою карьеру в театре, работая гримершей? —

удивленно спросила бабушка, когда мы пили на кухне чай. — Неужели ты думаешь, что я потеряла навыки?

— Хочешь сказать, что нам понадобится камуфляж?

— А ты желаешь появиться на сцене в своем нынешнем облике? — ее брови поползли вверх, потащив за собой глаза и очки. — Нас же убили, ты забыла? Если Слава узнает тебя или меня, во-первых, нам конец, а во-вторых, мы подставим человека, который спас наши жизни и... деньги.

— А, — я с пафосом возвела руки к небу, — господин Санта-Клаус!

— Лариса, не иронизируй, — укоризненно проговорила старушка. — Он, действительно, очень добрый и хороший человек, и тебе, дорогая, надо вбить это в свою очаровательную головку. Нельзя быть такой неблагодарной.

— Я ничего и не говорю, — поджав губы, ответил мой совершенно невинный голос, а ресницы доверчиво хлопнули, дескать, мол, не понимаю, о чем это здесь толкуют?

— Ну, да ладно, — бабушка сдалась. — Давай лучше обсудим наши дальнейшие действия.

— С удовольствием, — я искренне обрадовалась смене темы разговора. — Что ты купила?

— Все, начиная от париков, одежды, обуви и кончая театральным гримом. Денег, конечно, отдала кучу, но пока мы в них не ограничены, а такое благородное дело, как разоблачение Ларина, требует затрат.

Я согласно кивнула:

— А можно посмотреть?

— Сумки в прихожей. Давай, неси их сюда.

Выполнив указания, я разложила покупки прямо на кухне, где мы и принялись их рассматривать, продолжая чаепитие.

— Хочу сегодня поискать жилище супруга, и чуть-чуть оглядеться там вокруг, — пытаюсь водрузить на голову черный кудрявый парик, заявила я.

— Не возражаю, если, конечно, он именно там проживает, ведь ты никогда у него не была, — ответила Ирина Степановна, поправляя то, что мне никак не удавалось надеть правильно.

— Но я ему однажды звонила. К тому же у меня есть координаты его офиса. Я помню их наизусть, как, впрочем, и ту статью в газете, которую он мне показывал. "Щедрый, талантливый, успешно развивающийся бизнесмен..." — принялась цитировать я, но была остановлена предостерегающим жестом старушки.

— Не надо, не надо, а то меня стошнит, — смеясь, сказала она, демонстративно хватаясь за живот. — Более лицемерной статьи мне видеть еще не приходилось.

— Мне тоже, — со вздохом подтвердила я, — И как меня угораздило попасть на его удочку?

— Когда сердце ждет любви, оно открыто и наивно. Такое сердце легко обмануть, Ларочка, — заботливо проговорила бабуля.

— Может, лучше навестить его офис? — меняя тему, спросила я. — Ведь сегодня понедельник, схожу-ка я и туда тоже. Хоть познакомлюсь немного со столичной географией.

— Резонно, только сначала мне придется поработать над имиджем новой Ларисы так, чтобы при встрече, если такая, не дай бог, случится, ты выглядела совершенно другой

девушкой. И вести себя постарайся спокойно, а то еще выдашь излишней нервозностью свое истинное лицо.

— Не беспокойся, — усаживаясь на стул перед зеркалом, к которому мы отнесли содержимое сумок, твердо ответила я. — То, что мне не удалось поступить в театральный, вовсе не значит, что я плохая актриса.

— Если бы ты хотела поступить, ты бы поступила, — вспомнив пору вступительных экзаменов, заявила собеседница. — Но ведь тебя тогда, кроме истории, ничего не интересовало? Вот и оказалась на низкооплачиваемой работе в музее.

— А теперь и вовсе без работы, — поправила я ее.

— Ну почему же, теперь мы играем в частных сыщиков, — усмехнулась Ирина Степановна, забирая в пучок мои длинные волосы.

— И в актрис, и в гримеров, и в режиссеров — постановщиков (это по твоей части) тоже! — весело затараторила я, предвкушая грядущие события. — Ах да, еще в неуловимых мстителей.

Из дома я вышла часа через два минимум, если не через все три. Узнать во мне прежнюю Лару, я не смогла бы и сама, если бы случайно столкнулась с той черноволосой, смуглолицей дамой, в образе которой сейчас находилась. Длинная бордовая юбка колыхалась при каждом шаге, открывая щиколотки ног, обутых в тёмно-коричневые босоножки на толстой платформе. Длинная блузка, скрывая фигуру, свободно болталась на моих плечах, объем которых увеличивали подплечники. Ярко подведенные глаза с чеёрными, как смоль, ресницами, получили новый цвет, теперь они напоминали угольки. Не знаю, сколько денег оставила бабушка в оптике, но я теперь имела целый арсенал разноцветных линз. Весь этот маскарад мне безумно нравился. Я ходила по лезвию ножа в нескольких шагах от убийцы и имела все шансы на удачу. Что ни говори, а это гораздо интересней, чем прятаться в провинции, ведя скучное существование затравленного зверька. Да здравствует Москва! И я вместе с ней. От подобных мыслей мои тонкие, по воле бабушкиного гримерного мастерства, губы, растянулись в довольной улыбке.

Московский метрополитен приводил меня в бешенство. Привыкшая к прямолинейности питерских веток, я чувствовала себя абсолютным профаном, глядя в лежащую на коленях карту. Два раза прокатившись не в том направлении, я все-таки нашла нужную электричку, и теперь смогла, наконец-то, расслабиться, облокотившись на спинку сиденья. Путь предстоял не близкий и я, погружившись в собственные мысли, молча уставилась в одну точку. Ощущение чьего-то прикосновения к моему бедру вывело из задумчивости. Я осторожно отодвинулась, решив, что присевшему рядом нахальному белобрысому типу мало места. Однако он, как ни в чем не бывало, снова прижался ко мне, заискивающе улыбаясь и призывно глядя в глаза.

"Да за кого меня принимают?!" — барабанной дробью раздалось в голове.

— Вам что, тесно? — стараясь говорить как можно спокойней поинтересовалась я у блондина, окинув рассеянным взглядом полупустую скамейку.

— С тобой — нет, — обрадованный тем, что я завязала беседу, сказал незнакомец. Он был противный, наглый и некрасивый. Вел себя, как сексуально озабоченный придурок. На вид ему можно было дать лет двадцать, может, двадцать пять. Но, оценив его внешние данные в кипе с замашками, которые имели сомнительный характер, я сделала вывод: парню с женским полом не везет. Однако вступать в общество жалостливых дам, способных пригреть даже такие экземпляры, мне почему-то совершенно не хотелось.

— Знаете, уважаемый, — в моем тоне сквозило едва скрываемое раздражение, — отодвиньтесь-ка по добру по здорову, иначе с вами могут случиться большие неприятности.

— И кто мне их создаст? Ты, что ли? — он блеснул металлическим зубом, когда его рот растянулся в улыбке, больше напоминающий оскал.

— Могу и я, — соображая, что же дальше предпринять и как побыстрее отделаться от назойливого парня, сказала я. — Только завтра, — с этими словами я стремительно выскочила в закрывающиеся двери электрички, которые, на мое счастье, оказались как раз напротив.

Реакция подвела "доставалу", он не успел вовремя ничего сообразить и остался с открытым от неожиданности ртом сидеть на месте. Когда поезд увез его, я облегченно вздохнула. Следовать по прежнему маршруту не было никакого желания, кто знает, что может придти в голову этому явно озабоченному типу, вдруг он сойдет на какой-нибудь станции и будет дожидаться меня там со следующим поездом.

Я вышла из метро, внимательно разглядывая себя в зеркальце пудреницы, которую купила в ларьке по пути. Вроде, ничего супер примечательного... На шлюху не похожа, почему же он ко мне прилип? Неужели дисбаланс в личной жизни наложил свой отпечаток на мое лицо? Хотя под толстым слоем шпукатурки этот самый отпечаток вряд ли можно заметить, тем более такому недалекому субъекту, как мой новый поклонник. Я брезгливо поморщилась, вспоминая его противную улыбку.

"И создает же мать-земля уродов", — расстроено подумала я, бесцельно бредя по улице. Нужно было что-то делать. Пока я шла мимо стеклянных витрин, мне в голову пришла одна чудная мысль, которую я тут же постаралась осуществить. Прежде всего, мне нужно было поменять бабушкину обшарпанную сумку, любезно предложенную ею для моей вылазки на более подходящую молодой, хорошо одетой женщине, Иначе на меня искоса посматривали прохожие, а повышенное внимание вовсе не входило в наши планы.

В только что приобретенную обнову я осторожно переложила содержимое старенькой сумки, а ее саму упаковала в целлофановый пакет. Теперь настала очередь аптечного киоска, где мной было закуплено несколько штук одноразовых шприцев. Черную, несмываемую тушь я нашла в ближайшем магазине канцтоваров. Аккуратно сложив боевое снаряжение вместе с его жидкими патронами в сумочку, я принялась ловить такси, чтобы добраться все-таки до места назначения. Шофёр высадил меня, как я и просила, напротив театра "Современник". Офис ларинской фирмы, судя по адресу, располагался в здании напротив. Прогулочным шагом я принялась расхаживать вдоль Чистопрудного бульвара, невзначай поглядывая на окна пятого этажа, которые вполне могли оказаться окнами интересующей меня конторы. А, может быть, и нет, ведь точного места положения ее я, увы, не знала. Обойдя искомый дом, мои ноги быстро двинулись во двор, намереваясь исследовать и эту территорию.

Впереди ждала удача! Светло серое "Шевроле" царственно сверкало в свете солнечных лучей. Другие машины теснились поодаль, словно боялись приблизиться к музейному экспонату, на который очень смахивало Славина авто. То, что машина принадлежит ему, я не сомневалась. До боли знакомые номера, и собачка прикрепленная к стеклу заднего вида. А на сиденье лежала подушечка из синего бархата, которую он не раз предлагал подложить мне под голову, когда мы ездили с ним кататься вечерами.

От этих воспоминаний стало грустно и... противно. Я вспомнила его первый поцелуй и то, как он уговаривал меня заняться любовью прямо в этой чертовой машине. В душе закипела злость, я изо всех сил боролась с желанием треснуть ногой по накачанному колесу

проклятого автомобиля. Но, вспомнив о том, что в моей сумочке лежит более коварное оружие, я осторожно отошла, сделав вид, что просто иду мимо и вот засмотрелась на красавицу иномарку. Это на тот случай, если кто-нибудь наблюдает из окна.

Процесс заправки шприцев тушью проходил в подъезде дома напротив, куда я гордо прошествовала с таким невозмутимым видом, будто всю жизнь здесь жила. К счастью, дверь не была закрыта, вероятно, сказывалась летняя духота. Выждав еще немного времени, я выбралась на улицу, держа в руке под прикрытием сумки три готовых к использованию инструмента. Во дворе было немногочленно. От глаз игравших на площадке детей меня, вместе с "Шевроле", отделял ряд густых зеленых кустов. Проходя мимо со стороны, которая не была видна из окон, я направила струю черной краски, на сверкающие двери новенького автомобиля. Последний даже не пикнул, спутав, вероятно, черную жидкость, с неожиданно обрушившимся дождем. Дело сделано, быстро и без свидетелей. Все той же размеренной походкой я прошла дальше, обогнув дом в обратном направлении и вновь оказавшись на Чистопрудном бульваре. Да, глупо и по-детски! Ну и что? Зато сколько удовольствия от этой мелкой пакости. Аж настроение повысилось, и сердце забилося с тройной силой.

Однако моему разыгравшемуся воображению новоиспеченной мстительницы этого показалось мало и, опросив несколько прохожих, я отправилась на поиски ближайшего канцелярского магазина, чтобы прикупить там помимо жидкого оружия еще и колющее, то есть пару коробок крупных кнопок. До магазинчика пришлось идти метров триста, но, полная решимости, я быстро преодолела это расстояние. На мое счастье кнопки там были, и, приобретя три коробки, я стремительным шагом направилась обратно к несчастному автомобилю.

Вот и ставшее уже знакомым здание. На сей раз мой путь лежал с другой стороны, и первое, что открылось взгляду, это толпа разъяренных мужчин, около разукрашенной машины.

"Круто! — не без удовольствия подумала я, присаживаясь на скамеечку, возле углового подъезда дома напротив. — Интересно, давно они тут прыгают, или только обнаружили?"

Очередную мелкую пакость, полуфабрикаты которой я держала в сумке, пришлось временно отложить, в связи с возникшими обстоятельствами. Вглядываясь в толпу, я рассмотрела физиономию Славика. От страдания, которое было на ней написано, мне стало приятно и... стыдно. Но, оправдав свое не очень-то хорошее поведение тем, что он мерзавец, я, с моментально очистившейся совестью, продолжила всматриваться в то, как отчаянно мужчины пытаются стереть тушь.

И тут я увидела его... Он возвышался на пол головы, стоя рядом со Славой. В отличие от Ларина его лицо ничего не выражало, руки спокойно покоились на груди, а губы были сжаты. Мне стало как-то не по себе. Присутствие Алекса в этой компании заставило пошатнуться мою уверенность в безнаказанности за содеянное. Я испуганно покосилась на окна окружающих домов.

"А вдруг меня кто-то видел?" — от подобных мыслей по спине забегали стаи мурашек, заставившие кожу похолодеть и сукситься.

Я вскочила и, стараясь изо всех сил не перейти на бег, зашагала прочь. Обогнув угол здания, я растворилась среди прохожих, уходя все дальше и дальше от офиса своего мужа. Страх перед разоблачением был настолько велик, что перевесил даже впечатление от встречи с тем озабоченным придурком, который попался мне в поезде. Я быстро спустилась в метро и, не удержавшись, бросила встревоженный взгляд назад. Слежки, вроде, не было.

Да и откуда ей быть? Я просто переволновалась, вот и все! Этот человек, похоже, действует на меня не самым лучшим образом. И почему, собственно, он там находился?.. Новая мысль заставила серьезно задуматься.

"Если Алекс среди свиты Славика, зачем он вытаскивал нас из могилы? Или он работает как агент глубокого внедрения? Так или иначе, но надо быть осторожней".

Мне почему-то казалось, что пронизательный взгляд спасшего нас человека, способен разоблачить любой камуфляж, особенно если под толстым слоем грима скрывается мое лицо. Хотя, вполне возможно, я просто была о нем слишком высокого мнения.

— Наконец-то! — воскликнула Ирина Степановна, когда я открыла ключом дверь нашего нового жилища. — Разве можно так долго ходить?

— Бабушка, мне даже не хватило времени, чтобы побывать возле его квартиры, а ты говоришь долго, — устало ответила я, проходя в комнату, и падая в мягкое кресло.

— Хочешь есть? — заботливый тон собеседницы заставил меня улыбнуться.

— Очень! — честно призналась я, вспомнив, что, кроме чая, во рту еще ничего не держала.

Поужинав от души, я рассказала старушке о своих приключениях. Та внимательно выслушала, а потом хитро сказала:

— У меня тут появилась одна идея... Завтра я все уточню, а ты постарайся вернуться с очередного рейда на вражескую территорию пораньше. Ладно?

— Зачем? — меня начинало мучить любопытство. Уж что, что, а интриги бабуля плела профессионально!

— Хочу создать тебе новый имидж.

— Ах, да! — спохватилась я. — Нужно снять грим.

Когда голова перестала размышлять только о голодном желудке, я ощутила, насколько устала таскать на своей физиономии толстый слой театральной штукатурки.

Хорошо еще, что погода сегодня была не очень жаркой, иначе я, наверное, сошла бы с ума от духоты и неудобства. Пока Ирина Степановна хлопотала над моим лицом, я расспрашивала ее о том, кого она собирается сделать из меня завтра.

— Думаю, тебе следует превратиться в более воздушное существо, нежели сегодня.

— Объясни, — попросила я, когда она закончила снимать краску с моих губ.

— Завтра и увидишь.

— Но, бабушка! — протянула я голосом обиженного ребенка. — Я хочу знать сейчас!

Собеседница рассмеялась. Она повертела в руках жгуче-черный парик и, на минуту выйдя в комнату, вернулась с другим. Это были белоснежные локоны с короткой прямой челкой.

— Завтра ты будешь блондинкой, Ларочка! — торжественно объявила бабушка, надев мне на голову, с которой еще не успела снять сеточку, новую прическу.

— Феноменально! — поражаясь тому, как сильно волосы меняют человека, пробормотала я. — А глаза, пожалуйста, сделай мне голубые.

— Сделать то, я, конечно, сделаю, — лукаво проговорила старушка. — Но смотри, не приведи за собой толпу ухажеров. Ведь, как известно, мужчинам нравятся светленькие.

— Н — да, — объявила я, скептически оценивая свое лицо, смотревшее на меня из зеркала, — А придурки любят брюнеток, ну а убийцы, по всей видимости, русоволосых дурочек, вроде меня.

— Перестань Лариса сгущать краски. И в твоей жизни появится настоящая любовь, поверь моему опыту, — назидательно провозгласила бабушка, снимая с меня парик.

— И как, по-твоему, я смогу верить мужчине, после того, что со мной произошло? — грустно спросила я.

Она лишь улыбнулась в ответ, а затем собрала все принадлежности нашего маскарада, и отправилась в комнату, позвав меня за собой, чтобы посмотреть перед сном телевизор.

— Да, кстати, у тебя красивая сумка, — бросив на меня веселый взгляд, похвалила бабуля попку.

— Спасибо, — я встала, мечтая принять ванну, после трудового дня. — Хочешь, подарю тебе ее?

— Нет уж, мне нравится моя, — собеседница достала из пакета видавшую виды сумочку и, нежно прижав ее к груди, добавила. — Мы с ней в свое время огни и воды прошли, а друзей, сама знаешь, не предадут!

— Ладно, ладно... Никто и не просит, — состроив комическую гримасу, буркнула я, скрываясь за дверью ванной комнаты. — Принеси мне, пожалуйста, полотенце, если не трудно, конечно.

Вскоре маленькая, жилистая ручка, с ухоженными, несмотря на возраст, ногтями, протянула мне то, о чем я просила. Все-таки бабушка умела держать себя в форме. Сколько себя помню, у нее никогда не было радикулитов, артритов, хандрозов и прочих, свойственных пожилому возрасту болячек. Всегда жизнерадостная, шустрая, энергичная... Даже мне в свои двадцать пять до нее далеко. Старость, конечно, наложила отпечаток на покрывшуюся морщинками кожу, на поседевшие густые волосы, но Ирина Степановна стойко сражалась с наступающими на пятки годами. Она всегда была опрятной, у нее редко бывало плохое настроение, она находилась в курсе происходящего в мире и никогда не унывала. Вот такая у меня замечательная бабушка! Есть с кого брать пример для подражания.

Я наполнила ванную и, забравшись в воду, улеглась на белоснежное дно с блаженной улыбкой на губах. Ноги устали от пройденного за день расстояния, тело ныло от усталости и напряжения, а лицо еще горело от снятого только что грима. Я намылила мочалку и принялась тереться ею, мысленно переносясь в события прошедшего дня. Вспомнив страдальческое лицо Славика и его великолепную машину, помеченную моей рукой, я невольно улыбнулась.

"Так тебе и надо, гадина!" — пролетело в голове, как благая весть, а не торжественный возглас мелкого мстителя.

Ларин вечно трясся над своей новенькой "Шевроле". Он любил ее больше всего на свете. Нежно поглаживал блестящие серые бока, осторожно поправлял дворники и очень сокрушался, когда наглая птичка умудрялась оставить на капоте не самый приятный презент. Удивляюсь, как он, вообще, допустил меня в салон своей королевской "колесницы"? Наверное, желание заполучить нашу с бабушкой квартиру толкнуло беднягу на эту отчаянную жертву. Я скривилась, когда перед глазами поплыли выхваченные из памяти сюжеты.

Вот мы катаемся по ночному Питеру, вот он подвозит меня к музею, а здесь мы снова отправляемся кататься, только теперь за город...

"Давай займёмся с тобой любовью", — предлагает мой жених, мягко заваливая меня на откинутую спинку кресла и нежно целуя в приоткрытые губы.

"Нет, потом, — шепчет мой тихий голос, боясь того, что в любой момент я могу сдать, не устояв перед натиском желания. Его карие глаза весело искрятся в свете луны.

"Ах ты, моя праведница, — смеется собеседник, отстраняясь. — Ну ничего, скоро ты будешь моей всецело и попробуй тогда увильнуть от своих супружеских обязанностей!"

Мы смеемся, а в душе почему-то появляется разочарование. Может, он не сильно меня хотел, раз так быстро капитулировал? Тогда я расстроилась, сейчас — была рада, что не

сотворила самую большую глупость в моей жизни. Хватит с мерзавца поцелуев, которые он украл у меня, играя в заботливого жениха. Будь он трижды проклят со своей алчностью и продажностью! Ненавижу!

Я с силой шлепнула мочалкой по мыльной воде, отчего раздался громкий всплеск, и, как следствие, голос бабушки за дверью:

— Ларочка, ты в порядке.

— В полном! — крикнула я, намериваясь сполоснуться и вылезти из ванной. — Уже вытираюсь.

В эту ночь мне не пришлось спать долго, так как в девять утра бабуля принялась меня будить, заманивая горячим чаем со вкусными теплыми булочками, которые она уже успела купить в кулинарии напротив. Я сладко потянулась, мечтая еще чуть-чуть вздремнуть, однако Ирина Степановна от пряника перешла к кнуту и громко сообщила, что если я немедленно не встану, то на моей сонной физиономии окажется таз холодной воды. Угроза, хоть и шуточная, подействовала, и я нехотя поднялась. После того, как мое лицо стойко вытерпело струю прохладной воды, которую я на него направила в процессе умывания, мне было позволено отведать обещанных булочек. Позавтракав, мы снова, как и вчера, направились в прихожую, где стояло трюмо, ставшее постоянным рабочим местом моей бабушки. Здесь она делала из меня новых Ларис. Причем каждая следующая в корне отличалась от предыдущей. Сегодня за каких-то три часа я превратилась в роскошную голубоглазую блондинку, с невинным взглядом из-под длинных темных ресниц, слегка подведенных коричневым карандашом поверх блестящих белых теней. Светлая помада на чрезмерно пухлых губах выглядела весьма соблазнительно, а мой обычно тонкий нос был деликатно утолщен, за счет тонального крема, или какого-то другого составляющего бабушкиной коробочки с гримом, который она активно использовала, колдуя надо мной.

Короткое голубое платье из тонкого шифона на мягкой трикотажной подкладке тоже относилось к ее вчерашним покупкам. В нем было легко и свободно, что оказалось очень кстати, так как погода на улице с каждым часом становилась все жарче. Решив не рисковать и не париться в подземке, я, доехав на автобусе до Выхино, принялась ловить такси. Денег в сумочке было более чем достаточно, и, найдя машину, я со спокойной душой отправилась к уже знакомому зданию на Чистых прудах. Решив, что надо действовать быстро, я безотлагательно двинулась туда, по пути царапая ручкой на специально сложенном в пакетике листке бумаги слово "Бабах". Все было просчитано заранее так, чтобы на записке, не дай бог, не осталось отпечатков. Черт знает, что может придти в голову моему бывшему муженьку с его ненормальными заскоками.

Во дворе, как и вчера, было тихо. На стоянке машин никого не наблюдалось. Я заметила, что моя раскраска исчезла с машины, будто ее там никогда и не было. Значит, все-таки отмыли. Ну ладно, посмотрим, как вам понравится новый сюрприз. Не сбавляя шага, я аккуратно раскидала вокруг "Шевроле" кнопки, закинув большую горсть длиннорылых железок под самые колеса так, чтобы их не было видно. Теперь следовало прикрепить записку. Наверняка, автомобиль на сигнализации. Так меня могут и рассекретить в два счета, особенно, если кто-то наблюдает из окна. Отойдя на безопасное расстояние, я остановилась, обдумывая, как бы мне осуществить задуманное.

Ответ пришел сам собой, вернее прибежал, а точнее сказать прилетел в образе шального мяча, который я быстро поймала. Следом за ним мчался пацанёнок лет двенадцати. Беленький, шустрый, с мордашкой Буратино из нашего старого фильма.

— Тетя, отдайте мяч, — попросил мальчишка, весело улыбаясь.

— Тебя как зовут, чемпион? — осведомилась я, смеясь.

— Мишка, мэ, к вашим услугам, — он напыщенно поклонился. Так, вероятно, делали герои его любимых фильмов, а, может, он просто импровизировал.

— Слушай, Миша, не хочешь ли подзаработать чуток? — мягко сказала я, изучающе глядя на юного собеседника.

— Кому любовную записку отнести? — спросил пацан с готовностью.

— Ты откуда знаешь, что записку? — мои немного выгнутые косметическим карандашом брови, удивленно поползли вверх.

— А я умный, — с напускной гордостью ответила его смеющаяся физиономия.

— Тогда вот тебе на мороженое, и прикрепи эту бумажку к окну вон той роскошной машины так, чтобы слова читались изнутри.

— Это что?! — мальчик в недоумении уставился на десятку, которую я ему дала вместе с запиской.

— Ладно, на еще, — поняв, что маленький проныра выбивает из меня больше денег, я достала очередную денежную купюру.

— А если меня поймают? Что я скажу? — его хитрые серые глаза весело блестели. — Что мне дала записку молодая девушка?

Я развела руками, не найдя для ответа слов.

— Полтинник, не меньше, и тогда меня попросил ее отнести молодой бритый мужик, — напыщенно серьезно проговорил паренек, выпятив вперед свою щупленькую грудь.

— На, вымогатель! — мне было смешно. — И учти, что я на тебя рассчитываю.

— Будь спок!!! — радостно крикнул мальчик, уносясь по направлению к "Шевроле". Оглушительный вой сирены, сообщил мне о том, что задание выполнено. Сам же исполнитель со скоростью молнии исчез в соседнем дворе. Я тоже решила поскорее исчезнуть, хотя любопытство и уговаривало разум остаться, чтобы посмотреть, чем дело кончится. В любом случае, забот Славику и его свите на сегодня хватит вполне, а меня ждет бабушка с какой-то сумасшедшей идеей для завтрашнего моего амплуа.

Идея оказалась действительно сумасшедшей, а, заодно, и абсолютно противоречащей моему внутреннему "Я".

— Бабушка, это же не мой стиль! — испуганно простонала я, когда она, снимая грим, с азартом описывала то, что решила со мной сделать.

— Но ведь ты сама говорила, что сможешь сыграть любую роль! — возмутилась собеседница, настойчиво таща меня в медицинский центр, где уже договорилась, что мне сделают еще две лишние дырки в левом ухе. — А в таком прикиде тебя точно никто и никогда не узнает.

— Но, может, остановимся на более консервативных образах, — робко предложила я.

— Нет, нет, и нет! Я уже все обдумала. Вот увидишь, тебе понравится.

— Надеюсь, — криво усмехнулась я, предчувствуя шок.

После того, как в моих ушах, вместо двух сережек, появилось четыре, Ирина Степановна с видом знатока, привела меня в косметический салон. Я уперлась на пороге, будто ослица, наотрез отказываясь становиться ходячей галереей. Однако бабуля умудрилась затащить меня внутрь, успокоив тем, что мне сделают био-татуировку, которая быстро смоеется, так что нет никакого повода бояться. Из этого заведения я вышла с огнедышащим драконом на плече, крошечным костром на животе, миниатюрной звездочкой над губой, и с изящной розой чуть выше колена.

— Это просто сумасшествие какое-то, — осматривая с ужасом свое расписанное тело, пробормотала я дома, — Когда, говоришь, это художество смоеется?

— Скоро, скоро, не переживай, — довольная трудами, сказала собеседница. — Посмотри лучше, что я тебе купила!

Парик из тысячи мелких косичек на манер негритянской прически, действительно, был не плох. Правда, как буду в этой экзотической штуке выглядеть я со своим консервативным характером, вопрос оставался открытым.

Пытка началась с утра. Деятельный нрав моей чрезмерно идейной бабушки не мог спокойно созерцать, как я обнимаюсь с подушкой, когда на улице уже встало солнце.

— О нет, — простонали мои губы, зевая, а тело под напором рук Ирины Степановны, тяжело опустилось на стул возле зеркала. Сейчас начнется экзекуция...

Как ни странно, меня не сильно гримировали, можно сказать даже, что на лицо вообще не положили ничего лишнего, я имею в виду кремы. Зато косметическим карандашом, подводкой и тушью, художник поработал от души, не забыв положить серо-синие тени, которые блестели при любом неосторожном движении головы. Над бордовыми губами, блестевшими не меньше, черной меткой красовалась сделанная вчера в салоне звездочка.

— Последний штрих, — сообщила старушка, достав из своей неистощимой на сюрпризы сумки имитацию серьги-колечка, которую мне тут же прикрепили на нос.

— Теперь я девочка-панк, — страдальческие нотки в моем голосе развеселили собеседницу, отчего она зашлась громким довольным хохотом.

Парик пришелся как раз кстати. И хотя мне казалось, что я напоминаю клоуна, сходства с прежней Ларисой в этом экстремальном костюме, действительно, найти было сложно. Легкие джинсы цвета морской волны обтянули мои бедра, очертив их округлую форму. Короткий трикотажный топ с надписью "нирвана" оставлял открытым живот, на котором

горел крошечный костер. На бедра я подвязала подобранную под цвет джинсов легкую куртку, а на ноги надела туфли на высоченной платформе с квадратными носами.

— Нужно было купить кроссовки, — пробормотала я, слегка покачиваясь от непривычной высоты. — Была бы хоть одна приятная новость.

— Не ной, Ларочка, — бабушка забавлялась, глядя на меня, — ты чудесно смотришься.

— Совсем, как с тусовки столичных наркоманов.

— В таком случае, ты очень симпатичная тусовщица.

— Да, наверное, — я кисло улыбнулась, — хотя допинг для смелости мне сейчас бы не помешал.

— Знаешь, деточка, — внезапно став серьезной, вдруг сказала Ирина Степановна, ласково глядя на меня. — Я чувствую, что сегодня твой звездный час. Не знаю, почему, но я уверена, что этот день изменит твою жизнь в корне и... все будет хорошо.

— Прекрасное напутствие, если Славу при мне арестует вооруженный до зубов отряд милиции, я поверю в твой дар ясновидения, — тяжело вываливаясь в своих нестандартных туфлях из дверного проема, тихо проговорили мои густо накрашенные губы, а глаза в синих линзах недоверчиво сверкнули.

— Жду тебя к ужину, — напомнила собеседница, когда я входила в лифт.

— Хорошо, только не придумывай мне еще более сумасшедшие образы!..

— крикнула я в закрывающиеся двери, за которыми исчезла довольная физиономия старушки.

Я отправилась в метро, решив не пугать таксистов своей слишком уж вызывающей внешностью. И почему моя дорогая бабуля — ходячий комок упрямства? Говорила ей, что больно уж броский вид... нет! Так вся молодежь сейчас, видите ли, ходит. Молодежь вот пусть и ходит, а я при чем?

Тяжелый вздох слетел с губ. Ноги, наконец-то, привыкли к своей новой обуви, я даже вошла во вкус, почувствовав себя необыкновенно высокой. Достаточно свободная одежда не стесняла движений, и я, гордо задрав подбородок, шла вразвалочку по длинному перрону, намереваясь сесть в электричку.

"Ну и что! Сегодня буду играть в девочку-подростка. Раз в шестнадцать лет не удалось поносить подобного рода наряды, так хоть теперь наверстаю упущенное".

Было намечено заскочить в авто-магазин и приобрести там баллончик с люминесцентной краской, затем снова попробовать атаковать машину моего не состоявшегося супруга. Я даже испытала приступ жалости к несчастному "Шевроле", разве оно виновато, что хозяин — подонок? Но, несмотря на проснувшуюся не вовремя совесть, менять планы я не стала, и уже через пару часов дороги новоиспеченная экстремальная девица стояла с купленным по дороге рюкзаком во дворе ларинской конторы.

Машина преспокойно грелась на солнышке, занимая все то же место на стоянке. Колеса выглядели обычно, значит, либо накачали, либо заменили, либо вовремя заметили подвох. А может, кнопки не достаточно острые оказались... Что делать дальше? Баллончик с синей краской пока отлеживался в рюкзаке, а я с деловым видом направилась к автомобилю. И дернули же меня черти затормозить рядом с этой сверкающей громадиной?...

Я, как злостный нарушитель, была в мгновение ока скручена двумя выскочившими из подъезда молодцами, которые, по-видимому, несли вахту, отлавливая все подозрительные личности, проходившие мимо дважды атакованного "Шевроле". Подозрительней девицы с кучей косичек на голове и несколькими тату на теле найти было трудно. Говорила же я, что

прикид вызывающий... Нет, все будет хорошо, видите ли! Вот теперь все очень даже плохо.

— Эй, мальчики, вы че, совсем сдурели? — пропишала я, пытаюсь вырваться. — Здесь запретная зона, что ли?

Стараясь говорить как можно развязней, я сделала очередную попытку освободиться из крепких рук, державших меня под локти. Наверное, сейчас прибежит хозяин, и мне придется разыгрывать спектакль перед носом собственного убийцы. Хорошо еще, что я не успела достать из рюкзака краску, а то, действительно, была бы моя песенка спета. Так, может, еще удастся отмазаться, сославшись на чрезмерно привлекательный вид машины, завладевшей моим вниманием. Вот, дескать, мол, остановилась полюбоваться.

Слава появился, как по сценарию. Приближаясь, он хмуро смотрел в мою сторону. Но, несмотря на дрожь в ногах, я не очень-то боялась этой встречи. Ведь Лариса, в его понимании, мертва, как он может узнать ее во мне нынешней, когда я сама себя признать не могу в зеркале? Однако дальнейшие события заставили значительно участиться мое сердцебиение.

Следом за Лариным из дома вышел Алекс. Он медленно приближался, издали рассматривая пойманную нарушительницу. Я не могла отвести от него перепуганных глаз, глядя, как загипнотизированная, на кишащие бликами стекла заключенных в тонкую металлическую оправу очков.

— Мальчики, отпустите, я же ничего не сделала, — слова прозвучали, как мольба, и возымели совершенно обратный эффект.

Те, кто держал меня, еще крепче стиснули запястья и без того уже онемевших от сильного сжатия рук.

"Н-да, кухонный нож и пистолет из сна пришились бы сейчас ко двору", — грустно хмыкнув, подумала я, обречено дожидаясь неминуемой участи. Я снова посмотрела в серые глаза недавнего спасителя, мельком взглянув на зловещую физиономию Славы, который, как это ни печально, уже почти подошел к нам. Стремительные метаморфозы произошедшие с лицом Алекса заставили мой рассудок отвлечься от создания картин расплаты за мелкие и гадкие выходки последних дней. Его ничего не выражающее лицо приняло сначала вид повышенной сосредоточенности, о чем свидетельствовали две вертикальные морщины на лбу и дрогнувшие слегка брови, потом появилось некое озарение, отблеск которого растаял во внезапно расширившихся глазах. И, уже находясь в последней стадии хмурой грозовой тучи, Александр необычайно быстрым шагом пересек разделявшее нас расстояние, обогнав удивленного Славу и загородив его спиной. Он сердито зашипел, глядя в упор на меня так, будто видел насквозь.

— Какого черта ты не дождалась моего возвращения в машине? — собеседник вырвал меня из лап охранников и, быстро извинившись перед Лариным, потащил вон со двора.

— Алекс, кто это? — крикнул ему вслед Слава.

— Моя новая девушка, — криво усмехнувшись, бросил мужчина, одарив меня уничтожающим взглядом. — Очень непослушная крошка, как видишь...

"Как он меня узнал? Неужели я так перепугалась, увидев его, что в глазах высветилась табличка с точным указанием моего ФИО. Или собственная склонность к камуфляжу помогла ему раскусить мой маскарадный костюм? А может, он просто знал то, чего не мог предположить Слава: я жива..." — мысли путались в голове, а ноги, вспомнив о строптивом характере, уперлись, отказываясь идти дальше.

— Прекрасно, — рывкнул Алекс, по-прежнему сверля меня взглядом. — Хочешь

скандала? Нравится ходить по краю бритвы, да? Ну так вот, красавица моя, — он оглянулся, Славик в компании двух схвативших меня парней внимательно наблюдал за нами. — Теперь ты меня поцелуешь!

— Как это? — от такой новости у меня даже голос прорезался, который до сего момента скрывался где-то в пятках вместе с перепуганным насмерть сердцем.

— Обыкновенно, в губы. Целуй, — выждав паузу величиной в пару секунд, приказал он. Я молча хлопала ресницами, пребывая в полной растерянности.

— Я сказал, целуй, или хочешь, чтобы нас заподозрили? — проговорил он ядовито, и сам впился в мои губы, да так жадно, что я от неожиданности едва не задохнулась, схватившись обеими руками за него, так как колени предательски подкосились. Однако короткой демонстрации наших, якобы, близких отношений Алексу было, по-видимому, не достаточно, потому что он продолжал настойчиво погружаться языком в мои приоткрывшиеся от удивления уста.

"Зачем же так? — мелькнуло в голове, которая начала бешено кружиться. — Если он это не прекратит, я непременно упаду".

Но чем дольше длился поцелуй, тем крепче впивались мои окрашенные синим лаком ногти в его лопатки, стремясь проткнуть толстую ткань пиджака. Он, наконец, оторвался от меня, хмуро глядя на опухшие размазанные губы с остатками бордовой помады. Меня слегка покачивало, ни слов, ни мыслей в голове не было, я лишь тупо смотрела на его чуть-чуть перепачканный рот, имевший на удивление правильную форму, если, конечно, не считать улыбки, которая в этот самый момент скривила его, приподняв вверх левый уголок.

— Не плохо для начала, — пробормотал Алекс, беря меня под локоть и уводя по направлению парадного входа в здание, где была припаркована его машина. Я даже не сопротивлялась, находясь под впечатлением случившегося. Он осторожно вытер помаду с моего лица, потом стер следы на своем. — Ну что, Лариса, как я вижу, тебе пришлось не по вкусу путешествие в Новгород? — иронично произнес он, искоса взглянув на меня.

Я отрицательно покачала головой, стараясь привести в порядок мысли, а вместе с ними и ошалевшее сердце, стук которого бешеным ритмом отдавался в висках.

— И что мне теперь прикажешь делать? — он снова нахмурился, изучая мою новую внешность. — Кто тебя так вырядил?

— Бабушка, — честно призналась я, опустив глаза.

— Талантливая она у тебя, — мягко проговорил мужчина, слегка улыбнувшись. — Я с трудом узнал... Ну да это к делу не относится, — его голос вновь приобрел ядовито-укоризненную интонацию.

Мы какое-то время сидели молча. Я слушала, как его длинные пальцы барабанят по рулю. Посмотреть на этого человека у меня не хватало смелости, поэтому я принялась сосредоточенно изучать татуировку на своем животе.

— Во-первых, — голосом, в котором надменность граничила с решимостью, объявил Алекс, — Вы, юная леди, можете меня подставить своим появлением...

Я виновато вздохнула, но ничего не ответила.

— Во-вторых, я только что представил тебя, как мою девушку, чтобы спасти от возможного разоблачения.

— Никто меня, кроме Вас, не узнал бы, так что все это напрасные жертвы, — пробубнила я, защищаясь.

— Да? А если нет? Хотя какая теперь разница? С сегодняшнего дня ты вместе со своей

феноменальной бабушкой переезжаешь ко мне. Лучше уж держать вас под рукой, чем позволить путаться под ногами.

— Я не путаюсь, — возмущение нарастало, вытесняя робость и страх.

— Ну, конечно! А чернила на машине и куча кнопок с запиской "бабах" — это дело рук чужого дяди? — он насмешливо смотрел на меня, ожидая ответа.

— Не пойманный — не вор! — гордо вздернув подбородок, парировала я. — И нечего было меня целовать так долго, — сдуру брякнули мои губы, отчего щеки покраснели, а разум сложил все известные мне ругательства на излишне длинный язык.

— Неужели?! — Алекс откровенно смеялся. — А мне понравилось.

Я была готова провалиться сквозь землю или вылететь через крышу в никуда, но только не оставаться под гнетом его иронично смотрящих глаз. Жаль все-таки, что в машине нет катапульты...

— Я должен закончить беседу с Лариным. У меня есть шанс, что к моему возвращению, ты будешь еще сидеть в машине? — совершенно серьезно осведомился мужчина.

Я честно помотала головой в разные стороны, напустив на себя невинный вид. Он вздохнул, задумчиво глядя вдаль. Вероятно, принимал какое-то очень важное для себя решение. И принял. Важным оно оказалось и для меня тоже.

— Тогда мы пойдем вместе.

— Куда? — я насторожилась.

— Прямо к твоему супругу, — он презрительно скривился, оценивающе посмотрев на меня.

— Ни за что!

— Ты же сама нарывалась на встречу, видать, соскучилась, — ядовитые слова резали по сердцу.

— Нисколечко.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что я нахожусь там, где считаю нужным, а не там, где Вы мне прикажете! — сверкнув глазами, процедила я.

— А тебе не приходило в голову, что, играя с огнем, можно ненароком обжечься? — он практически прорычал эту фразу, пристально впиваясь глазами в мое лицо.

— Приходило. Но все-таки это лучше, чем трястись за свою шкуру, загнивая в какой-нибудь дыре.

— Новгород — не дыра!

— Не знаю, я там не была. К тому же лучшее место для укрытия — это рядом с тем, от кого скрываешься, — философски заключила я.

— Глупости! — он усмехнулся.

— Возможно, но меня это устраивает.

Словесная дуэль уступила место скрещенным взглядам защищенных линзами глаз.

— Пошли? — наконец, проговорил он спокойно и властно.

— Пошли, — вздохнув, сдалась я. — Меня все еще зовут Ларисой?

— Нет, — он улыбнулся, — я буду звать тебя Лисочкой, Лисой, Лисенком и... просто Элис.

От такого обилия ласкательно уменьшительных эпитетов мои глаза удивленно округлились, и я заморгала чёрными длинными ресницами с повышенной частотой. Но собеседник, не обратив на это никакого внимания, повел меня, взяв за руку как ребенка, в

контору мужа-убийцы.

— На, возьми, — сказал он, когда мы поднимались по лестнице на пятый этаж.

— Что это?

— Жвачка, набей рот и постарайся не произносить при Ларине ни слова. Было бы еще неплохо, если бы ты, войдя в кабинет, отвернулась к окну, и как можно реже поворачивалась, — я почувствовала нотки тревоги в его назидательном тоне.

"За кого, интересно, Алекс беспокоится: за себя или за меня?"

Мы почти добрались до нужного кабинета. Я глубоко вздохнула и, как повелел спутник, усердно принялась жевать пять подушечек "Дирола" одновременно. Увлеченная жевательным процессом, я почувствовала, что волнение, нараставшее по мере приближения к заветной двери, спадает. Напротив, мне стало очень легко и спокойно, так, как будто предстоящая встреча со Славой уже давно в прошлом, и исход ее вполне удачен.

— Только не переживай и не трусь, — тихо проговорил Александр, беря меня под локоть и открывая дверь, на которой висела табличка с названием риэлторской фирмы, возглавляемой Вячеславом.

Я поймала себя на мысли, что собеседник взволнован гораздо больше меня. И не мудрено, ведь спасение недавно убиенной — его рук дело, а мне-то что? Рядом с ним я ничего не боялась, уверенная, что сегодня он меня в обиду уж точно не даст. Хотя было бы неплохо разгадать природу этой самой уверенности... В конце концов, я ведь могу и ошибаться.

— Прости, Слава, пришлось прочитать Лисёнку мораль, чтобы не шлялась без меня по улице, — широко улыбаясь, громко объявил мужчина, крепко держа меня под руку. — Познакомься, это Элис.

Я состроила кислую мину, с трудом выдавив улыбку. Смеяться с набитым жвачкой ртом оказалось делом великой сложности.

— Пусти, — решив поиграть в обиженную фифу, а заодно и избавиться от смеющихся глаз Ларина, с интересом изучавшего мою внешность, я круто развернулась и направилась к окну, в которое уставилась, как и велел мой наставник.

— И давно тебя на экзотику потянуло? — иронично осведомился Славик у собеседника, немного понизив голос.

Я почувствовала, как его взгляд шарит по моим обтянутым джинсами бедрам. Обернувшись и окинув его нахальным взором, я грубо бросила:

— Чего уставился?

— Уф, — засмеялся мой бывший муж, — какая суровая. И где ты откопал такой экземпляр? — он обратился к Алексу, тот лишь отмахнулся, сказав:

— Соскучился по родным краям.

— Да уж, ей бы еще цвет кожи поменять — и вылитая афроамериканка, — подтвердил собеседник. — А где же та блондиночка, с которой я тебя видел пару недель назад?

У меня неприятно кольнуло в животе от подобного рода информации. "Блондиночка, значит?! Ну, ну... — я поймала себя на этой мысли и ужаснулась. — Боже правый, Ларочка, неужели ты ревнуешь неизвестно кого к неизвестно кому? У тебя за эти дни крыша совсем поехала, раз ты дошла до такого. В возрасте моего нового знакомого уже давно пора иметь жену и детей, а не то что с кем-нибудь встречаться. И, в любом случае, тебе до его личной жизни не должно быть никакого дела".

— Сердцу не прикажешь, — уклончиво ответил собеседник. — Может, поговорим о

деле?

— Идем в соседнюю комнату, — став серьезным, предложил Слава.

Они ушли, оставив меня с окном, кабинетом и двумя бугаями, сидевшими за одним из столов в качестве бесплатного приложения к интерьеру. Это были те же мальчики, которые едва не раскусили мою авантюру с краской, пока Алекс не вздумал вступить. Теперь оба молодца, не проявляя к моей персоне ни малейшего интереса, активно дулись в компьютерные игры. Ах, какие, чудные круглые физиономии, абсолютно не изуродованные интеллектом! И ни тени беспокойства на лицах... А ведь это я вам пакости подкидывала.

Выплюнув потерявшую вкус жвачку в корзину для мусора, я злорадно ухмыльнулась. Потом высыпала оставшиеся в пачке подушечки на руку и снова принялась запихивать их в рот. Так, на всякий случай. Мужчины разговаривали недолго, но я успела порядком устать, переминаясь с ноги на ногу и осматривая в очередной раз хорошо изученный двор. Меня все чаще посещали мысли о том, что было бы не плохо повернуться и уйти, однако совесть не позволяла, а вместе с совестью и эти двое, с железной хваткой которых мне уже довелось познакомиться. Кто их знает, вдруг им велено за мной следить? Поразмыслив в таком ключе, я усердно принялась пережевывать несчастный "Дирол".

— Значит, до завтра, — крепко пожав руку своего собеседника, радостно огласил Слава, выходя из комнаты тайных переговоров.

— Я подготовлю все документы, и мы поговорим уже о более существенных вещах, — в тон ему ответил Алекс, направляясь ко мне. — Ну что, Лисёнок, соскучилась? — его губы приблизились к моей щеке, намериваясь чмокнуть, а рука бесцеремонно легла ниже талии.

— Безумно, — промямлила я, давясь жвачкой и выворачиваясь из его объятий. — Мы поедем, наконец, или будем торчать тут вечно?

Пытаясь вжиться в роль развязной девчонки, я скрестила на груди руки, и демонстративно сплюнула тягучую массу в мусор.

— Дорогая, так вести себя неприлично, — с наигранной серьезностью пожурил собеседник, — тем более, моей девушке.

Очень хотелось съязвить. Так сильно хотелось, что я, побоявшись не сдержаться и ляпнуть какую-нибудь глупость, благоразумно прикрыла ладонью рот, подарив мужчине взгляд исподлобья.

— Нам пора, — Александр обернулся к Ларину, возле которого уже, лениво поглядывая на жужжащую на подоконнике муху, стояли двое любителей электронных игр. — Спасибо, что приютил Элис, пока мы беседовали.

— Буду рад ее видеть снова, твой друг — мой друг.

— О-о-о! — собеседник лукаво взглянул на "самую положительность", которой упорно прикидывался Ларин. — Осторожней, она ведь не мой друг, она моя девушка.

— Понял, — Слава усмехнулся, сверля меня глазами так, будто хотел попробовать, какова я на вкус.

Когда мы с ним встречались, я что-то не замечала к себе такого интереса с его стороны. Или он предпочитает грубых развязных девиц с кучей сережек в ухе и с сумасшедшими тату на разных частях тела? С такими проще находить общий язык, что ли? Или это больше возбуждает? Я пригляделась к лицу человека, которого любила совсем недавно, или думала, что любила. Хотя какая теперь разница? Он меня не узнал, это было очевидно. Худое лицо с курносом коротким носом выглядело очень довольным. В карих глазах светилось предвкушение чего-то очень приятного. Вероятно, все эти показатели имели

непосредственное отношение к тому разговору, свидетельницей которого мне, увы, не довелось стать. Я же для не состоявшегося супруга была чем-то вроде сладкой конфетки, случайно попавшей в поле зрения. Он с удовольствием ощупывал глазами мою фигуру, особенно сосредоточенно изучая рельефно выпирающую через тонкий топ грудь.

"Вот мерзавец, — почему-то не без удовольствия, подумала я. — Смотри, смотри, гад ползучий. Что тебе еще остается?"

Мой спутник, практически, силой выставил меня из конторы того, на слащавую физиономию которого я нагло пялилась, стараясь запомнить черты его лица получше. Зачем мне это понадобилось, я не знаю. Просто упрямство взяло верх над здравым смыслом, и я, наслаждаясь риском, принялась играть с опасностью разоблачения, как кошка с мышью. То, что он даже мысли не мог допустить о присутствии своей покойной жены в этой комнате, меня раззадоривало и веселило. Было очень приятно осознавать себя победительницей. Итак, мы стояли со Славой в нескольких метрах друг от друга, и, кроме заинтересованности моим бюстом, я в его глазах ничего не заметила. Значит, получилось! Бабушкино искусство по сокрытию моей внешности, действительно, оказалось феноменальным. Мне было так весело, что я расхохоталась прямо на лестнице, чем немало удивила своего хмурого спутника.

— У тебя что, истерика? — процедил он сквозь зубы, таща меня вниз. — Или обкурилась чем в поддержку нового имиджа?

— Не-а, мне просто смешно, — ответила я, сдерживая хихиканье. — Он ничего не заметил, вот идиот!

— Лара, прекрати, — собеседник сильно тряхнул меня за плечи, остановившись. — Ты вела себя, как шлюха.

— Правда? — меня начинал злить его тон. — А ему, по всей видимости, такие нравятся.

— Так это ты для него выставлялась, позируя как перед объективом, когда стояла у окна? — прошипел Алекс ядовито, впившись пристальным взглядом в мое лицо.

— Я всего лишь пыталась соответствовать собственному облику.

"Ну вот! Теперь я оправдываюсь, как школьница, вместо того, чтобы защищаться".

— А зачем ты на него уставилась, как на кинозвезду, когда мы собирались уходить? — продолжал наступление тот, чьи руки по-прежнему сжимали мои предплечья, не позволяя вырваться.

— Хотела удостовериться, что он меня не узнает, — совсем тихо прошептали губы, а глаза произвольно остановились на его идеальных устах, которые были сжаты в одну суровую линию. — У Вас очень ровный рот, когда Вы не улыбаетесь.

Я опять сморозила глупость, не успев поймать слова на выходе. Интересно, как он на нее отреагирует? Робко переведя взгляд с его губ на глаза, я поняла — он едва сдерживает смех. Ну, здорово! Теперь ему весело, а мне досадно. И зачем я ляпнула эту ерунду вслух? Не могла ограничиться мысленными выводами, относительно его внешних данных...

— Поехали к твоей бабушке, ведь она в городе, я прав? — не став развивать щекотливую для меня тему дальше, предложил Алекс.

Я с облегчением вздохнула, покорно засеменяв рядом с ним по направлению к машине. Спорить и врать смысла не имело: он умудрился раскусить мой маскарад, так чего ему стоит вычислить наше место жительства?! Тем более я находилась сейчас в полном его распоряжении, уверенная в том, что бежать бессмысленно. К тому же, как мне представлялось, Алекс не тот человек, от которого стоит бегать, пока он зарекомендовал

себя в роли нашего ангела хранителя, а не злого демона. Эта отрицательная вакансия уже была прочно занята Лариным, и он, несмотря на все свое фальшивое обаяние, не собирався ее освободить. И как же я не замечала раньше его слащавости, корысти, фальши? Неужели мысли о грядущем счастье так сильно меня ослепили? И какое, интересно, счастье, могло ожидать меня с этим человеком? Я поежилась, представив свою совместную со Славой жизнь. Как же все-таки хорошо, что мы не вместе! От этого вывода на душе, и правда, полегчало, а по телу расплылась приятная усталость.

Я уютно устроилась на мягком сиденье белой машины и улыбнулась, почувствовав себя невероятно спокойно.

— Ты чему это радуешься, Лисёнок?

— Вы теперь так всегда будете меня называть? — без тени обиды или раздражения в голосе полубопытствовала я, подарив собеседнику вполне дружелюбный взгляд.

— Ну, надо же тренироваться, ведь для Ларина отныне ты моя девушка. Кстати, прекрати выкать, это не очень соответствует твоей новой роли в моей жизни.

— Я Ваша подруга?

— Не Ваша, а твоя, — поправил Александр, улыбнувшись. — А что, тебе не нравится?

— Да нет, почему? Очень даже интересно. Теперь Вы, то есть ты, не будешь пытаться выслать меня из города.

— Зато я переселю тебя к себе домой, — осторожно напомнил мужчина, мельком посмотрев на меня, чтобы увидеть реакцию.

— Только если пообещаешь брать с собой на встречи к Славику и ввести в курс дела ваших с ним отношений, — спокойно высказала я свои условия.

— С какой это стати? — Алекс возмутился, но, поймав мой недовольный взгляд, примирительно произнес. — Разберемся на месте.

"Думаешь, что от меня отделаешься, милый? — мысленно рассуждала я, рассеянно глядя на дорогу. — Как бы не так! Ты — мой самый лучший шанс насолить Ларину, когда он того совершенно не ожидает. И пришла же тебе в голову бредовая идея представить меня своей подругой?.. Бедный. От такой девушки, как я нынешняя, тебе просто так не отделаться, это уж я обещаю! И не надейся, что запрешь нас с бабушкой в своем золотом дворце с кучей комнат. Меня теперь ничто не заставит отступить!" — я победно улыбнулась, предвкушая свою дальнейшую роль в деле разоблачения и наказания мужа — преступника.

— Мне твой довольный вид не внушает доверия. Где вы поселились? — Алекс испытующе посмотрел на меня.

— В Жулебино, — пропустив мимо ушей его первую фразу, ответила я, невинно взмахнув ресницами.

— Понятно, — он следил за магистралью, ведя свое бесшумное авто по центральным улицам Москвы. — Путь неблизкий...

Я решила не открывать дверь ключом, чтобы не застать бабушку врасплох. Три коротких звонка известили ее о нашем приходе.

— Кто там? — услышали мы вскоре.

— Это я, бабуля.

Алекс стоял рядом, но в глазок его не было видно. Он спокойно рассматривал светло-зеленые стены подъезда с видом полного к ним безразличия.

— Знаешь, Ларочка, мне тут попалась совершенно чудная юбка, как раз для твоей татуировки над коленкой... — старушка осеклась, увидев, что я не одна.

Ее брови мгновенно взлетели вверх и остались там. Она сняла очки и, демонстративно протерев их, снова надела на нос. — Это не мираж, — наконец, заключил ее полный скептицизма голос.

— Нет, бабушка, понимаешь, — начала оправдываться я, переминаясь с ноги на ногу, — так получилось, что Алекс стал моим... э-э-э, — протянула я, ища подходящее слово.

— Другом, — подсказал тот, о ком я говорила. — Лариса — моя девушка.

Ирина Степановна так сильно обрадовалась, что я не на шутку перепугалась.

— Нет, нет, не на самом деле, только для Славика... — это звучало, как оборона.

Эффект получился ошеломляющий: счастье сползло с бабушкиного лица вниз, оставив его в вытянутом виде с яркой печатью разочарования. Я, конечно, замечала, что бабушка симпатизирует нашему спасителю, но не до такой же степени!

— Как ты нас нашел, Саша? — предлагая жестом войти, спросила старушка.

— Было глупо полагать, что Ваша внучка...

— Дочь! — поправила собеседница. — Я пытаюсь привыкнуть к новым документам, так что не путай меня, пожалуйста, — она улыбнулась, искоса глядя на меня, и снова направила все свое внимание на гостя.

— Хорошо, Ирина Степановна, дочь, так дочь, — он усмехнулся.

Мне даже показалось, что, когда Алекс хочет, его губы растягиваются в вполне нормальную ровную линию, а не в ту кривобокую гримасу, которую он чаще всего дарит мне.

— Итак, Ваша дочь заявила под нос к Ларину, едва не спутав все мои планы.

— А какие у тебя с ним планы? — мягко увлекая мужчину на кухню, полюбопытствовала бабушка, как бы невзначай.

— Я уже два года торчу в России, пытаюсь втянуть Славика в какую-нибудь авантюру, чтобы разорить его раз и навсегда, лишив заодно возможности откупиться от суда, когда всплывут все его преступления.

— А, по-твоему, они всплывут? — недоверчиво спросила старушка, ставя на плиту чайник. Эти двое совсем забыли о моем существовании, увлеченные друг другом, будто давно мечтали поболтать, сидя на нашей не очень-то большой кухне. Александр уважал свою собеседницу, это было понятно без слов. Он внимательно слушал, с теплотой глядя на старушку. В том, что бабуля покорила его сердце, я не сомневалась. В отличие от меня, ей он говорил о своих мыслях, мне — нет. С ней он общался, и не без интереса, а мне лишь предложил набить жвачкой рот и как можно меньше высовываться. От подобных сравнений стало обидно. Я стояла в прихожей, пытаюсь снять с головы парик, и изо всех сил напрягала слух, чтобы услышать, о чем беседуют Ирина Степановна и Алекс.

— Без сомнения, — проговорил он твердо. — Я давно собирал досье на этого типа. У нас с ним старые счеты, — наш гость грустно усмехнулся. — Но это уже другая история.

— А почему ты просто его не убьешь, Саша? — не став беречь раны собеседника вопросами о его прошлом, сказала бабушка. — Ведь у тебя достаточно денег, чтобы нанять киллера, хотя и сам ты с этой ролью неплохо справляешься, — она захихикала, вероятно, вспомнив о нашей недавней гибели.

— Ирина Степановна, — голос Алекса прозвучал укоризненно. — Я не убийца, скорее, наоборот. К тому же смерть для такого подлеца, как Слава, слишком легкое наказание. Он попросту сбежит, а за грехи ведь надо расплачиваться, и, желательно, так, чтобы я это видел. Поэтому лучшее средство — разорение. Я хочу, чтобы Ларин посадил сам себя в ловушку,

все остальные методы противоречат моим принципам. Я не убиваю людей, даже таких, как он.

" Браво! — я мысленно поаплодировала его речи. — Ты только пытаешь их, лишив возможности двигаться, а соответственно, и понимать происходящее. Тоже не очень то хороший поступок, хоть и ведет к благой цели".

— Мне нравится твой настрой, — спокойно произнесла бабушка. — И принципы твои мне тоже по душе. Лара, чего ты там застряла? Иди пить чай! — крикнула она в коридор, и я, точно по команде, направилась в кухню.

— Не хотела вам мешать, — пробубнили мои губы, когда я садилась на табуретку. — Вы так были заняты друг другом...

— Ну надо же! Какая покорность! — Александр откровенно издевался, насмешливо разглядывая мою лишенную парика внешность. — Кстати, ты уже собрала вещи?

— Как это? — бабушка удивленно уставилась на собеседника. — Мы что, опять едем в Новгород?

— Нет, вы переезжаете ко мне домой, хотя если есть желание прокатиться до Новгорода, я буду только рад.

— Желания нет! — твердо заявила я.

— Но ведь мы сняли эту квартиру, и уже заплатили за три месяца вперед, — попыталась возразить Ирина Степановна, однако никакие доводы на мужчину не действовали. Вид у него был непоколебимый, а в глазах читалась решимость. — Зачем тебе нужна такая обуза, Саша?

— Чтобы вы не натворили глупостей.

— Каких?

— Любых. Например, как сегодня. Ларису ведь поймали, едва не застукав на месте преступления. А что если ее узнают? Помимо того, что это опасно для ее жизни, данный вариант может загубить все то, над чем я столько лет работал. Мне не нужны неожиданности. Поэтому я хочу, чтобы вы обе были у меня под рукой.

— К тому же, я теперь твоя девушка! — подарив мужчине хмурый взгляд, вставила я. — И Ларин это знает.

— Ну, вот и еще одно веское "за" в вопросе о переезде, — усмехнулся он, выжидающе посмотрев на Ирину Степановну.

— Э-эх, деньги на ветер, — страдальчески заявила она. — Лучше бы мы жили эти дни в гостинице, дешевле бы стало. Но кто же знал?..

— Значит, Вы согласны? — Алекс облегченно вздохнул.

— Ты не оставил мне выбора, Саша. И, если честно, то я буду рада, если Ларочка окажется под твоим присмотром.

— А вот это совсем ни к чему, — пробурчала я сердито.

— Не спорь со старшими! — в один голос ответили бабушка и Алекс.

Я вытаращила на них глаза, мысленно заключив: "Ну все, спелись!"

К счастью, мы еще не успели обзавестись грудой вещей, поэтому, взяв, лишь самое необходимое, я отправилась вниз вслед за мило беседующими о надоевшей жаре спутниками.

Как выяснилось, Александр Северьянович Северин, обитал на Остоженке, где приобрел большую четырех комнатную квартиру, состряпанную по новой моде из бывшей коммуналки несколько лет назад. Как раз в то время, когда он переселился из Штатов в Россию, чтобы

оказаться ближе к Ларину. С того момента и началось их деловое знакомство. Всю эту информацию мы получили в машине по дороге. Теперь я поняла, почему наш собеседник пользуется таким странным сокращением своего имени: его так зовут друзья и близкие, оставшиеся за границей. И хотя о своих знакомых и родственниках Алекс не распространялся, мне было приятно думать, что они у него все-таки есть.

Я, наконец-то, получила возможность рассмотреть его дом получше. Это было здание прошлого века, пережившее реставрацию как снаружи, так и внутри. Тёмная крыша с мансардными окнами в виде арок причудливо контрастировала со светло-кремовой окраской стен, на которых белоснежной решеткой разместились балконные выступы, их размеренный ритм перебивали вертикальные белые полосы, пронизывающие дом в некоторых местах. Красиво, и очень солидно. Наверняка, наш спаситель не бедствовал за рубежом, раз смог себе позволить приобретение элитного жилья в центре Москвы. Да и сейчас у него было достаточно денег, судя по покупке бабушкиной квартиры и взятках персоналу крематория за розыгрыш моих похорон. Хотя, возможно, он не первый раз подрабатывает лже-киллером... тогда в его распоряжении должна скопиться немаленькая сумма, если, конечно, он не раздал все деньги тем, кого, якобы, убил, как сделал это с нами.

Алекс припарковал "Вольво" в специально оборудованном под домом гараже, и мы направились к подъезду, кодовый замок которого он открыл специальным ключом. Квартира располагалась на третьем этаже, попав на ее территорию, я вдохнула свежий прохладный воздух, так сильно контрастировавший с тем, что творилось на улице. Благодаря кондиционеру жилище Алекса, казалось настоящим раем.

— Теперь Вы будете жить здесь, — громко проговорил наш спаситель, затем жестом предложил пройти старушке в торцевую комнату. — Это была моя спальня, но я с удовольствием уступлю ее Вам, Ирина Степановна, — он улыбнулся.

Я тоже не преминула сунуть туда нос, чтобы взглянуть на обстановку комнаты. Там было чисто, светло и красиво. Большая кровать занимала едва ли не треть комнаты. На ней лежало кремовое покрывало в мелкий рубчик. Во всю стену располагался шкаф с раздвижными дверями, наружная поверхность которых была украшена зеркалами, отчего помещение казалось шире. Кремовые, в тон покрывалу, занавески, легко колыхались от ветерка, попадавшего с улицы через приоткрытое окно. На миниатюрном журнальном столике со стеклянной столешницей стоял небольшой телевизор, оснащенный DVD-плеером. Вот, вроде, и все, хотя нет, был еще у постели крошечный коврик из светлого ворсистого материала, напоминавшего мех.

— Саша, я польщена, — сказала бабушка, положив ладонь на его руку. — Но мне совсем не хочется выгонять тебя из твоей спальни.

— Это самое тихое место во всей квартире, — пожал плечами собеседник. — Я думал, Вам понравится.

— Очень нравится, — усмехнулась Ирина Степановна мягко. — Но для моих старых костей будет достаточно и диванчика, а ты уже привык к этой комнате, к тому же здесь, наверняка, весь твой гардероб...

Он кивнул и, решив не возражать, повел старушку в другую, не менее светлую, но более официальную комнату. Там стояли два кресла, диван и строгий сервант, был еще письменный стол с вертящимся стулом и большая настольная лампа офисного типа.

— Как насчет этой? — осведомился мужчина, заглядывая в глаза бабушке.

— Отлично, если я не буду тебе здесь мешать.

— Вы не будете, — твердо ответил он и покосился на меня так, будто хотел сказать: "А вот ты — будешь".

Я состроила кислую мину и вышла. Меня он поселил все в тот же зал, который я уже занимала однажды. И даже не спросил, нравится мне здесь или нет. Просто вошел и, положив мой пакет с одеждой на кресло, сказал:

— Ты, Лисочка, обитаешь тут!

— Я Лариса, — садясь на диван, возразила я.

— Мне же надо репетировать, — усмехнулся Алекс, намериваясь уйти. — Располагайся.

Больше всего мне не нравилась в этой комнате белая двустворчатая дверь со вставными стеклами. Я не могла отделаться от ощущения, что нахожусь все время на виду. Однако не разыгрывать же капризную девицу в чужом доме?! Хотя... я ведь сюда не напрашивалась, планировка и интерьер снятой нами квартирки мне нравились куда больше, чем этот роскошный, но чужой "дворец".

Дело шло к вечеру, я слышала, как Алекс хлопочет на кухне, так как она была рядом за стеной. Он, явно, любил процесс приготовления пищи. Я отметила эту его склонность давно, а сейчас в очередной раз убедилась в собственной догадке. Мне же удавалось без проблем пожарить только яичницу. Все остальное выходило либо подгорелым, либо недожаренным, либо, вообще, мало напоминало продукт питания. Я умудрялась спалить даже вареную картошку, так как забывала ее вовремя выключить. Результат — почерневшие ломтики, есть которые было настоящей пыткой. Бабушка не раз пыталась обучить меня кулинарному искусству, но все ее попытки терпели крах. Уж кем-кем, а поваром мне никогда не стать, как бы сильно я того не хотела.

Хозяин дома накормил нас пюре с овощным салатом и говяжьими ромштексами. Было очень вкусно и сытно. Сам мужчина ел медленно, искоса наблюдая за мной.

— Ты хочешь что-то спросить? — не выдержав его взгляда, поинтересовалась я, прожевав очередной кусочек мяса и положив вилку на салфетку.

— Почему ты так решила? — Алекс слегка улыбнулся левым уголком губ.

— Но ведь ты уже несколько минут не сводишь глаз с моей физиономии.

— Я просто смотрю.

— На что?

— На то, какая талантливая у тебя бабушка. То, что я видел сегодня днем, и то, что сидит сейчас передо мной разделяет огромная пропасть.

— Я не "оно", — поджав губы, парировала я. — И если говоришь комплимент бабуле, обращайся, пожалуйста, по адресу.

От подобной дискуссии пропал аппетит. Что он имел в виду? Неужели я так плохо выгляжу без грима?

— Ларочка, ешь, — заметив мое скисшее настроение, заботливо проговорила Ирина Степановна. — Саша шутит. Он вовсе не хотел тебя обидеть. Ведь так? — она выразительно посмотрела на собеседника.

— Конечно, — иронично ответил тот, кивнув в знак согласия, отчего две тонкие пепельные пряди упали на его лоб.

Синие, лишенные линз и стекловочки глаза весело блестели, глядя на мое надутое лицо. — Если ты не доешь, я сочту твое поведение оскорбительным по отношению к моим кулинарным способностям.

Вяло ковыряясь вилкой в тарелке, я вновь приступила к трапезе. Бабушка уже вовсю

попивала чай, когда я еще дожевывала последний кусочек острого, но необыкновенно вкусного мяса. Закончив ужин в полном молчании, я встала из-за стола и отправилась в выделенную мне комнату, предварительно извинившись, так как, кроме меня, никто не собирался расходиться.

Они остались сидеть на кухне, о чем-то беседуя. Кажется, Ирина Степановна рассказывала ему веселые случаи из своей театральной жизни, он внимательно слушал, изредка вставляя короткие реплики, а потом они дружно смеялись, довольные обществом друг друга. Мне было грустно и обидно. Я, конечно, любила свою бабушку, но сейчас меня мучила самая что ни на есть натуральная ревность. Я бесилась от того, что она уделяет ему внимания больше, чем мне, а также мне не нравилось то, что он, поглощенный ею, абсолютно не замечает моего присутствия. Короче, меня не устраивало все. Умом я понимала, что обижаться глупо, но сердце, приняв сторону расстроенного недостатком внимания ребенка, упорно отстаивало свою позицию. Однако все эти мысли посещали мою бедную голову за закрытыми дверями зала, так что никто не видел того, что со мной творилось, разве что несчастная подушка, которую сжимали мои тонкие длинные пальцы, на которых по-прежнему красовался синий блестящий лак.

— Хватит жалеть себя, дорогая, — я произнесла это тихо, обращаясь сама к себе. — Сколько можно распускать нюни из-за пустяков?

Я решительно откинула подушку в угол дивана и, подойдя к висевшему на стене зеркалу, скептически окинула себя взглядом.

"Так, после сегодняшней парилки стоит принять душ. И завиться, чтобы волосы не висели паклей по плечам. А завтра я надену парик и ту самую юбку, которую купила бабушка. Пусть она едва прикрывает зад, зато моя татуировка с розой будет видна во всей красе. Если затеяла игру в развязную девчонку, стоит довести ее до конца, даже когда сей образ для меня в новинку. Почему бы, собственно, и не повеселиться?"

С этими мыслями я вышла из комнаты, намериваясь навестить тех, кто по-прежнему сидел на кухне, ведя задушевный разговор.

— Не возражаешь, если я приму душ? — мой вопрос заставил собеседников отвлечься.

— Конечно, нет, ты теперь здесь живешь, зачем же спрашивать такие вещи? — ответил мужчина, непонимающе глядя на меня. — Кухня, ванная, туалет, прихожая и зал, полностью в твоём распоряжении. Ты также можешь заходить ко мне в спальню, если что-то понадобится, но только предварительно постучи. Насчет посещения комнаты Ирины Степановны — разбирайтесь сами, а мой кабинет, попросту, закрыт на ключ, так что туда ты не попадешь, даже если захочешь.

— Спасибо за подробные инструкции, — с натянутой улыбкой отозвалась я. — Полотенце там есть?

— Сейчас принесу, — он быстро вскочил, пройдя мимо меня, и исчез в коридоре.

— Только не смой татуировки, — поучительно подняв палец, заявила бабушка. — Они еще тебе пригодятся.

— Не сомневаюсь, — честно призналась я, намериваясь завтра снова облачиться в парик и топ, не забыв нацепить на нос экзотическое колечко, а вместо джинсов надеть мини юбку.

Вот только удастся ли попасть в этом прикиде в поле зрения Ларина, я не знала. Теперь у меня появилась цензура в образе господина Северина, который вовсе не горел желанием приглашать свою новоявленную подружку на встречу со Славой. Я вздохнула. Но тут как раз

подошел Алекс, держа в руках голубое махровое полотенце, в которое я запросто могла закутаться целиком, а не то что вытереться.

— На вот, где все остальное, ты и так знаешь, — он улыбнулся, повесив полотенце мне на шею.

— Спасибо, — ответила я, открывая дверь в ванную.

— Не за что, — провожая меня взглядом, сказал мужчина. — Я положу тебе постель на диван, сама расстелишь, ладно?

— Хорошо, — я повернулась, намериваясь закрыться.

— Минутку, — он шагнул вслед за мной в ванную так, что я от неожиданного натиска отлетела назад. Спасибо еще, что помещение отличалось приличными габаритами, и у меня была возможность к отступлению.

— Вы, то есть ты, чего?! — я вытаращила на него испуганные глаза, не понимая, зачем он сюда вломился?

— Я забыл предупредить, что у меня перекрыта вода из-за стиральной машины, — он быстро повернул блестящий металлический вентиль где-то под ванной, и, не оборачиваясь, вышел, с абсолютно непроницаемым лицом и сжатыми в одну линию губами.

Я осталась стоять в нерешительности посреди ванной, не зная, что делать дальше.

Голову осаждали полчища всевозможных мыслей.

"Почему у него было такое выражение, точно я его обидела? Или будто случилось что-то не очень приятное? Неужели мой испуг так повлиял на этого человека или что-то еще?" — я недоуменно заморгала, но, бросив рассеянный взгляд по сторонам, наконец, сообразила, где и зачем нахожусь. Закрыв дверь на защелку, я принялась раздеваться, затем включила душ и настроила нужный напор воды.

Мылась я очень осторожно, стараясь не испортить рисунки, которыми пестрело мое обнаженное тело. Еще вчера я мечтала от них избавиться, а сегодня всеми силами пыталась сохранить целыми и невредимыми. Как все-таки изменчивы человеческие настроения! Тем более, мои.

Высушив феном волосы, я пошарила на полке, ища бигуди. Их там, естественно не оказалось, что меня почему-то обрадовало. В квартире у Алекса не было никаких признаков женского присутствия. Наверное, уборкой тут занимался кто-то по найму, потому что представить Северина с пылесосом мне оказалось довольно сложно.

— Ладно, придется остаться сегодня без кудрей, — произнесла я, задумчиво глядя на свое лицо в зеркале. — Завтра же куплю плойку, чтобы процесс завивки не отнимал много времени. Хотя с другой стороны, зачем мне локоны, если все равно придется носить парик?

Я накрутила русую прядь на палец и улыбнулась сама себе:

— Хотя... надо лучше следить за своей натуральной внешностью. Тогда разница между мной загримированной и естественной будет в пользу второй, а не первой.

Когда я, замотанная в махровую простыню, которую Алекс назвал полотенцем, вышла из ванной, на кухне было темно, а в квартире тихо. Вероятно, собеседники уже разошлись. Осторожно ступая босыми ногами по паркетному полу, я быстрым шагом направилась в комнату напротив, где теперь временно проживала. Там тоже было темно. Не зажигая света, я засеменила, придерживая свою импровизированную одежду, к дивану.

— Осторожно, не споткнись, — это был голос бабушки. От неожиданности я чуть не подпрыгнула, едва не завалившись на пол, так как зацепилась о край кресла, на котором примостилась маленькая фигурка Ирины Степановны.

— Ты меня напугала, — переведя дух, пробормотала я, усаживаясь рядом. — Почему свет не включила?

— Дремала, — зевнув, ответила старушка. — Ты так долго плескалась в ванной, что я устала дожидаться.

Мои глаза привыкли к темноте, и я отчетливо различала черты ее родного лица. Бабушка сидела, подобрав под себя ноги — удивительная для ее возраста гибкость. Руки были скрещены на груди, очки покоились вместо обруча на седых волосах.

— Био-татуировки целы? — серьезно осведомилась собеседница, меняя позу на более расслабленную.

Она опустила ноги на пол, и перекинула их одну на другую, а руки положила на подлокотники.

— Вроде, да.

— Это хорошо, значит, не придется тащить тебя завтра в салон.

О такой перспективе я не думала, и, честно говоря, она мне не очень то понравилась, так как подвергать свое несчастное тело очередным художественным метаморфозам совсем не хотелось. Хватит и бабушкиного искусства, следы которого приходится смывать по часу минимум.

— Я, вообще-то надеялась, что мы больше туда никогда не пойдем, — осторожно выговорила я, невинно вскинув ресницы.

— Тогда надо было делать настоящее тату, ну или временные на пару лет.

— Нет! — решительно вскинув подбородок, заявила я. — А если тебе завтра взбредет в голову превратить меня в негритянку? Я что тогда, должна буду не вылезать из-под кварцевой лампы, чтобы стать шоколадного цвета? К тому же остаться с этой красотой на теле, как у отсидевшей срок преступницы, мне совсем не улыбается.

— Ты не похожа на преступницу, Лара, — примирительно улыбнулась Ирина Степановна, ласково глядя на меня. — И перестань так кричать, Сашу разбудишь.

— Ну и что! — я надулась.

— Нельзя так себя вести, это, по меньшей мере, неприлично. Тебе же не пять лет, дорогая.

— Конечно, мне всего на двадцать больше, — понизив голос, ответила я. — О чем вы с ним болтали на кухне?

Бабуля хитро посмотрела на меня. Ее внимательные серо-зеленые глаза были сосредоточены, губы чуть-чуть подрагивали, готовые растянуться в улыбке.

— Так, о жизни, — загадочным тоном произнесла она.

— А еще?

— О Ларине.

— И что вы о нем говорили?

— То, что он попал.

— Как это? — я оживилась, превратившись в слух.

— Понимаешь, Лариса, — издалека начала собеседница. — С такими людьми, как Саша, лучше не ссориться.

— Он что, такой мстительный? — с легким испугом, спросила я, а по спине поползли мелкие мурашки. Слова Ирины Степановны звучали загадочно и жутко, предвещая тайну.

— Нет, он просто очень умный и расчетливый, так что, будь добра, относись к нему с большим уважением.

— И осторожностью, — сказала я сама себе, старушка молча кивнула. — Ты знаешь, какие у него счета со Славиком?

— Нет.

— Он не сказал тебе?

— Нет, Саша вообще, не любит много говорить, особенно если разговоры касаются его персоны.

— А что за планы у него насчет Ларина?

— Мне мало известно. Кажется, дело связано с совместным предприятием, которое Северин пытается организовать со Славой. Можешь предположить, какова выгода от всей этой затеи.

— Думаю, никакой.

— Верно. Но подробностей я не знаю, Саша умеет обходить некоторые темы, когда не хочет их поднимать. Он очень осторожный человек.

— ...который совершил великую глупость, забрав нас к себе, — весело добавила я. — А еще он меня поцеловал.

В комнате повисла пауза, глаза собеседницы удивленно округлились, рот приоткрылся, но слова не успели слететь с губ, так как бабушка прикрыла их рукой. Она надела очки и внимательно посмотрела на меня, пытаясь понять, не шутка ли это.

— Я не вру, — состроив честные глазки, пролепетала я. — Он сделал это, чтобы продемонстрировать Ларину близость наших так называемых отношений, вот и все.

— Тебе понравилось? — совершенно не слушая меня, спросила Ирина Степановна, в ее взгляде заплясали лукавые чертики, от которых мне стало неловко.

— Чуть-чуть, — честно призналась я, переходя на шепот. — Это было... неожиданно.

Бабушка усмехнулась, окинув меня с ног до головы скептическим взором. — Тебе нужно привести себя в порядок.

— Зачем, я же ложусь спать? — на моем лице отразилось удивление.

— Завтра тяжелый день, ты должна хорошо выглядеть.

— То есть?

— Разве ты не собираешься составить Саше компанию, когда он отправится к Славе?

— Я собираюсь, но почему-то мне кажется, что он совсем иного мнения по этому поводу, — грустно вздохнув, сообщила я.

— Это его личные проблемы. Если он не хочет брать тебя с собой, ты ведь поедешь туда одна?

— И что я скажу, появившись перед Лариным в образе девочки-панка, которая в придачу еще и подружка Алекса?

— Тебе ничего не придется говорить, так как Северин поедет вместе с тобой, когда узнает о подобных намереньях. Он же не идиот, чтобы позволить тебе наделать лишние глупости.

— А если я просплю? — с тревогой в голосе, поинтересовалась я.

— Не проспишь, я встаю в пять утра, так что к семи ты будешь уже в экипировке и полной боевой готовности, главное, не устраивай мне утром сцен на тему "хочу поспать".

Я виновато улыбнулась, вспоминая, как тяжело мне дается процесс раннего пробуждения.

— Разрешаю тебе вылить на меня стакан холодной воды, — пошутила я вслух. — Только ведро не надо.

— Договорились, — собеседница поднялась, собираясь уходить. — Я постелила кровать, можешь ложиться. У тебя осталось максимум часов пять для сна. Будь добра, используй их по назначению.

Она ушла, осторожно прикрыв за собой дверь. В комнате по-прежнему было темно. Свет горел только в коридоре, отчего стекла дверных створок светились, отбрасывая решётчатые тени.

"Интересно, что бабушка имела в виду, сказав, что я должна себя привести в порядок?"

Соскочив с разобранного дивана, я быстро переоделась, сменив полотенце на нижнее белье черного цвета и подошла к зеркалу, которое висело возле самой двери. Осмотрев впотымах собственную фигуру, я критически заметила:

— Талия могла бы быть и потоньше, как, собственно, и бедра, а вот грудь выглядит совсем неплохо, несмотря на размер. Если бы добавить еще немного роста, то хоть в "Плейбое" снимайся! Однако на такое я не отважилась бы даже, имея параметры Клавдии Шифер. Характер, увы, неподходящий. Мне всегда гораздо больше нравилось читать книжки и смотреть телевизор, нежели ходить по дискотекам, как делали это подружки. Я, конечно, представляла себя героиней приключенческого романа, когда ложилась спать в теплую постельку, но, чтобы влипнуть в историю вот так... до такого мой несчастный рассудок додуматься не мог. Проведя кончиками пальцев по гладкой коже щеки, я задумчиво пробормотала:

— Если и дальше на мое лицо будет каждый день накладываться толстый слой грима, кожа этого не вынесет. Хорошо еще, что прикид экстремальной девочки не подразумевает напудренные щеки. А глаза уж как-нибудь выдержат обилие косметики.

Услышав приближающиеся шаги, я стремительно бросилась к дивану, и, зарывшись в одеяло, с замирающим сердцем уставилась на рельефные стекла двери. Высокая мужская фигура спокойно прошествовала на кухню. Я услышала звук открывшегося холодильника, и по звону стекла поняла, что Алекс достал пиво и, по всей видимости, выпил его, не отходя.

"Нужно поспать, — сказала я сама себе мысленно и уткнулась в идеально выглаженную белую наволочку. — Завтра с утра начнётся пытка".

Тихое шарканье обутых в домашние шлепанцы ног сообщило мне о том, что хозяин квартиры вновь отправился в свою опочивальню.

"Всё-таки он очень странный человек, — закрывая глаза, размышляла я. — С виду типичный "серый пиджак". Не броский, но аккуратный, не яркий, но одет дорого — это сразу кидается в глаза. Прекрасно играет разные роли, будто именно таким всегда и был. Если он хиппи, то самый, что ни на есть, настоящий. Все — и жесты, и мимика, и подобранная одежда говорят об этом. А когда на неожиданно посеревшие глаза опускаются круглые очки в тонкой изящной оправе, а на высокую широкоплечую фигуру надевается элегантный строгий костюм с галстуком, мужчина преобразается в делового человека, преуспевающего бизнесмена. И с легкостью носит свое новое ампула, как любимый свитер. Кто же он на самом деле? Загадочная личность... И пока у этой личности не возникло раздражение, относительно моей персоны, нужно пользоваться моментом. И вообще, почему он решил, что может снимать пенки расправы с негодяем Славочкой один? Я тоже хочу. К тому же, имею на данную процедуру полное право, ведь я все-таки его жена, невинно убиенная по бумагам. Уж кому-кому, а мне точно нужно присутствовать при моменте разоблачения всех Ларинских махинаций. Так что, милый Алекс, тебе от меня, увы, не отвертеться, как ни старайся".

Я улыбнулась, погружаясь в сон, который раскрыл свои ласковые объятия навстречу моему уставшему сознанию.

Неожиданность, подстергавшая Александра с утра, произвела ошеломляющий эффект. Он застыл в дверях с абсолютно ошарашенным выражением лица, изумленно глядя на то, как мы с бабушкой пьем на кухне чай. При чем я уже одета и накрашена, как и подобает экстремальной девочке.

Была половина седьмого. Утренние лучи проникали через распахнутое окно в квартиру, слегка припекая мое обнаженное плечо, на котором, выпуская огонь из пасти, извивался коричневый дракон. Сегодня я была в юбке, ставшей для Северина причиной второго шока, так как, немного успокоившись после созерцания нас, поднявшихся в такую рань, он принялся рассматривать мою одежду.

— И куда ты в этом собралась? — с явным вызовом спросил мужчина, не сводя глаз с моих перекинутых накрест ног.

— С тобой к Ларину, — отхлебнув чай, спокойно ответила я.

— Зачем? — он по-прежнему смотрел на мои ноги.

— Хочу присутствовать.

— А я не хочу! — эти слова больше походили на рычание.

— Тогда мне придется пойти туда без тебя, — очаровательно улыбнувшись, невинно проговорила я и поднялась, сделав несколько шагов в направлении прохода, который загоразивала крупная фигура собеседника. Бабушка молча пила чай, поглядывая на нас поверх своих очков и не произнося ни слова. Александр перекрыл мне путь рукой, и, смерив пристальным взглядом синих хмурых глаз, сказал:

— Опять над машиной издеваться будешь?

— Я еще не придумала, — вызывающе задрав подбородок, ответила я и тряхнула обилием мелких косичек, некоторые из которых небрежно упали на лицо. — Может быть.

— Переодень юбку, и я возьму тебя с собой, — обречено вздохнув, сказал собеседник.

— А мне так больше нравится, — выставив вперед ногу с изображением розы, заявила я.

Он возвел глаза к небу и покачал головой:

— Кара небесная! Зачем тебе все это надо, Элис?

— Хочу посмотреть спектакль до конца, я имею на это право, ведь он мой муж.

Алекс помрачнел, сжав зубы.

— Муж, значит?

— Бывший, — поправила я быстро. — Но это неважно. Он убил меня...

— Ну и что? — собеседник усмехнулся, но глаза его по-прежнему имели цвет грозовой тучи.

— Тебя, наверное, никогда не убивали! — прикусив нижнюю губу, бросила я с досадой.

Он стал непроницаемым и холодным, по лицу проползла темная, как ночь, и страшная, как буря, тень.

— Убивали, и по настоящему, в отличие от Вас, юная леди, — он резко отвернулся, намереваясь уйти, но я успела схватить его за руку, отчего чуть не упала, едва не потеряв равновесие.

— Прости, — прошептали мои губы, когда мужчина обернулся. — Я не хотела сделать тебе больно... — в моих глазах читалось раскаяние, скрыть которое не могли даже линзы.

— Ты наденешь брюки? — спросил Алекс, меняя тон на более миролюбивый.

Я растерянно посмотрела на свои босые ноги и тихо сказала совершенно расстроенным тоном:

— А что, так плохо, да?

Он рассмеялся, отчего у меня на душе полегчало. Значит, грозы не будет.

— Очень даже хорошо, только такой тип, как Слава, не достоин созерцать эти прелестные ножки, — и тут он снова помрачнел, в веселых глазах засверкали льдинки. — Хотя он не раз уже созерцал их, не так ли?

— Только в длинных юбках, — скороговоркой ответила я, поняв смысл его намека. — Так что он ни за что меня не признает по фигуре, я никогда не носила такие короткие вещи.

Алекс недоверчиво приподнял бровь, но ничего не сказал. Он постоял еще немного, глядя на меня, потом посмотрел на сидящую с невозмутимым видом бабушку, и, направившись в ванную, громко бросил:

— Как я понимаю, это ваша совместная идея?

— Да! — в один голос ответили мы и, поймав взгляды друг друга, расхохотались.

Я хваталась за живот, сгибаясь пополам от смеха, старушка едва не поперхнулась чаем, хихикая и кашляя одновременно. Мы только что одержали маленькую победу, заставив непоколебимого мужчину сыграть по нашим правилам. От этого на душе было очень приятно и радостно.

Из дома мы с Александром вышли ровно в семь тридцать. Он двигался быстро, энергично размахивая черным кожаным портфелем. Я неотступно следовала за ним, активно перебирая ногами, которые делали из-за высокого каблука и узкой юбки слишком маленькие шаги.

— Мы сразу отправимся к Славе или нет? — полюбопытствовала я, усаживаясь в машину моего спутника и с удовольствием вытягивая уставшие от торопливой ходьбы ноги так, чтобы скинуть с них туфли.

— Почему ты разулась? — пропустив мимо ушей мой вопрос, спросил Северин, с удивлением глядя на валявшуюся на полу обувь.

— Ноги болят.

— Отчего?

— От того, что ты слишком быстро ходишь, а мне приходится бежать следом вприпрыжку, — честно ответила я.

Он усмехнулся, в серых глазах появилось странное выражение, смысл которого для меня так и остался загадкой. — Скажи-ка, Лисочка, а не хотела бы ты отправиться, ну, к примеру, в Америку, чтобы поработать там в какой-нибудь фирме? — невзначай заговорил Алекс, продолжая сосредоточенно смотреть на дорогу.

— Почему ты зовешь меня так? — сделав вид, что не поняла вопроса, сказала я, меняя тему. — Что общего между Лисой и Ларисой?

— Отсутствие сочетания "ар" в твоем имени является вполне подходящим объяснением, — спокойно отозвался мужчина, поворачивая руль влево. — Ну, так как насчет заграникомандировки?

— Алекс, — я улыбнулась, подарив ему укоряющий взгляд. — Ты опять решил отправить нас с бабушкой подальше? Только теперь выбрал более надежный транспорт, чтобы мы с него не сошли по дороге? Ведь с самолета прыгать не будешь? Я верно мыслю?

Он пожал плечами:

— Разве побывать в Нью-Йорке — плохая идея?

— Хорошая.

— Тогда в чем же дело? — он мельком взглянул в мою сторону, на лице его читалось непонимание, я же продолжала загадочно улыбаться.

— А где я там буду работать? — решив воспользоваться моментом и вытянуть из собеседника побольше информации, поинтересовалась я.

— В рекламном агентстве.

— Это тоже подставная организация?

— Нет, это моя личная фирма. Она занимается съемкой рекламных роликов, фоторекламой, а также видеоклипами, — с гордостью сообщил мужчина, на его губах заиграла кособокая, но очень довольная улыбка.

— Как интересно! — с чувством воскликнула я. — А кто сейчас ею управляет, если ты здесь?

— Мой отец, — в голосе его зазвучали теплые нотки, а в глазах появился печальный блеск. — Мы давно не виделись...

— Пару лет? — продолжала аккуратно выпрашивать я.

— Нет, — он внимательно посмотрел на меня, — всего лишь шесть месяцев.

— А! — я с невинным видом опустила глаза, и принялась изучать лепестки нарисованной розы. — Понятно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы какое-то время ехали молча, потом, не выдержав, я снова заговорила:

— Зачем ты торчишь в Москве, если у тебя есть преуспевающий бизнес в другой стране? И там находится твой папа, наверняка есть жилье, друзья, а, возможно, и семья — жена с ребятишками. Зачем тебе тратить время на Россию и на Ларина?

Он выразительно взглянул на меня, но я, набравшись мужества, выдержала этот взгляд, не отведя глаз. Пауза затянулась, я даже подумала, что он не ответит мне, но...

— Начну по порядку, — произнес его тихий, но решительный голос. — Во-первых, у меня, действительно, есть хорошая фирма, которая производит качественные вещи, есть свой дом, отец, друзья. На счет жены, ты, конечно, погорячилась. Хотя когда-то она у меня тоже была... — его руки с силой сжали руль, а брови нахмурились. Настроение Алекса портилось, а вместе с ним пропала словоохотливость. — Знаешь, Элис, чем меньше тебе известно, тем лучше для тебя же.

— Но почему?! — я раздосадовано хмыкнула, у меня снова ничего не получилось. Этот странный человек упорно не хотел говорить о себе и о своем прошлом. Находясь рядом с ним, я чувствовала запах тайны. Неуловимый, терпкий аромат неизвестности, который манил мой любопытный рассудок, как магнит.

— Спать будешь крепче, — ответил собеседник и замкнулся в себе, а я осталась сидеть с неудовлетворенной потребностью правды, которую от меня упорно скрывали.

Пребывая в состоянии полного разочарования, я испытала обиду, которая плавно переросла в гнев. Злость закипала с каждой минутой, я едва сдерживалась, чтобы не закатить скандал прямо в машине. Хотелось задушить сидящего рядом человека, или, по крайней мере, хорошенько ему врезать. Рисую мысленные картины того, как я с ним разберусь, мое воображение от души расписывало детали кровавой схватки, в которой я, естественно, окажусь победительницей.

— Лисёнок, — голос Алекса вывел меня из водоворота глупых размышлений. — Так ты поедешь в Нью-Йорк?

Я недоуменно вскинула ресницы и решительно рявкнула:

— Нет!

Он грустно улыбнулся:

— Тогда зачем ты выспрашиваешь про работу?

— Чтобы узнать о тебе хоть что-нибудь, иначе ты молчишь, как партизан, — я сердито сверкнула глазами, сжав кулаки, так как все еще находилась под действием собственного негодования. — Этакий "Мистер Икс", человек-загадка! Разве так честно? Ты знаешь обо мне все, а я ничего.

Слушая мою тираду, собеседник все шире улыбался, отчего я бесилась еще больше. Наконец, он не выдержал и откровенно расхохотался. Раскаты его громкого смеха прокатились по всему салону иномарки, слегка оглушив меня. Я замолчала, исподлобья глядя на него, и мысленно проклиная саму себя за излишнюю болтливость. Он, наконец, успокоился. Отдельные смешки все еще слетали с его улыбающихся губ, но все же это происходило не так часто.

— Лариса, ты великолепна! Настоящая женщина! — иронично похвалил Алекс.

— А Вы — настоящий искуситель, — пробурчала я в ответ, хмуро глядя в окно.

— И чем же я тебя искушаю? — вкрадчиво поинтересовался мужчина. Он чуть-чуть наклонился ко мне, пытаясь заглянуть в глаза, пока мы стояли на светофоре. Но я упорно изучала цветочный киоск на улице, не поворачивая в его сторону головы.

— Загадками, — ответили мои губы тихо. — Я с детства люблю кроссворды.

— Значит, я для тебя ходячий кроссворд? — обижено осведомился Алекс, прибавив скорость.

— Да, — заметив, что задела собеседника за живое, я даже повернулась, чтобы убедиться в своей догадке.

— А что будет, когда ты меня разгадаешь? Отложишь в сторону, как не нужную газету? — здесь уже слышалась не обида, в этих словах звучал настоящий вызов.

Я в полном замешательстве уставилась на него. О чем он говорит? Я отложу его? Когда? Куда? Да он сам раньше выставит меня за дверь, не выдержав общества такой ненормальной, как я. Однако нужно было что-то сказать, и я вполне миролюбиво заверила:

— Тебя, Алекс, разгадать невозможно.

— Все возможно, — философски бросил он, принимая перемирие. — Надо только очень захотеть.

Целью нашего пути оказалась клиника пластической хирургии "Афродита", где работал Василий Дмитриевич. Она занимала первый этаж высокого кирпичного дома и не отличалась большими размерами. Зато чистотой и обилием света можно было восхищаться.

— Зачем мы здесь? — робко спросила я, озираясь по сторонам.

— Это все-таки мое капиталовложение, Элис, я хочу знать, как тут идут дела.

— Ах, да! Тебе же принадлежит половина клиники, — пробормотала я, восстановив в памяти то, что мне когда-то говорил Северин.

Василий Дмитриевич сидел в своем кабинете, когда мы вошли туда, предварительно постучавшись. Его лысеющая голова блестела от солнечного света, как шарик для пинг-понга. Брови были сдвинуты, взгляд сосредоточен на лежащих перед ним бумагах.

— Привет, Саша, а я тут решил заняться бумажной работой, — он протянул другу руку. — Ну и скучное это занятие, однако.

Мой спутник усмехнулся, взглянув на стопку, покоящуюся на столе хирурга.

— Конечно, куда интересней создавать людям новые лица, — понимающе покачал головой он.

— Я — Василий Дмитриевич, — протягивая мне ладонь и добродушно улыбаясь при этом, сообщил врач.

Мой рот открылся, чтобы ответить, но Алекс опередил меня, громко объявив:

— Элис, моя подруга.

— Очень приятно! — подарив ему хитрый взгляд, сказал доктор.

Я так и осталась стоять с открытым ртом, не зная, что сказать. Неужели Северин будет ломать комедию перед этим человеком, ведь очевидно, что Василий Дмитриевич меня не узнает. Оценив всю силу моего замешательства, Александр довольно расхохотался, усаживаясь в кресло напротив собеседника.

— Иди сюда, Лисёнок, — позвал он, похлопав по поверхности соседнего стула.

— Ты чего так веселишься? — приподняв брови, любопытно спросил хирург.

— Смешно смотреть на вас обоих.

— Это почему же? — не понял он, а я, поставив руку на бедро, воинственно вздернула подбородок.

— Посмотри на нее внимательней, ты же мастер менять людям внешность, — мужчина продолжал смеяться, я — хмуриться, а врач принялся вглядываться в мое лицо.

— Я Лариса! — не выдержав паузы, воскликнули мои ярко-бордовые губы, а глаза сверкнули в сторону Алекса.

— Невероятно! Кто же тебя так нарядил, девочка? И откуда ты собственно, взялась? — в лице пожилого человека читалось неподдельное изумление.

— Долгая история, — ответил за меня Северин. — Я приехал узнать все ли в порядке и не нужна ли моя помощь?

— Да, вроде, нет пока. По счетам уплачено, в кабинетах работа идет полным ходом, а очередь пациентов не иссякает, — задумчиво произнес Василий Дмитриевич, продолжая изучать меня глазами. — И все-таки, что у вас происходит?

— Ничего особенного. Я просто в одночасье обзавелся девушкой и бабушкой, которые теперь живут вместе со мной.

— А как же Новгород, я ведь сам посадил их в поезд.

Александр поморщился:

— Ну, кто же знал, что эти две дамы состоят в родственных отношениях с бумерангом.

— Вот, спасибо! — наконец, вставила слово я, раздраженно фыркнув.

— Пожалуйста, — пропустив мимо ушей мой тон, ответил он.

На усталом лице Василия Дмитриевича появилась лукавая улыбка.

— Ну, как я вижу, вы не плохо ладите, — хитро глядя на друга, сказал он.

— Да, живем душа в душу, — иронично проговорил собеседник, окинув меня веселым взглядом, который на мгновение задержался в районе моих ног. — Вот только одеваться поскромнее Элис никак не соглашается.

Я обречено покачала головой, вздохнув и закатив глаза. Опять та же песня! Что за пуританские взгляды?

— Ты сегодня поедешь к Ларину? — меняя тему разговора, серьезно спросил врач.

— Да. Он хочет посмотреть документы. Вероятно, будет их проверять по своим каналам.

— Там все чисто, не так ли?

— Процентом на девяносто восемь. Короче, не подкопаешься, — Алекс напряженно улыбнулся. — Надеюсь, что он не доберется до оставшихся двух, а то вся затея провалится, как было с клиникой.

— Зато теперь у нас есть "Афродита", и дела ее очень даже не плохи.

— Это потому, что ею управляешь ты. Если бы Ларин тогда согласился на данный проект, "Афродита" давно разорила бы его.

— Все-таки хорошо, что он отказался, — честно порадовался доктор, откладывая свои бумаги в сторону. — Хотите кофе?

— Нет, — Алекс поднялся, предлагая мне жестом сделать то же самое. — Нам пора. Нужно еще успеть окучить Славика по полной программе.

— А Лара будет тебе в этом помогать? — недоверчиво спросил доктор, тоже вставая.

— Ну, разве что усыплять бдительность своего бывшего супруга чрезмерно короткой юбкой.

Я недовольно покосилась на говорившего, но на него это не произвело никакого впечатления. Мы вышли, попрощавшись с Василием Дмитриевичем и пожелав ему удачи. Оказавшись в коридоре, я обогнала своего спутника и, уперев руки в боки, сурово заявила, преградив ему путь:

— Ну и что за спектакль ты там устроил, милый?

Он немного опешил от такой решительной атаки, потом улыбнулся, смерив меня ироничным взглядом, и ответил:

— Хотел проверить твои шансы на разоблачение со стороны Ларина.

— И как? — сменив гнев на милость, спросила я.

— Они равны нулю.

Эта фраза меня полностью успокоила, я даже забыла о том, что злилась на Алекса за его выходку в кабинете доктора. Впереди ждала встреча со Славой, и я погрузилась в мысли о ней, предвкушая грядущие события. Мы добрались до здания, где располагалась его контора, в довольно короткий, как мне показалось, срок. Увидев меня, ларинские охранники изобразили на своих физиономиях вялое удивление. Сам Слава появился чуть позже. Он вежливо поздоровался, окинув мою фигуру откровенным взглядом, из-под слегка припущенных век. На его губах появилась сомнительного характера улыбка, когда глаза бесцеремонно скользили по ногам, задержавшись на изобилующей шипами розе.

— Рад тебя видеть, Алекс, — наконец, проговорил Ларин, отворачиваясь от меня. — Ты привез все бумаги?

— Как договаривались, — мой спутник был "сама стойкость": уверенный взгляд, энергичные жесты, спокойная интонация голоса.

Они исчезли за дверью, прихватив с собой черный портфель Северина, а я опять осталась в компании двух велико рослых горилл, с интересом пялившихся на мои ноги. От их наглых взглядов мне стало неуютно, и лучшее, что пришло в голову — это отвернуться к окну, возле которого я уже стояла однажды.

Через какой-то промежуток времени из кабинета вышел Слава. Он был один. С деловым выражением лица Ларин пересек всю комнату, обогнув столы своих подопечных. Подойдя ко мне, он заговорщически произнес:

— Послушай, детка, когда наш общий знакомый тобой наиграется, заходи на огонек, — он протянул мне свою визитку. — Поверь, я умею обходиться с такими цыпочками, как ты. Будут и деньги, и цветы, и шампанское, и еще много всего, о чем ты даже не мечтаешь, живя

с этим чопорным ханжой, — он подарил мне свою белозубую улыбку, а его рука нахально легла на мой зад, слегка приподняв и так не длинную юбку.

Похотливое выражение, прочитанное мною в когда-то любимых, карих глазах, привело меня на грань шока, с которым я изо всех сил пыталась справиться.

— Спасибо за предложение, — собрав в кучу всю свою выдержку, поблагодарила я, натянув на лицо улыбку. — Непременно воспользуюсь, как только выпадет случай.

— Вот и прекрасно! — довольно потирая руки, заявил Слава с невозмутимым видом, затем он открыл ящик стола, достал оттуда какой-то блокнот и снова исчез за дверью, оставив меня переваривать услышанное.

"Так вот, значит, какой тип девушек предпочитал мой жених, разыгрывая из себя галантного кавалера, когда ухаживал за мной, а, вернее, за моей квартирой в Питере. Наверное, он воспринимает меня как ветреную особу, с которой не может быть прочных отношений, только кратковременный секс", — от этих мыслей стало противно.

Я брезгливо отряхнула то место на одежде, за которое меня держал несколько минут назад Славик. И как только я могла быть влюблена в этого негодяя?! Подобный факт, совершенно, не укладывался в голове. Я поймала на себе любопытные взгляды парней, оккупировавших компьютер. Однако они вряд ли отважатся подойти ко мне с непристойными предложениями после того, как это сделал их босс.

"Ну и компания здесь собралась, — мысленно ужаснулась я. — Сплошной зоопарк: две гориллы и одна лицемерная ящерица. Интересно, на кого похожа Славина сестра?"

О ней мне Ларин много рассказывал, расписывая все ее многочисленные достоинства. Звали сестру Татьяна, но я никогда ее не видела. Мой будущий супруг часто вспоминал о ней, когда мы были с ним наедине. Он говорил, что Таня умная и талантливая женщина, и что она ему очень сильно помогает в работе. Славик обещал нас познакомить на венчании, которое, якобы, она организовывала, взявшись посодествовать брату. Правда, вместо свадьбы, я оказалась в крематории, ну да это, по большому счету, теперь уже не важно.

— Эй, красотка, — подал голос один из охранников, подняв голову от клавиатуры. — Ты извини, что мы тебя вчера задержали. Думали, это ты хозяйскую машину калечишь.

— Пустяки, — я мило улыбнулась ему. — А что за история с машиной?

— Разве твой ухажер не говорил? — оживился парень, поворачиваясь ко мне вместе со своим стулом.

— Ну, так, — я замялась, — невнятно.

— У нас эпидемия мелких пакостников, — сообщил тот, с кем я разговаривала, почесав свой бритый затылок. — Несколько дней подряд уродуют "Шевроле", причем самым наглым образом, — охранник нецензурно выругался, потом продолжил. — Сначала чернил налили, потом были кнопки и угрожающие записки.

— Да что вы говорите?! — я изобразила на лице удивление, призванное скрыть рвущееся наружу самодовольное выражение. — Не может быть!

— Еще как может! — криво усмехнулся парень, взглянув на второго. — Правда ведь, Гера?

Тот, кого звали Герой, утвердительно кивнул, продолжая по уши сидеть в игре.

— Наверное, дети шалят, — предположила я.

— Да... — он усмехнулся. — Но боссу от этого не легче. У него чуть инфаркт не случился, когда обещанное "бабах" сработало в виде хлопка от спущенного колеса, напоровшегося на зубастую кнопку. Мы позавчера целый час корячились, меняя шины, и еще

столько же, собирая разбросанные кнопки.

Я с трудом скрывала победную улыбку, изо всех сил пытавщуюся завладеть моими губами.

— Надо же, как неприятно! — отворачиваясь к окну, чтобы не заметили веселый блеск в глазах, проговорила я с трагичной интонацией.

— Хочешь кофе? — предложил все тот же словоохотливый парень, он даже начал мне немного нравиться, благодаря своей повышенной болтливости.

— Было бы не плохо, — честно призналась я, так как хотелось пить.

Собеседник быстро вскипятил воду в электрическом чайнике и налил мне быстрорастворимого напитка в белую кофейную чашечку, которую осторожно поставил передо мной на стол.

— Сахар сама ложи по вкусу, ладно? — его круглая физиономия осветилась дружелюбной улыбкой.

Я почувствовала, что расположение к нему с моей стороны растет с каждой минутой общения. За те два часа, которые я провела в его компании, мы успели окончательно сойтись, легко беседуя на различные темы и весело смеясь при этом. Второй охранник лишь изредка улыбался, слушая нас, он был целиком поглощен виртуальной игрой.

"Как все-таки обманчиво первое впечатление, — подумалось мне. — Лешка оказался таким приятным парнем, несмотря на свою немного отморозенную внешность. Даже удивительно, и что такой открытый, доброжелательный человек, как он, делает в фирме мерзавца?"

— Значит, до следующей недели? — прощаясь с Лариным, проговорил Алекс, когда дверь кабинета Славы открылась.

— Да, я позвоню тебе, — довольно усмехаясь, ответил собеседник, бросив на меня выразительный взгляд, который не ускользнул от Северина.

Я поняла это по приподнятым в изумлении темным бровям, из-под которых смотрели серые глаза, выражавшие вопрос. Когда мы оказались на улице, Александр озвучил то, что читалось в его не очень-то веселом взоре.

— Почему он на тебя так нахально пялился? — с некоторым раздражением в голосе, осведомился мой спутник.

— Принял меня за девочку легкого поведения, предлагал встретиться как-нибудь на досуге, даже визитку дал, — я брезгливо поморщилась, достав двумя пальцами белый картонный листок из рюкзака.

— Я же говорил, что не надо надевать эту чёртову юбку! — прорычал Алекс, практически втолкнув меня в машину.

Я непонимающе уставилась на него. Чего это он так взбесился? Сам же говорил, что мне следует усыплять Славину бдительность, вот я и усыпляла... Сев на место водителя, Алекс принялся нервно барабанить по поверхности руля пальцами, не глядя в мою сторону. Он молчал, я тоже.

— И долго мы будем тут стоять? — наконец, не выдержала я, передернув плечами и укоризненно посмотрев на него.

— Что еще сказал тебе Ларин? — ядовитые интонации в голосе собеседника заставили меня поежиться.

— Ничего особенного! Пообещал шампанское, цветы и так далее. Сказал, что будет ждать, когда ты мной наиграешься, вот и все, — не громко перечислила я.

Однако на Александра эти слова подействовали, как красная тряпка на быка. Он повернулся ко мне со зловецким видом и тихо прошипел:

— Ну и как? Ты собираешься принять столь заманчивое предложение?

Я положила руку на лоб, недоверчиво покачав головой — либо он спятил, либо просто хочет меня уязвить.

— Одно "заманчивое предложение" от него я уже сдуру приняла, и оказалась вместо алтаря в крематории.

— Ты жалеешь, что все так обернулось и ваш брак не сложился? — его слова звучали уничтожающе.

— Знаешь, Алекс, — теперь я пощупала его лоб, дабы убедиться в том, что у собеседника нет жара. — По-моему, у тебя поехала крыша. Это он, а не я предлагал мне переспать, нахально кладя руки на мои ягодицы.

Лучше бы я об этом не говорила... Бледное от природы лицо мужчины стало совсем белым, губы превратились в жесткую линию, а в глазах сверкнула молния. Я вжалась в кресло, предчувствуя бурю. Какое-то время длилось молчание, потом его громкий голос взорвал тишину:

— Так, значит, он тебя лапал?!

— Нет, только один раз притронулся, — я начала оправдываться, стараясь успокоить

гнев Северина, который напугал меня не на шутку.

— Не дай Бог, Лара, я увижу на тебе эту проклятую юбку снова, — прорычал Алекс уставившись на мои ноги немигающим взглядом.

У меня возникло инстинктивное желание чем-нибудь укрыться, и я невольно одернула короткую, блестящую ткань, едва прикрывавшую бедра. Особого результата это, конечно, не дало, но зато успокоило мою совесть.

— Извини, — робко начала я, когда в машине воцарилось молчание. — Но, если честно, ты разбушевался не по делу. Ничего ведь не случилось, мы просто в очередной раз убедились, что Слава — свинья, и все.

— И все?! — глаза мужчины зло сощурились. — А то, что он хватает тебя за задницу, сказав мне, что пошел за блокнотом, это не считается?

Я закрыла глаза, тяжело вздохнув, похоже, мои слова до Алекса не дошли, разбиваясь об стену какого-то идиотского упрямства. И чего он бесится?.. Мы помолчали, погрузившись каждый в свои мысли.

— Может, объяснишь все же, отчего ты завелся? — тихо спросила я, после продолжительной паузы.

— Нервы шалют, — угрюмо отозвался Алекс, заводя мотор. — Нужно заехать в универсам за продуктами, а потом домой.

"Исчерпывающий ответ, ничего не скажешь! — я кисло усмехнулась, глядя на дорогу. — Сегодняшняя вспышка гнева записывается, как очередной пункт, в досье загадок, связанных с этим абсолютно не понятным мне человеком".

Продукты мы покупали молча, он выбирал все сам, совершенно не интересуясь моим мнением по данному поводу. Я со скучающим выражением лица устало ходила вслед за спутником между кишачих яркими упаковками прилавков.

— Хочешь мороженое? — наконец, подал голос мужчина, мельком взглянув на меня.

— Да, — честно ответила я, обрадованная хоть какой-то возможностью начать общение. — Крем-брюле есть?

Он достал из холодильника то, о чем я попросила, и положил в тележку.

— Пойдем к кассе.

Я охотно согласилась, всем своим видом демонстрируя, как сильно не люблю продуктовые магазины. На улице мне было выдано мороженое, которое я тут же принялась есть.

— А ты не хочешь? — вопросительно посмотрев на Алекса, сказала я.

— Ты что, предлагаешь мне попробовать? — усаживаясь за руль, любопытствовал собеседник, в его серьезных до этого момента глазах, запрыгали веселые огоньки.

— Если хочешь... — пожала плечами я, с удивлением обнаружив, что, действительно, могу это сделать без обычного для подобных случаев чувства брезгливости.

Он немного помедлил, затем взял мою руку, в которой находился вафельный рожок, и поднес к своим губам, аккуратно откусив мороженное с краю.

— Спасибо, очень вкусно, — поблагодарил собеседник, загадочно улыбнувшись, но я не придавала этому никакого значения.

Мой рассеянный взгляд был направлен на крем-брюле, которое я держала в ладони. Окончательно убедившись в том, что предчувствия меня не обманули, и я на самом деле не брезгую Алексом, я с наслаждением принялась уплетать холодный десерт.

— Ты любишь "оливье"? — поинтересовался Северин, когда мы въехали во двор его

дома.

— Наверное, да.

— А как насчет приготовления салата?

— Здесь есть проблемы... — мое чистосердечное признание, заставило его усмехнуться. — Я и кухня — вещи не совместимые. Но если хочешь, можешь проверить. Только не жалуйся, когда увидишь пожар или наводнение. Предупреждаю сразу — я тут не при чем! Это просто наша с ней взаимная антипатия...

Он внимательно выслушал меня, потом произнес с иронией:

— Уверяю тебя, Лисёнок, моя раковина, как, впрочем, и плита, вполне миролюбивы.

Я только пожала плечами, дескать, мол, предупреждения получены, а дальше все под твою личную ответственность. О том, что совершил роковую ошибку, допустив меня к плите, Алекс понял почти сразу, когда я принялась зажигать не ту конфорку. Сообразив в чем дело, я поднесла спичку к нужной, излишки выпущенного газа ярко вспыхнули, взвившись высоким огненным столбом. Я испуганно вскрикнула и шарахнулась в сторону, как раз туда, где стоял хозяин квартиры, держа в руке нож и разделочную доску. Налетев на мужчину, я умудрилась порезать руку о лезвие ножа, а довольно увесистая деревянная доска, выпав из рук владельца, с грохотом обрушилась на его ногу.

— Сорри... — слизывая кровь с руки, пролепетала я, поймав сердитый взгляд сапфировых глаз.

— Похоже, я должен был внимательнее отнестись к твоим словам в машине, — серьезно произнес Александр, беря мою руку в свои ладони, чтобы посмотреть, насколько глубока рана.

— Да пустяки, ничего опасного, — вырвав локоть, успокоила я. — Как твоя нога?

— Жить буду, — он усмехнулся. — И давно у тебя эти уникальные способности?

— Какие?

— Разводить костры на кухне, — пояснил собеседник, по-прежнему внимательно на меня глядя.

— С детства, — я грустно хмыкнула. — Но иногда мне удается приготовить яичницу! — радостно добавили мои растянувшиеся в улыбке губы.

— И сколько жертв пало смертью храбрых на каждой такой яичнице? — иронично осведомился Северин, выпроваживая меня за плечи в коридор. — Иди-ка лучше посмотри с бабушкой телевизор, пока я занимаюсь готовкой.

— Как хочешь, — я пожала плечами, решив не возражать.

— Кто пострадал на этот раз? — не отрывая взора от телевизора, спросила Ирина Степановна, когда я осторожно села рядом с ней.

— И я, и он, и плита, наверное, тоже, — со вздохом ответила я, прокрутив в голове недавние события.

— Следовало ожидать, — на лице бабушки появилась довольная улыбка. — Ну ничего, поделом Саше за его самоуверенность. Ты же говорила ему, что затея плохая?..

— Говорила... — продолжая печально вздыхать, подтвердила я.

— А он не послушал.

— Не-а.

— Вот и убедился на собственном опыте!

— И почему я такая неуклюжая? — не слушая последние слова старушки, уныло пробормотала я, обращаясь в никуда.

— Потому что летаешь в облаках, — раздался голос бабушки, доносившийся из ниоткуда.

— Вероятно, — согласилась я обречено и принялась смотреть новости

В одиночку Алекс с готовкой справился минут за сорок, после чего он пригласил нас к столу. Когда я входила на кухню, мужчина предусмотрительно посторонился, давая мне путь. Наверное, он опасался, что в моем близком присутствии кроется угроза получить еще чем-нибудь по ноге. Еда, как обычно, была очень вкусной. Даже бабушка не удержалась от комплимента. Потом мы разошлись по своим углам, намериваясь каждый заняться каким-то делом. Ирина Степановна собралась немного почитать, Северин заперся в кабинете, чтобы поработать, а я уселась перед зеркалом, снимая излишки макияжа со своего уставшего лица.

Размазав кремом косметику, я не без улыбки заметила, что выгляжу, как чучело. Оставшись наедине сама с собой, я восстановила в памяти события сегодняшнего дня. Перед глазами всплыли лица охранников, веселая улыбка Лёхи, его шутки и рассказы, какой все-таки замечательный парень! И зачем он работает у Славы? Непристойное предложение Ларина, клеймом засевшее в мозгу, тоже возникло в голове, отчего на душе стало муторно. Как он на меня смотрел?! Как на лакомый кусок праздничного торта, который надо съесть, облизав крем. Такой человек способен проглотить меня, даже не подавившись. Стало противно. В очередной раз я убеждалась, какой глупой, слепой дурочкой была недавно, веря, что Ларин — это рыцарь на белом коне. На самом-то деле, меня угораздило выйти замуж за лживую крысу.

"Интересно, какое у него было лицо, когда авантюра с бабушкиной квартирой провалилась? — коварно усмехаясь, думала я. — Наверное, это оказалось для него настоящим ударом. Правда, сейчас его физиономия выглядит вполне довольной, но, узнав за последние дни характер своего супруга получше, я с уверенностью могу заключить, что провал с недвижимостью, а также потеря тридцати тысяч баксов, отданных за наше убийство, наверняка повергли несчастного в стрессовое состояние. Ну, а нынче он воспрял духом, почувствовав запах наживы, когда Алекс предложил ему совместный бизнес. Так что теперь у Ларина есть все шансы загреметь в ловушку, благодаря своей собственной жадности".

Суббота была скучной и однообразной. Я весь день слонялась по квартире, не зная, чем себя занять. В конце концов, бабушка уговорила меня последовать ее примеру, и вручила мне толстую книгу, пообещав, что в ней собраны самые интересные детективы, которые ей только доводилось читать. Последующий вечер и большую часть воскресенья я убеждалась в правильности этих слов, будучи не в силах оторваться от захватывающих историй знаменитых писателей.

Северин все выходные работал, изредка выходя из кабинета, где находился почти постоянно. Лишь иногда я слышала его шаги, доносящиеся из коридора. Мы почти не общались, разве что за столом, когда он приглашал нас с бабулей поесть.

Наступил вечер. Я с сожалением отложила книжку, дочитав ее последнюю страницу, и вздохнула. Пора ложиться спать, а делать это совершенно не хочется.

По дверному косяку осторожно постучали. Вслед за стуком в комнату вошел хозяин квартиры с банкой пива в руке. Как я успела заметить, в его холодильнике был постоянно пополняемый запас этого напитка.

— Хочешь? — протянув банку, спросил он, остановившись посреди зала и рассеяно глядя на меня.

— Нет, спасибо.

— Хороший вкус... — Алекс продолжал рекламировать пиво.

— После того, как ты последний раз предложил мне выпить, я оказалась лежащей без движения на смертном одре, — иронично парировала я, едва сдерживая улыбку.

— Она еще не открыта, — посмотрев на банку, ответил мужчина. — Выпей, не бойся.

— Предложи лучше бабушке, она любитель, а я нет, — этот совет прозвучал вполне серьезно, так как старушка, действительно, обожала подобного рода напитки, что меня всегда крайне удивляло.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами собеседник, собираясь уйти. — Пойду к Ирине Степановне.

Он был одет в свободную светло-голубую рубашку с короткими рукавами, поверх серых легких брюк. Верхние пуговицы оказались расстегнутыми, обнажив гладкую рельефную грудь. Мне было жутко любопытно узнать, какова его фигура без одежды. Для своего возраста Северин выглядел очень даже неплохо — энергичный, подтянутый, с прямой, как струна, спиной и широко расправленными плечами.

— Алекс, — позвала я его, когда рука мужчины уже легла на дверную ручку. — А сколько тебе лет?

Он обернулся, задумчиво посмотрев на меня. Я сидела, подперев ладонью щеку, и молча ожидала ответа.

— Сорок, по паспорту, — наконец, проговорил он.

— А не по паспорту? — осведомилось мое неожиданно проснувшееся любопытство.

— Тридцать восемь... будет.

— Когда?

— Одиннадцатого августа.

— Это же совсем скоро! — я почему-то обрадовалась, соскочив со стула. — У тебя день рожденья через неделю!

— Вообще-то, через три месяца, — мягко улыбнулся он, — по документам.

— Не важно, — деловым тоном заявила я. — Будем считать, что у тебя два дня рождения. И первое уже совсем рядом. Если я доживу в твоём доме до заветного дня, не забудь сказать, что ты хочешь получить в подарок.

— Как это понимать? — брови собеседника взлетели вверх, а в глазах появился сердитый блеск, которому я очень удивилась.

— Обыкновенно, у тебя есть какие-нибудь пожелания? Или ты предпочитаешь сюрпризы?

— Лара, — он подошел ко мне вплотную, глядя сверху вниз прищуренными глазами, в глубине его черных зрачков горело не сулящее ничего хорошего пламя. — Что значат слова "если я доживу в твоём доме..."? Ты куда-то собралась?

— Вообще-то, нет, но не вечно же мне жить здесь? — во мне начинало закипать раздражение. В конце концов, я свободная женщина, где хочу, там и нахожусь. И он мне не указ!

— Отсюда ты съедешь, разве что в Штаты по вызову из моей фирмы, — голосом, не терпящим возражений, объявил Александр.

Его взор был надменным, руки сложены на груди, а вся поза говорила о непоколебимости принятого им решения.

"Вот нахал!" — я была шокирована самоуверенностью собеседника.

— С какой это стати?! — я завелась, готовая к словесной схватке. — Ты что мне, отец родной?

— Во всяком случае, я тебе в отцы гожусь, — хмурясь, процедил он.

— Если только зачал меня в тринадцать лет! Не рановато ли?

На крики из соседней комнаты прибежала испуганная бабушка. Ее миниатюрная фигурка застыла в дверях, а глаза с изумлением уставились на нас, но ни я, ни Северин не обратили на ее появление никакого внимания, поглощенные процессом созерцания друг друга. Мы опять ссорились, а ведь беседа так хорошо начиналась: пиво, дни рождения...

— Давай отвлечемся от обсуждения моего первого сексуального опыта и поговорим о более насущных вещах, — язвительный тон мужчины заставил меня покраснеть от досады. — Ты останешься жить в этом доме до тех пор, пока я не решу, что отпускать тебя на вольные хлеба, безопасно.

— Чудесно, — прошипела я тихо. — А если у меня возникнут непредвиденные обстоятельства?

— Тогда тебе придется поговорить об этом со мной! — его слова звучали так уверенно, что мне ничего не оставалось, кроме как согласиться, хотя мое упрямство требовало немедленного "реванша".

Я отошла от Алекса и села в кресло с видом глубоко обиженного человека, звездный час которого пока еще не настал. Ирина Степановна так и не вошла в комнату. Убедившись, что кризис миновал, она осуждающе покачала головой, окинув нас укоризненным взглядом, и, ничего не сказав, исчезла за дверью, вероятно, вернувшись к прерванному чтению. Собеседник по-прежнему стоял посреди зала, его задумчивый взгляд блуждал по окружающей мебели. Наконец, он вспомнил, что держит в руках банку пива, и открыл ее. Раздался негромкий щелчок, а потом легкое шипение.

— Хочешь? — совсем мирным голосом спросил Алекс, опускаясь передо мной на корточки, и ставя банку на мое колено, прямо в центр нарисованной черно-коричневой

розы.

— Спасибо, — по-прежнему, дуясь, пробубнила я, отпив глоток. — Очень освежает.

— Пей все, — благодушно предложил он, поднимаясь. — Если захочешь помыться, полотенце в ванной, но учти, что я буду принимать душ ближайшие минут двадцать, — бросил он, уходя.

Я грустно вздохнула, проводив его спину взглядом, потом поднесла к губам банку с пивом, и опустошила ее одним залпом до дна. Проглотив остатки пенистой жидкости, я поморщилась, посмотрев на этикетку.

— И кто выпускает такую гадость? Как только бабушка может его любить?

Не совсем понимая, зачем напилась, я вытянула босые ноги и приняла расслабленную позу. Голова от алкоголя немного кружилась, а по телу мягкой волной растеклась слабость. Меня клонило в сон, и в какие-то считанные минуты, я, позабыв обо всем на свете, отправилась в омут головокружительных сновидений.

Я видела себя в детстве. Мы с родителями были на даче. Светило яркое июньское солнце, озорные лучи которого ласково припекали мое тонкое загорелое тельце в открытом красном сарафане с большим желтым грибом на животе. Мне было всего шесть лет. Пока мама готовила обед, я вместе с нашим псом кувыркалась в траве, стараясь поймать яркую бабочку, крылья которой казались мне сказочно прекрасным цветком. Я подкралась к полевой красавице и попыталась схватить ее рукой, но вместо того, чтобы получить бабочку, получила горсть влажной зеленой травы. Оставив глупую затею, я завалилась на землю, глядя снизу вверх на солнце. С листочков растущих вокруг травинок на мой курносый нос упала мокрая капля росы. Потом вторая, третья... Я недовольно поморщилась, подняв вверх руку, чтобы отодвинуть влажные стебли. Они оказались на удивление мягкими, как волосы. Волосы?!

С трудом подняв сонные веки, я уставилась на взъерошенную шевелюру держащего меня на руках мужчины. Его седеющие пряди были растрепанные и мокрые, так как он только что вышел из ванной, о чем свидетельствовало покрывающее плечи полотенце. Сильные руки Алекса осторожно обнимали меня, держа на уровне грудной клетки. Взгляд был направлен на диван, к которому он меня нес, поэтому о том, что я очнулась, Северин пока не знал. Быстро оценив ситуацию, я вновь прикрыла глаза, решив прикинуться спящей. Он осторожно положил мое расслабленное тело на разобранную постель, откинув край одеяла.

"Мне постелили кровать, — сделала я мысленный вывод. — Очень мило с его стороны. И то, что он меня укладывает, как ребенка, тоже приятно".

Однако дальнейшие действия мужчины заставили мой пробудившийся рассудок обнаружить себя. Алекс, постояв надо мной в нерешительности, принялся расстегивать молнию сбоку юбки, чем очень меня возмутил.

— Это уже лишнее, — открыв глаза, проговорила я тихо, но сердито.

— И давно ты проснулась? — недоверчиво поинтересовался собеседник, прищурившись.

— Нет, — честно призналась я. — Спасибо за заботу, но разденусь я сама.

— Рад это слышать. И постарайся больше не засыпать в кресле.

— А ты не пои меня пивом, от которого так быстро размаривает, — окончательно избавившись от остатков сонливости, заявила я.

Он засмеялся, причем так заразительно, что мои губы непроизвольно растянулись в ответной улыбке. Обстановка разрядилась, а мы оба получили хороший заряд веселья.

— Ладно, отдыхай, — мягко проговорил его тихий голос, а в глазах запрыгали веселые огоньки. — С тобой нужно поскорее заканчивать беседу, пока она имеет мирный характер. Спокойной ночи, Элис!

— Ты идешь спать? — приподнявшись на локтях, любопытствовала я.

— Нет, надо поработать еще.

— В кабинете?

— Да.

— А в чем заключается твоя работа? — мне хотелось узнать о нем как можно больше, поэтому, заметив, что собеседник расположен к ответам, я изо всех сил пыталась задать ему кучу вопросов.

— В делах моей фирмы. Я связываюсь с отцом, получаю от него подробные отчеты и отдаю распоряжения.

— А! — понимающе покачала головой я, хоть на самом деле ничего не смыслила в подобного рода вещах. — Ясно.

— Спи, Лара, а то тебя утром не добудиться будет, — он усмехнулся.

— А какие у нас на завтра планы?

— У нас?! — его брови удивленно взлетели. — У меня встреча с частным детективом в семь утра, а что у тебя, я, увы, не знаю.

— Значит, к Ларину мы не пойдём? — с явной досадой в голосе произнесла я.

— Нет, — его тон стал менее дружелюбным. — Ты расстроена?

Опять начинается! Лучше уж, действительно, завалиться спать, нежели снова разругаться. Всё! Я буду молчать!

— Спокойной ночи, Алекс, и еще раз спасибо за заботу, — оставив без внимания его вопрос, сказала я громко, отворачиваясь при этом к стенке. Он выключил свет и вышел.

Глава 9

Утро началось для меня в двенадцать, когда бабушка, терпение которой лопнуло, затормозила мое несчастное плечо, пытаясь оторвать его от подушки. Я недовольно что-то промямлила и повернулась на другой бок, чтобы досмотреть интересный сон.

— Подъем!!! — не хуже армейского старшины завопила старушка возле самого моего уха.

Ошалело вылупив на нее перепуганные глаза, я, как ошпаренная, подпрыгнула на кровати, не понимая, что случилось и где пожар. В конце концов, мое окончательно сфокусировавшееся зрение выхватило из окружающего интерьера знакомые очертания довольного лица Ирины Степановны. Приведя в порядок собственные мысли, я укоризненно спросила:

— Это ты орешь, как резаная?

— Нет, дорогая, — усмехнулась собеседница, довольная результатами своего труда. — Пришлось вызвать целый хор петухов, чтобы они известили тебя о начале нового дня.

Я вздохнула, признавая поражение. Сон исчез, будто его никогда и не было. В памяти не осталось ни кусочка, только ощущение, что снилась какая-то очень приятная история.

— Алекс уже уехал? — одеваясь, поинтересовалась я.

— Конечно, три часа назад. Он сказал, чтобы я тебя не будила, так как ты, якобы, в курсе, — вытирая после душа голову, объявила она.

— Да, верно, — застегивая молнию все той же мини юбки, отозвалась я небрежно.

— И как сие понимать? — лукавые серо-зеленые глаза пристально впились в меня, ожидая ответа.

— Мы вчера ночью разговаривали, — с невинным видом ответила я, слегка улыбаясь.

Нескрываемое любопытство старушки меня забавляло. Не все ей интриги создавать.

— Ночью — это во сколько?

— Бог его знает, — честно призналась я. — После того, как он вышел из ванной.

— А ты знаешь, что он мылся?

— Бабушка! — я исподлобья смотрела на нее с таким видом, будто меня только что обвинили в непристойности. — На нем был халат и полотенце, а с волос капала вода. Откуда, по-твоему, еще можно выйти в подобном виде? А на счет времени... наверное, наступила полночь, точно не скажу, так как до этого я спала.

— Саша тебя разбудил? — ее брови поползли вверх.

— Нет, я сама очнулась. Да, какая, собственно, разница? Мы перекинулись парой фраз, едва не разругались, а потом он ушел работать. Вот и вся история, ничего супер выдающегося, как видишь, в ней нет.

Собеседница окинула меня недоверчивым взглядом и скептически проговорила:

— Ну, я много чего вижу, — она тряхнула своими влажными волосами так энергично, что ворох брызг полетел мне в лицо, обдав его холодом.

— Например? — вытираясь от импровизированного дождя, осведомилась я.

— Вы мирно с ним прожить можете не больше часа, и то если не находитесь все это время рядом.

— Алекс самоуверенный тип, естественно, меня это бесит, — парировали мои уста, а глаза застыли в ожидании продолжения.

— А еще я заметила, что он тебе нравится, — хитро улыбаясь, заявила Ирина Степановна.

— Конечно, ведь мы обязаны ему жизнью, — мой холодный ответ не испортил ее хорошего настроения, однако продолжать тему она не стала.

— Ладно, пойдем, я накормлю тебя завтраком и напою чаем, хотя сейчас уже время обеда.

Она легко выплыла из зала и направилась на кухню, поманив меня за собой. Не имея желания возражать, я отправилась следом.

За столом мы сидели со скучающими лицами, время от времени перекидываясь ничего не выражающими фразами, смысл которых касался, в основном, погоды. В конечном итоге, бабушке надоел этот безликий, затянувшийся процесс чаепития, и она громко заявила:

— Меня уже достали магазины, книги, телевизор, надоело пребывать в бездействии. Единственное развлечение — это наблюдать ваши с Сашей стычки.

Я поморщилась:

— Бабуля, ты говоришь об этом, как о петушиных боях.

— Если честно, — усмехнулась собеседница, — так оно и выглядит.

— Ну спасибо! — я слегка оторопела, с упреком глядя на неё.

— Пожалуйста, — спокойно ответила старушка, отодвигая от себя чашку и складывая на столе локти.

На ней был надет легкий серый халат с чёрными пуговицами, выстроившимися в одну линию, что придавало одежде особую элегантность, а фигуре — стройность.

— И чем ты хочешь заняться? — полюбопытствовала я, меняя тему разговора.

— Чем-нибудь полезным. В противном случае моя деятельная натура окончательно свихнется, сидя в этих чистеньких, светлых стенах, как в склепе.

— Почему у меня такое странное чувство, что ты уже все решила? — с недоверием глядя на самого близкого мне человека, тихо проговорила я.

— Потому что так оно и есть, — Ирина Степановна опустила глаза, глубоко вздохнув.

Я молчала, ощущая холодок, который тонкой струей пробежал по моей выпрямившейся спине. Впереди ожидало что-то не очень приятное, чтобы понять это, достаточно было взглянуть на осунувшееся лицо с грустными глазами, виновато смотревшими из-под больших очков.

— Ты хочешь уехать? — нарушив повисшую тишину, спросила я, едва не перейдя на шепот.

На сердце стало очень одиноко. Несмотря на то, что собеседница сидела напротив, я поняла, что ее уже не отговорить. И наша с ней разлука — это только дело времени.

— Да.

— В Новгород? — мои слова прозвучали печально, хоть я и пыталась предать голосу беззаботный тон.

— Нет, — она помолчала. — В Нью-Йорк.

— Я его убью! — эта фраза слетела с губ быстрее, чем я успела подумать о её смысле.

— Саша здесь не при чем. Просто, занимаясь режиссурой и гримом в его студии, я смогу приносить пользу людям, как делала это в Питере. А тут от меня нет никакого толка.

— А я? — мои губы обиженно надулись. — Ты меня бросаешь, да?

— Почему? — Ирина Степановна оживилась. — Мы уедем вместе, оставив Ларина на попечение Северина. Это наш звездный шанс, Ларочка. Зачем тратить время на глупую

месть, если можно сделать много хороших, нужных вещей. Саша уже подготовил вызов из Америки для рабочей визы тебе и мне, — в глазах старушки появился азартный блеск. — Ну как?

Я грустно усмехнулась:

— Ты, действительно, хочешь ехать?

— Конечно! Я всю жизнь мечтала снимать ролики или видео клипы. Это же безумно интересно! — она вся засветилась, предвкушая новую работу.

— Понятно, — обречено заключила я. — Наверное, ты права, тебе, и правда, стоит воспользоваться предложением Алекса и поехать.

— Что значит "тебе"? — выражение лица бабушки стало недоумевающим.

— Я останусь здесь, пока Слава не сядет в тюрьму, — спокойно ответила я ей. — Это мое предназначение.

— Лариса, не глупи. В жизни будут еще хорошие люди, я уверена, что среди них ты встретишь свою настоящую любовь. Зачем зацекливаться на кретине, готовом убить тебя ради каких-то лишних квадратных метров?

— Я, вовсе, не цыклюсь, — уверенность от принятого решения принесла облегчение, я даже улыбнулась, почувствовав, как печаль отступает. — Просто мне надо увидеть, как Славочка получит по заслугам, а затем я начну новую жизнь, устроившись на работу в институт или музей. Еще пока не решила.

— Я без тебя никуда не поеду! — твердо заявила старушка, хмуря свои седые брови.

Мне пришло в голову, что если так пойдет и дальше, я собственноручно похороню ее заветную мечту.

— Бабушка, — доверительно произнесли мои губы, а глаза весело сверкнули. — Если ты будешь работать за границей, у меня появится возможность приехать к тебе в гости, как только я устану от здешней жизни.

Она задумалась на несколько минут, потом проговорила менее уверенным тоном:

— Но ведь я волнуюсь за тебя, Лара...

— Ты же не одну меня оставляешь, а с твоим любимым Сашей, — успокоила я её, положив свои ладони на руки собеседницы. — Со мной все будет в порядке, обещаю.

Зазвонил телефон. От его продолжительной трели старушка вздрогнула. Она быстро поднялась из-за стола и вышла в коридор. До меня донеслись ее короткие слова, произнесенные в трубку:

— Да, это я... Хорошо...нет...жду!

— Кто это был? — меня распирало любопытство.

— Северин.

— И что сказал?

— Спросил, собираешься ты со мной, или нет.

— Ты сказала "нет"?

Она покачала головой, задумчиво глядя на меня.

— Правильно, я остаюсь с ним. А если он этого не желает, то поеду в снятую нами квартиру, все равно она в нашем распоряжении ближайшие три месяца, деньги ведь заплачены, — вслух рассуждала я, искоса поглядывая на Ирину Степановну, с растерянным видом стоявшую в дверях кухни.

— Он сейчас приедет за мной, — тихо проговорила она. — Может, все же передумаешь?

— Мне уже двадцать пять лет. Я взрослая. Позволь же моей сформировавшейся личности самостоятельно устроить свое будущее. И, поверь, мы скоро увидимся. Я же не могу жить долго в разлуке с тобой, сама знаешь. Так что забудь о своем беспокойстве и делай все, что нужно, — веселая интонация моего голоса приободрила собеседницу, она даже улыбнулась.

— Пойду переоденусь, все-таки не куда-нибудь еду, а в посольство Соединенных Штатов! Правда, не в первый раз.

— То есть?

— Мне уже сделали визу, Ларочка, несколько дней назад.

Оставшись одна, я налила себе еще чая, и с кислой улыбкой подумала: "Трудно мне придется без любимой бабушки под боком, но и в Нью-Йорк я не полечу, как бы Алекс того не желал. Если моя дорогая бабуля хочет, пусть едет, я буду очень рада от мысли, что она счастлива. А от меня Северину не отвязаться, пусть даже не мечтает. Конечно, перспектива остаться с ним наедине в этой квартире не из приятных, но, судя по проведенному вместе времени, можно сделать один утешительный вывод — этот человек не собирается причинять мне зло, напротив, он даже проявляет заботу, опекая меня, как отец или брат. Так что с его стороны нет никакой опасности. Ну, а Слава меня совершенно не узнает... Стоп! Я должна освоить процесс перевоплощения в экстремальную девочку без помощи моего собравшегося за рубеж визажиста".

С этими мыслями я решила самостоятельно загримироваться и надеть парик, пока Ирина Степановна занимается получением рабочей визы. Алекс заскочил буквально на пять минут, он даже не стал слушать мои доводы на счет несогласия уезжать из страны, лишь махнул рукой на все это и, забрав с собой старушку, скрылся за дверью, громко щелкнув замком.

Оставшись в доме за хозяйку, я послонялась в нерешительности по квартире, потом, вооружившись бабушкиными примерными принадлежностями, расческой и сеточкой для волос, уселась к зеркалу, чтобы попробовать свои художественные способности. Прошло около двух часов, прежде чем на моей скептически настроенной физиономии появилось что-то похожее на творение рук Ирины Степановны. С париком я провозилась еще минут тридцать. Потом, наконец, вздохнула, собрав косметику в кучу и унеся ее в комнату.

Кажется, мне удалось достичь нужного результата. Конечно, тренировка не помешает, но для дебюта в творческой области неплохо.

Закончив приборку рабочего места, я принялась вертеться перед зеркалом, осматривая себя со всех сторон. Вид был такой же, как вчера, только не хватало туфлей на этих сумасшедших каблуках. Хотя без них я чувствовала себя гораздо устойчивей. Татуировки немного стерлись, но все еще были видны.

— Стоит обновить, — сказала я сама себе и невольно поежилась, вспоминая косметический салон.

Идти туда одной мне совершенно не хотелось, а ведь бабушка скоро уедет. Я вздохнула, почувствовав, как сжимается сердце от предстоящей потери. Но даже разлука с единственным родным человеком не могла вынудить меня оставить Ларина в покое. Он так сильно отравил мою душу, что лекарство я видела лишь в свершении правосудия. Иначе мне до конца жизни будут сниться кошмары.

Короткий звонок в дверь вывел меня из задумчивости. Я с удивлением уставилась на замок, размышляя, стоит ли его открывать. Через пару секунд звонок повторился, но уже гораздо более настойчиво. Тот, кто пожаловал в гости, явно не собирался уходить просто так.

— Откроете вы, наконец, или нет?! — раздался громкий женский голос, в котором слышалось нетерпение.

Словно получив команду к действию, я отворила перед гостьей обе входные двери одну за другой. На пороге стояла высокая голубоглазая блондинка в роскошном ярко синем

костюме. Она смерила меня пристальным взглядом и презрительно усмехнулась, входя в квартиру с видом хозяйки.

— Ты что, из службы малолетних проституток? — тон ее громкого голоса мне не понравился, не говоря уже о смысле слов.

— Я не совсем Вас поняла, — стараясь быть вежливой, проговорила я негромко.

— Кто ты такая? — расхаживая по квартире не сняв в прихожей обувь и заглядывая в комнаты, осведомилась собеседница. — И где Алекс?

— Ах, вот оно что, — протянула я, саркастически усмехаясь. — Вы его, значит, разыскиваете.

Мне была неприятна эта наглая особа, которая легко кидалась оскорблениями направо и налево. Она ни во что меня не ставила, всем своим видом выказывая презрение. Интересно, какие дела связывали Северина с ней?

Женщина остановилась посреди отданного в мое распоряжение зала. Она быстро осмотрелась, потом бесцеремонно уселась в кресло и, закинув ногу на ногу, сказала:

— Так кто же ты такая? — глаза небесно голубого цвета в оправе темно коричневых густых ресниц изучающе смотрели на меня.

— Я его девушка, — решив, что дама может быть шпионкой Славы, сообщила я спокойно.

— Вот как?! — в черных зрачках собеседницы сверкнула молния, а губы скривились в фальшивом подобии улыбки. — А я — его любовница!

Эти слова прозвучали как гром с ясного неба. Повергнутая в смятение, я с трудом пыталась вернуть себе самообладание. В голове всплыли слова Ларина о какой-то блондинке, которую он видел с Алексом пару недель назад. По всей вероятности, передо мной сейчас царственно восседала именно она.

На вид женщине было лет тридцать. Красивая, статная, со стройными длинными ногами, завершением которых служили узкие носы чёрных лакированных туфель на высоченной шпильке. Ее роскошные, белые как сахар волосы мягкими волнами спадали на плечи, обрамляя овальное лицо с тонкими изящными чертами. Вот только голос, как, впрочем, и тон, выпадали из этой идеальной картинки, выдавая недостаток образования или скверный характер незнакомки.

— Меня зовут Марина, — надменно проговорила незваная гостья, закуривая длинную сигарету, которую достала из сумочки.

Она с не меньшим вниманием изучала мою внешность, стряхивая пепел на палас, как будто находилась не в квартире, а на улице. Да уж, уважением к чужой собственности дамочка вряд ли может похвастаться. Похоже, она считает себя "пупом земли", никак не меньше. И я, как это ни грустно признавать, очередное мелкое препятствие на ее увенчанном лаврами пути. Нужно быть осторожней, а то недолго оказаться раздавленной тонким каблуком ее изящных туфель.

— Очень приятно, — с лицом, на котором читались совсем иные эмоции, процедила я.

— Скажи мне, маленькая шлюшка, зачем ты намалевалась, как клоун, ведь для подобного имиджа ты уже давно состарилась, — язвительно улыбаясь, сказала собеседница.

Укол пришелся как раз в самую точку, угодив в мое самолюбие, как мяч в корзину. "Один — ноль в вашу пользу", — мысленно открыла счет я, а вслух произнесла:

— Зато для вашего макияжа я еще слишком молода.

Заметив, как потемнело ее красивое лицо, я довольно заключила: "один — один."

Ничья!"

— Послушай ты, швабра разукрашенная, Алекс мой, и меня не волнует, чем ты его заманиваешь. Лучше не стой на дороге, иначе будет хуже, — Марина принялась откровенно угрожать, зло сверкая глазами и энергично жестикулируя рукой, в которой была зажата сигарета.

Выслушав всю ту грязь, которая густым потоком текла из ее изящно обведенного косметическим карандашом рта, я спокойно объявила, сложив на груди руки:

— Будьте так любезны, покиньте этот дом. А все свои разногласия решайте лично с господином Севериным, не впутывая меня в свои дрызги.

Женщина залилась нервным хохотом, изображая веселье, но злость, которую она под ним пыталась скрыть, сквозила отовсюду. Собеседница меня откровенно ненавидела, причем с первой минуты встречи. И у нее на то были причины. Марина сгорала от ревности, стараясь уязвить меня как можно больней.

— Это ты отсюда отвалишь, шлюха, — проговорила она, уничтожающе глядя в мои глаза. — А не я.

Черт! Нарывающаяся на скандал блондинка начинала серьезно мне действовать на нервы. Я с трудом сдерживала желание встать с дивана и врезать ей по холеной физиономии, чтобы перестала говорить гадости.

— Это все, что вы можете сказать? — натянув на лицо вежливую улыбку, осведомилась я.

— Удивительно, что Алекс пустил в свою кровать такую низкорослую, толстозадую уродину, как ты! — она, по всей видимости, поставила перед собой задачу сложить на меня как можно больше обидных слов.

— Замечательно, что Вы оценили мою фигуру! — радостно заявила я, окинув довольным взором собственное тело. — Действительно, неплохие габариты.

Лицо Марины вытянулось от подобного рода реакции на ее реплику. Сигарета застыла в руке возле приоткрытого от недоумения рта. Я же продолжала невинно хлопать ресницами, спокойно глядя на нее.

— Ты что, полная дура? — она, наконец, снова обрела дар речи, хотя лучше бы он к ней не возвращался. — И как тебе удалось забраться в постель к моему мужчине?

"По веревочной лестнице", — слова вовремя застряли на языке, не успев слететь.

Сарказм мог испортить выбранную мной тактику боя. И зачем я только открыла ей дверь? Поскорей бы приехал Северин с бабушкой. В конце концов, она его любовница, значит, ему с ней и разбираться. Я-то за что страдаю?

— Кстати, о мужчине, — улыбаясь как можно приветливей, отозвалась я. — Саша очень хороший и умный человек, не находите? Он такой добрый, нежный, заботливый...

— Я сама знаю, — пробурчала женщина, бросив на меня хмурый взгляд. То ли она решила, что горлом меня не прошибешь, то ли ее гнев сменился апатией, но, в любом случае, голос собеседницы стал гораздо тише.

— Вы все еще не надумали зайти в другой раз? — спросила я как бы невзначай.

— Я буду сидеть здесь, пока не появится Алекс! — твердо заявила собеседница, поудобней устраиваясь в кресле.

— Тогда давайте посмотрим телевизор, так как он вполне может задержаться.

Целых три часа я изображала повышенное внимание к программе телепередач, в то время как Марина, переставшая на меня наезжать, курила одну за другой свои тонкие

дамские сигареты. Пытка закончилась со звуком поворачивающегося в двери ключа. Женщина вскочила и, сломя голову, бросилась в коридор, где уже стояли приехавшие из посольства бабушка и Алекс.

— Марина?! — увидев блондинку, воскликнул мужчина, вытаращив на нее глаза, которые едва не вылезли из орбит. — Как ты сюда попала?

— Мне открыла твоя шлюха, — процедила блондинка, подходя к своему любовнику и нежно глядя на него.

— И кого это Вы, милочка, назвали шлюхой? — выражение старушкиного лица стало воинственным, голос угрожающим.

— А это что за экземпляр? — спросила гостя у Северина, проигнорировав вопрос Ирины Степановны.

— Марина, это мама моей невесты, — серьезно проговорил Александр, подарив мне недовольный взгляд, вероятно, за то, что я впустила в дом его ненормальную знакомую.

И все же... а с какой, собственно, радости, он заговорил про невесту? Или мои шансы в разыгрываемом спектакле растут с каждым днем? Если так пойдет и дальше, то скоро Алекс станет представлять меня людям в качестве супруги.

— Как это? Ты не можешь жениться на ком-то ином, кроме меня! — уперев руки в бедра, завизжала женщина, намериваясь закатить громкую сцену.

— Разве? — левая бровь Алекса недоверчиво поднялась, губы сжались. — По-моему, мы обсуждали вопрос о недолговечности наших отношений в самом начале знакомства.

— Это было давно! С тех пор все изменилось. Неужели твоя малолетняя проститутка лучше меня?!

Уши бабушки этого не выдержали, она быстро разулась и ушла прочь от места разборок, оставив нас втроем. Я тоже хотела удалиться, меня уже достали оскорбления в свой адрес. Но как только мои ноги двинулись по направлению комнаты, я была быстро перехвачена сильной рукой мужчины и прижата к нему.

— Куда же ты, Лисёнок? Марина уже уходит, — голосом, не терпящим возражений, объявил он свой приговор.

— Ах ты, маленькая стерва-а-а!!! — истерично завопила блондинка, и я даже испугалась, что она на меня набросится.

Но эта мысль не успела придти ей в голову, так как неизвестно откуда вынырнувшая бабушка опрокинула ведро воды на ее идеально уложенную прическу. Вероятно, уход Ирины Степановны был непосредственно связан с подготовкой жидкого орудия для борьбы с оскорбительницей внучки. Съезжившись, как мокрая кошка, Марина выскочила в предусмотрительно открытую Алексом дверь и, бормоча под нос угрозы, бросилась вниз. Она, не смотря на всю свою агрессию, потерпела поражение и была вынуждена отступить. Вот только надолго ли?..

— Ну и вкус у тебя, — холодно процедила я, вырываясь из рук своего новоявленного жениха, которые по-прежнему обнимали меня за плечи сзади.

— Зачем ты ей открыла? — хмурясь, поинтересовался Северин, отпуская меня.

— Потому что она требовала. Но не стоит перекладывать вину с больной головы на здоровую. Я за свою оплошность поплатилась двумя часами общения с этой женщиной, во время которых мне пришлось выслушать массу оскорблений. Хотя я, в отличие от тебя, их совсем не заслужила.

— Мы разорвали отношения с Мариной три недели назад, — спокойно пояснил

собеседник, на что я только усмехнулась.

— Удивляюсь, как тебя вообще угораздило с ней их завязать. Куда смотрели твои глаза? Хотя, наверное, во время встреч с этой миловидной красоткой (пока она, конечно, не откроет рот) ты думал другим местом... — в моем голосе звучала нескрываемая ирония.

— А это, ангел мой, — сладко произнес Алекс, — тебя не касается.

Я пожалала плечами, дескать, мол, как будет угодно. Решив не нарываться на ссору, нервы мои и так были на пределе из-за неожиданного визита, я обратилась к молча стоящей с пустым ведром в руках Ирине Степановне:

— Как твои дела, бабушка? Что с визой? Ты летишь в Америку или нет?

— Увы, да, — трагично произнесла старушка. — Но меня очень огорчает мысль, что тебя некому будет здесь защитить.

— Я сама о себе позабочусь, — улыбаясь, заверила я.

— И я о ней позабочусь. Обещаю, больше моя бывшая любовница не произнесет безнаказанно ни одного оскорбления в адрес Элис, — торжественно заверил Северин, с теплом и участием глядя на мою щупленькую бабулю.

— Надеюсь, — та усмехнулась, отгаивая.

— Самолет завтра, так что сегодня ваш последний перед разлукой день, — сообщил мне собеседник, оставляя нас одних. — Я пойду на кухню. Вам, наверное, хочется побыть вдвоем.

Он понимающе улыбнулся, обходя нас и удаляясь. Значит, завтра я останусь совсем одна!..

Мы всю ночь просидели с бабушкой в моей комнате, болтая о разных пустяках, но и серьезном тоже. Она то весело хохотала, то пускала скупую слезу, обнимая меня и уговаривая последовать за ней как можно скорее. Я кивала в ответ, прекрасно понимая, что это невозможно. Так пробежали часы, которые мы совсем не заметили, поглощенные друг другом, словно встретились после долгой разлуки. Но настоящее расставание маячило впереди, с каждой минутой оно приближалось.

— Я перевела на твой счет часть суммы от проданной квартиры, — протягивая мне необходимые документы вместе с банковской карточкой, сказала Ирина Степановна перед самым отъездом. — Это чтобы ты побыстрее ко мне приехала, — заглушая возражения с моей стороны, оправдалась она. — А если тебе будет плохо, ты только сообщи, и я прилечу, разорвав контракт, к тебе на помощь. Знай, Ларочка, что я очень сильно тебя люблю.

— Я тоже, — моя улыбка больше напоминала гримасу готового разрыдаться ребёнка.

А потом она улетела, настоятельно попросив Алекса следить за мной и охранять. Мне же было заявлено, во-первых, чтобы я поменьше с ним ругалась, так как за дни знакомства Северин стал нам ближе любого родственника, а, следовательно, к его мнению надо прислушиваться. И, во-вторых, что есть еще одна очень веская причина, побудившая бабушку уехать, оставив меня одну в Москве, но расскажет о ней она мне только при следующей встрече. Ну вот! Как всегда. Даже напоследок придумала, как меня заинтриговать. Что за человек, а?! Алекс поцеловал старушку в лоб, крепко обняв, будто она была не моя, а его бабушка. После чего я получила возможность чмокнуть на прощание ее в щечку. Когда она прошла пункт регистрации, смешавшись с другими пассажирами, я не выдержала и разрыдалась, позволив чувствам одержать верх над сдержанностью. Мой спутник прижал меня к своей груди, позволяя "выплакаться в жилетку". И хотя на Александре был надет серый пиджак, я все равно, воспользовавшись его добродушием, уткнулась носом в плечо

спутника и принялась тихо всхлипывать. Он не мешал, давая мне возможность успокоиться самой.

Теперь я осталась одна. Совсем одна в чужом городе, под чужим именем, с чужой внешностью... и с чужим мужчиной в его не менее чужой квартире. А впереди ожидала смертельная схватка с человеком, способным на все, включая убийство. И хотя быть заново похороненной мне вовсе не хотелось, я решительно приготовилась к битве, вздернув подбородок и гордо тряхнув головой, отчего косички весело зазвенели, огласив тем самым конец печали и начало активных военных действий относительно моего бывшего мужа и его преступных делишек. Отныне у меня была новая жизнь и новое лицо, так как выходить на улицу без грима и парика Алекс мне запретил строго-настрого, как, впрочем, и без его разрешения. Одним словом, он снова готовил благодатную почву для наших внутренних баталий. Интересно, когда же ему все это надоест? Судя по невозмутимому виду везущего меня из аэропорта домой мужчины, я сделала неутешительный вывод — НИКОГДА!

Как странно... Когда бабушка жила в соседней комнате, я видела ее не часто, но присутствие ощущала всегда. Не важно, читала она книжку, или ставила на кухне чай, или попросту смотрела телевизор... Она всегда была рядом со мной. Даже если Ирина Степановна уходила в магазин, я чувствовала ее заботу и близость. А теперь... вокруг меня пустота.

Стало грустно и одиноко. Побродив по комнатам, не считая двух крайних, где располагались спальня Алекса и кабинет, я рассеяно уставилась на собственный диван, не зная, лечь с горя спать или предпринять что-нибудь еще? Проблему решил Северин, войдя в зал степенной походкой и опустившись в кресло напротив, он сказал:

— Я понимаю, тебе грустно. Но ты молодец, что не стала отговаривать бабушку от поездки. Она ведь очень хотела работать, и теперь у нее будет много интересных занятий, — он помолчал, ожидая какого-либо ответа с моей стороны, но я не проронила ни слова. — С Ириной Степановной все будет в порядке, поверь мне. Ее встретит в аэропорту мой лучший друг, потом она познакомится с отцом, который и займется ее устройством в доме и на работе.

— Мне не хватает бабушки, — глядя в пол, пробормотала я тихо и жалобно.

— Мне тоже, — ответил он, положив руку на мое плечо. Чтобы сделать это, мужчине пришлось сильно податься вперед, отчего кресло недовольно крикнуло. — Я очень привязался к этой удивительной старушке за время нашего знакомства. Она стала мне родным человеком...

Собеседник задумчиво улыбался, вспоминая ту, о которой так тепло говорил. Мне даже стало обидно. Ведь она все-таки моя бабушка, а не его.

— И давно ты подкинул ей идею об отъезде? — перестав тосковать, я нашла виноватого в своих страданиях и двинулась в наступление. — Вы ведь уже бывали в посольстве с ней, когда оформляли визу, не так ли?

— Да. Я довольно быстро получил факс из Нью-Йорка с рабочим вызовом для вас обеих, после чего она поехала к консулу. Это произошло на следующий день после переезда ко мне. Я уговорил ее не ставить тебя пока в известность, чтобы зря не нервировать. Идея отправить вас в Америку, на мой взгляд, была великолепной. Так что, подготовив нужные документы, я убедил Ирину Степановну получить визу, на всякий случай. Она, в отличие от тебя, человек разумный, поэтому согласилась быстро. Мы хотели, чтобы ты тоже поехала с ней, но разговаривать на данную тему сразу не стали. Ну, а потом ты отказалась...

— Ты говоришь это так, будто был уверен в моем отказе, — с удивлением произнесла я.

— Был, — честно признался он, принимая более расслабленную позу и складывая руки на груди. — Я даже тратить свое время и деньги на подготовку необходимых документов для тебя не стал. Все равно впустую...

— Ах, вот как? — его слова меня обидели.

— Ты хотела поехать?

— Нет!

— Тогда чего надулась? — полюбопытствовал мужчина, лукаво глядя на меня.

Его забавляло мое состояние, это было очевидно. О причинах, побудивших меня обидеться, я не знала и сама. Просто испортилось настроение, вот и все, к тому же и до

этого момента оно не отличалось особой веселостью.

— Я просто расстроена, — придав голосу как можно больше трагичности, ответила я.

— Не надо, — он снова начал меня утешать. — Все будет хорошо. Я не дам тебя в обиду. Честно. Ты для меня теперь все равно, что младшая сестренка. Так что можешь быть уверена, я сделаю все возможное для твоего счастья.

"Если, конечно, это не будет расходиться с твоими планами, — мысленно съязвила я, исподлобья глядя на собеседника. — Так, значит, я твоя сестренка, да?" — эта его фраза меня окончательно разозлила. Меняя тему разговора, я хмуро спросила, вскинув голову, на которой пока еще был надет парик:

— Скажи мне, Алекс, а где ты подцепил свою психованную Марину?

Он оторопел. Потом криво улыбнулся и спокойно ответил:

— В стоматологической клинике.

Я обалдела, все-таки, что ни говори, а зубной кабинет не самое приятное место для завязывания романтических отношений.

— И кто она?

— Врач.

Мои глаза расширились от ужаса и жалости ко всем ее несчастным пациентам.

— Неужели ты позволил такой... э-э-э, — я запнулась, подбирая подходящее слово, — истеричной женщине лечить тебе зубы?

Он рассмеялся, откинувшись назад и прикрыв глаза.

— Нет, — когда приступ веселья прошел, сообщил мужчина. — Я просто ждал в коридоре Василия Дмитриевича, которому ставили протез в соседнем кабинете. У Марины окончилась смена, и она вышла покурить. Так мы с ней и познакомились. Потом выпили вина в соседнем баре, поболтали о жизни... и оказались, в конечном счете, в постели. Мне понравилась и она, и ее взгляды на отношения между мужчиной и женщиной.

— Каковы же эти взгляды? — без особого энтузиазма спросила я.

Мне не очень-то нравилась блондинка, еще меньше нравилась ее с Севериным связь.

— Марина считает, что самые приятные и запоминающиеся любовные приключения бывают не частыми и быстро заканчиваются. Так что ее вполне устраивали редкие встречи на моей территории, а также понимание того, что они скоро закончатся.

Теперь пришла моя очередь рассмеяться. Я даже прослезилась от нахлынувшей волны хохота, которую не могла сдержать.

— Заметно, как она это понимает! — наконец, выговорила я. — Кроме того, что ты обязан принадлежать ей, она ничего не понимает.

— Меня это тоже удивляет, — спокойно сказал Алекс, задумчиво посмотрев в мою сторону. — Сначала она вела себя совсем иначе. Была милой, обходительной, страстной...

— Ну, хватит! — я вскочила, почувствовав, что краснею. — Мне не интересны ваши близкие контакты и их описание. Избавь меня, пожалуйста, от встреч со своей невоспитанной любовницей в будущем.

— Хорошо, — его глаза потемнели, а в самой их глубине появился загадочный блеск. — Только не открывай больше двери посторонним.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. На душе было мерзко, в комнате бабушки — пусто, а на город постепенно опускался вечер. Лишенная возможности общаться с кем бы то ни было, кроме Северина и себя любимой, я готова была взвиться на луну. Так тяжело стало на сердце от ситуации, в которой я оказалась. Так хотелось кому-нибудь выговориться. Однако

благодарных слушателей поблизости не было, а с Алексом заводить откровенный разговор не возникало никакого желания.

— Знаешь, — я принялась демонстративно стелить постель. — Мне надо вздремнуть после стресса, связанного с пережитым расставанием. Так что, будь добр, оставь меня одну.

Он нехотя поднялся и направился к двери, а я крикнула ему вдогонку:

— И не вздумай уйти завтра без меня!

— Это еще почему? — резко повернувшись, поинтересовался собеседник, повысив голос и устремив в мою сторону надменный взгляд.

— Потому что я останусь жить здесь только если ты меня будешь брать с собой, в противном случае, мне придется отправиться в Жулебино, где я стану действовать по собственному усмотрению. Ну, так как?

— Вариант номер "раз" меня вполне устраивает.

Я лишь пожалала плечами, дескать, мол, договорились, и вновь вернулась к своему прежнему занятию, усердно заправляя край простыни между диваном и стенкой. Дверь закрылась, издав негромкий звук. Я осталась в комнате одна. Северин же направился в свой кабинет, где последние дни торчал, практически, безвылазно, вероятно, работы в собственной фирме было невпроворот. Хотя какая, собственно, разница? Мне до него нет никакого дела. Единственная цель, связывающая нас — это расплата Славина за его преступления. Я, как жертва, мечтала о правосудии, он — тоже. Правда, причину такого упорства Александра в вопросе постепенного и окончательного разорения моего бывшего мужа, я, увы, не знала, а он не собирался мне об этом говорить.

С этими мыслями я улеглась на диван и до самого подбородка накрылась одеялом. Голова болела, вероятно, из-за переменчивой погоды, а, может быть, от обилия косметики на лице.

— О, черт! Я же забыла умыться, — это открытие пришло так стремительно, что я невольно вздрогнула, поражаясь, как до сих пор не заметила, что, по-прежнему, нахожусь в гриме. Наверное, уже привыкла быть экстремальной девочкой до такой степени, что стала забывать о своей собственной внешности.

Пришлось отменить ранний сон и приступить к процедуре очередного перевоплощения. Очистив кремом лицо, я подумала, что было бы не плохо теперь его умыть. Расчесав свои длинные русые волосы, я накинула на плечи оставленный бабушкой серый халат и быстрым шагом направилась в ванну.

Дверь, которую я не закрыла на защелку, распахнулась так быстро, что моя застывшая в воздухе рука не успела повернуть кран, чтобы включить воду. Алекс с удивлением уставился на меня, будто видел впервые.

— Разве ты не спишь? — наконец, проговорил он, переступив порог и оказавшись на черном, покрытом блестящей плиткой полу.

— А что, мне теперь не только выходить без камуфляжа запрещается, но и не ложиться спать тоже? — ответ прозвучал язвительно, хотя нарываться на ссору я не хотела. А, может, и хотела, ведь если собеседник от меня быстро устанет, то я получу возможность съехать с его жилплощади восвояси.

— И правда! — радостно воскликнул он, изучая мое лицо. — Ты ведь забыла умыться.

— О господи, — протянула я иронично. — Надо же, Америку открыл...

Его взгляд стал критическим, когда в поле зрения попала звездочка над губой.

— Сними-ка халат, — попросил он спокойным, будничным тоном, как будто предлагал

мне не раздеться, а выключить телевизор.

— Что? — я округлила от удивления глаза.

— Я хочу посмотреть на твои татуировки или как они там называются.

— А больше ты ничего не хочешь? — с явным вызовом в голосе осведомилась я, забыв о кране, который намеривалась открыть.

Я приняла воинственную позу, но мужчина смотрел на меня непонимающе, вероятно, такого рода просьба казалась ему абсолютно нормальной, а моя реакция — нет. Пришлось подробно объяснять бедняге его ошибку.

— Я не в стриптиз — баре работаю, дорогой "братик", — в мозгу почему-то всплыло то, как он окрестил меня давеча "сестрой", и я не преминула вставить в собственную речь язвительный оборот на эту тему. — Поэтому раздеваться при тебе у меня нет никакого желания. А если интересуешься моими нательными рисунками, получишь возможность ознакомиться с ними завтра, когда я буду одета подобающим образом.

Внимательно выслушав этот монолог, Алекс усмехнулся и принял не менее воинственную позу, только руки его вместо бедер, скрестились на груди, а голова слегка откинулась назад.

— Знаешь, дорогая... "сестричка", — он сделал акцент на последнем слове, приняв выбранный мною тон беседы. — Если ты хочешь таскаться со мной по городу, в том числе и в контору твоего "прелестного супруга", то будь любезна выглядеть так, как я тебя ему представил. Если завтра нам придется встретиться с Лариным, а на твоём плече, лице, животе и ноге будет едва заметное подобие татуировок, Слава может что-то заподозрить.

— Бред! Люди делают био-тату, чем же я хуже остальных?

— Тем, что твой образ диктует правила. Решила стать экстремальной девочкой, будь добра, соответствуй.

— Я не решала, это была бабушкина идея, — надув губы, пояснила я.

— Ирина Степановна уже далеко, так что нечего ее впутывать. Ты должна завтра же обновить свои нательные художества. Понятно? — он выжидающе уставился на меня.

— Я туда одна не пойду, — пробубнили мои надутые губы, а глаза хмуро уставились в пол. — Мне там не нравится.

Он вздохнул, опускаясь на корточки, и снизу посмотрел на меня, ловя взгляд обиженных зеленых глаз.

— Ты хочешь, чтобы я отвел тебя за ручку? — иронично спросили его улыбающиеся уста. — Хорошо. Завтрашний день начнем с посещения салона.

— Перестань издеваться! — более миролюбиво ответила я. — Там, действительно, жутко. И, вообще, этот ужасный прикид не соответствует моей сущности, я очень консервативная женщина. Была раньше...

Алекс засмеялся. Его смех звучал легко и по-доброму, он не таил в себе ни язвительности, ни злости. Синие глаза весело искрились, брови слегка подрагивали.

— Нет, Лисёнок, по-моему, твоя феноменальная бабушка подметила самую суть твоего невообразимого характера. Так что сказочки про консерватизм рассказывай кому-нибудь другому. Ты самая что ни на есть экстремальная как внешне, так и по характеру.

— Вот спасибо! — я возмутилась. — Может, для пушного соответствия подстричь волосы и сделать миллион косичек? А татуировки заказать настоящие, которые не выводятся?

— Не надо, — собеседник передернул плечами, вероятно представив картину осуществления моей угрозы. — А волосы, вообще, не вздумай стричь.

Я обомлела от такого заявления. Он еще будет мне указывать?! Совсем обнаглел.

— Захочу, и подстригу! — гордо вздернув подбородок, проговорила я.

Мысль о том, что я пришла сюда умыться, даже и не думала посещать мою забитую другими вещами голову. Ванная комната превратилась в поле словесной битвы между мной и хозяином дома. Мы выжидающе смотрели друг на друга, готовые в любой момент скрестить шпаги колких реплик, нанеся противнику болезненный укол.

— Не смей! — он явно вознамерился отстаивать нынешнюю длину моих русых прядей.

— Я же не лезу к тебе с подобными требованиями. Это моя жизнь и мои волосы, а ты лучше подобные приказы отдавай своей мымре, там у тебя прав гораздо больше.

— Какой мымре? — Алекс не понял, это отразилось на его вытянувшемся лице.

— Марине, какой же еще?! — сердито прошипела я.

Его смех меня бесил, а нынешний приступ веселья — особенно. И чего комичного было в моих словах? На мой взгляд, ничего, но он хохотал, едва не сгибаясь пополам. Мне захотелось прикрыть уши, чтобы не слышать этих громких раскатов, заполнявших помещение. Ожидать, когда Алекс прекратит ржать, как лошадь, было тяжело, поэтому я, не сводя с него сердитого взгляда, осторожно повернула кран и, подставив под струю раскрытую ладонь, направила разлетевшийся каскад брызг на обидчика. Мужчина за какие-то секунды стал мокрым практически до нитки, лишь кое-где на одежде светлыми пятнами красовались сухие места. Он медленно выпрямился, также медленно подошел ко мне вплотную и замер в раздумье. Судя по синим, потемневшим глазам, загадочный блеск которых не внушал мне особого доверия, ничего хорошего меня не ожидало.

Дальнейшие события развивались с завидной скоростью. Я резко рванулась, намериваясь выскочить из ванной комнаты, но была крепко схвачена его сильными руками. Придерживая меня одной ладонью, он включил душ другой и положил его в ванную. Потом поднял меня на руки и, несмотря на отчаянное сопротивление, усадил туда же. Вскоре я сидела как мокрый котенок, поливаемая струей прохладной воды.

— Спасибо, — осмотрев прилипшую к телу одежду, а также потемневшие от воды пряди длинных распущенных волос, процедила я, сидя на коленях и обречено вздыхая, глядя на лужу, в которой оказалась. — Теперь придется мыться, и тогда татуировкам точно придет конец.

Я даже не злилась, ведь сама же первая начала пользоваться водяным оружием, а долг, как известно, платежом красен. За такую наглость меня могли наказать куда более скверным способом, хотя купание в одежде — тоже не очень-то приятное занятие.

— Я же сказал, что мы с утра поедem в салон "тату", — оперев руки об края большой квадратной ванны и, наклонившись ко мне, сказал Алекс, улыбаясь. Он был явно доволен выходкой и теперь с интересом рассматривал результат своих трудов, то есть мою мокрую фигуру с поджатыми коленями и слипшейся шевелюрой.

На ресницах скопились капельки, которые, падая, скатывались на кончик носа, где и замирали на какое-то время. От этого было щекотно, и я принялась тереть свой мокрый нос ладонью. По сравнению со мной, Алекс выглядел практически сухим.

— Может, примем совместную ванну? — продолжая насмехаться, спросил мужчина, сверля меня глазами, вокруг которых весело играла стайка лучистых морщинок, меняющих положение от любого движения мышц на лице.

Я хотела возмутиться, но, уловив иронию в его словах, саркастически заметила:

— Для брато-сестринских отношений это не самое подходящее занятие.

— Как раз, наоборот... для брато-сестринских отношений, — весело парировал он, продолжая нависать надо мной.

Я вздохнула, признавая поражение. Мне даже стало смешно от нелепости сложившейся ситуации.

— Ладно, — проговорили мои едва сдерживающие улыбку губы. — Один ноль в твою пользу. Но учти, что мое уязвленное самолюбие непременно возьмет реванш.

— Не сомневаюсь, — Алекс присел на край ванной, явно не собираясь уходить. — Только запомни, пожалуйста, чем заканчиваются твои "реванши", Элис.

— Не беспокойся. Такое, — я приподняла кончики волос, с которых капала вода, — не забывается.

Он сдержанно улыбнулся и встал, затем взял в руки полотенце, которое осторожно положил на стиральную машину, и сказал при этом:

— Этим ты будешь вытираться, когда помоешься.

— А одевать мне тоже это? — невинным тоном осведомилась я, рассматривая свой мокрый халат.

Он задумался. Потом вышел, а через некоторое время вернулся со своей рубашкой в руках.

— Она будет тебе по колено, — сообщил собеседник серьезно. — Когда закончишь, скажи. Я хочу принять душ.

Теперь он ушел насовсем. Мою голову занимала только одна мысль, как бы добраться до ручки и закрыть дверь на защелку, не намочив при этом пол. Обдумав несколько вариантов, я поняла их несостоятельность и вылезла из ванной. С меня текла вода, как из крана, оставляя на сверкающем полу не менее блестящие лужи. Если они не высохнут сами, придется вытирать их тряпкой. Я осмотрелась на предмет последней, но в идеальной обстановке ванной комнаты ничего похожего на швабру с половой тряпкой не наблюдалось. Значит, капут бабушкиному халату. Иной ткани под рукой у меня не было, а использовать в подобных целях рубашку Северина я не осмелилась, к тому же надо было надеть что-то на себя после душа.

Как я и предполагала, татуировки практически смылись после того, как обильная порция душистой пены обрушилась на их шаткую поверхность. Когда я закончила процесс мытья головы и ополоснулась, на нем не было и намека на какие-либо рисунки. Вытираясь, я тяжело вздохнула, осознавая, что завтра меня ждет очередной поход в салон. Просто так Алекс не отстанет, значит, придется подчиниться.

Его рубашка была на удивление мягкой, наверное, домашняя. От нее приятно пахло, а сама ткань ласково терлась при движении о чистую кожу. По длине, она, действительно, доставала мне до колен, а вот рукава висели, оставив кисти далеко внутри. Пришлось завернуть манжеты вверх. Выжатым халатом я протерла остаток луж на полу и, открыв защелку, вышла из ванной. В коридоре никого не было. Поэтому мне пришлось разыскивать Северина по его комнатам, чтобы сообщить о том, что он может смело идти в душ, так как я уже закончила мыться. Ближайшей оказалась дверь кабинета. Я постучала, но ответа не последовало. Значит, Алекс в спальне. Стукнув костяшками пальцев по косяку, я вошла в незакрытую дверь, и оказалась в светлом помещении, где на огромной кровати дремал хозяин.

"Чудесно! Он спит. И что мне теперь делать?" — я растерянно смотрела на его неподвижную фигуру, на спокойное бледное лицо, размышляя, стоит ли будить мужчину,

или лучше обратиться побыстрее, чтобы не нарушать его сон.

Не знаю как, но он почувствовал мое присутствие. Возможно, Алекс не спал, а просто лежал в расслабленной позе. Ну да это не важно.

— Проходи, не стесняйся, — сказали его губы, в то время как глаза оставались закрытыми.

— Можешь отправляться в ванну, — сообщила я, переминаясь с ноги на ногу у порога, и не решаясь последовать его совету.

— Спасибо, — он поднялся, садясь на кровать. — А почему ты не высушила волосы?

"Очень мудрый вопрос, — подумала я, растерянно глядя на собеседника. — Мне-то откуда знать, почему? Просто забыла, вот и все".

Сообразив, что ждать от меня ответа бессмысленно, он снова заговорил:

— Тебе идёт моя рубашка, Элис. — я посмотрела на то, во что была одета, а Алекс продолжал с легкой иронией в голосе. — У тебя глаза, как у русалки и волосы под стать: прямые длинные и... сосульками.

"Если я немедленно не испарюсь, он примется кататься по моей внешности на танке", — судя по лукавому блеску в его прищуренных глазах, это было именно так.

— Ладно, мне пора, — заторопилась я, отступая к двери. — Заранее — "спокойной ночи!"

С этими словами я выскочила в коридор и стремительно направилась в свою комнату.

— А ужин? — крикнул он вслед.

— Спасибо, не хочу, — захлопнув двери зала, бросила я громко, и пулей ринулась на диван. Теперь можно было поспать. Правда, сначала пришлось надеть чистое нижнее белье, а уже потом я смогла с превеликим удовольствием обнять мягкую белую подушку.

Сон пришел быстро, открыв передо мной фантастический мир нереальных ярких картинок, которыми кишели многочисленные сновидения.

Все началось как в сказке. Я видела себя в свадебном платье с фатой, прикрепленной к роскошной прическе. Рядом стояла счастливая бабушка с букетом свежих алых роз, который был едва ли не с нее размером. Мы находились в церкви. Потом туда пришел Слава в сопровождении своей красавицы — сестры. Нас венчал высокий седой поп с наклеенной бородой и в темных очках, скрывавших синие-пресиние лукавые глаза.

Потом этот самый странный поп с лицом Александра предложил мне глоток вина. Отпив, я оказалась лежащей в неизвестно откуда появившемся черном гробу. Надо мной склонялись разные лица, первым подошел Ларин, он поцеловал меня в лоб и тихо проговорил, кладя на грудь двадцать пять тысяч баксов:

— Это тебе на всякий случай, вдруг на том свете дорогой проезд в метро.

Я непонимающе смотрела на его довольное лицо, которое обрамляли светлые пряди, свисавшие на лоб, когда Слава наклонялся ко мне.

Следом за якобы скорбящим мужем подошла его загадочная сестра. Она молча посмотрела на меня, потом быстро взяла половину положенных братом в гроб денег и отошла в сторону, негромко сказав:

— И двенадцати вполне хватит на транспорт. А, вообще, нужно привыкать ходить пешком.

Мне хотелось кричать, но язык не повиновался, объявив вместе с телом бойкот рассудку.

— Такая молодая, — грустно произнесла бабушка, раскладывая по гробу розы. — А я то думала, что мы вместе поедем в Нью-Йорк... Жаль, придется лететь одной, — она вздохнула, уступая место каким-то неизвестным людям, пришедшим проводить меня в последний путь.

И каждый, кто приближался к гробу, забирал по одной зеленой бумажке, оставленной Славиком. Так, в конечном итоге, скорбящие незнакомцы растащили все деньги, а последний — толсторожий мужик из поезда умудрился даже розочки с платья срезать, пробормотав что-то о подарке для своей пухленькой жenuшки.

Я лежала в полном смятении со скрещенными на груди руками, в которые была вставлена горящая свечка. Воск медленно стекал по ее поверхности, обжигая мои пальцы. Северин в одежде священника отпевал рабу божью Ларису в унисон церковному хору. Он важно расхаживал по залитому солнцем храму, держа в руке украшенный золотом крест. Я смотрела на него, с ужасом понимая, что крест на моих глазах превращается в душ, струя которого направлена прямо мне в лицо. Стенки гроба расширились, и я очутилась в квадратной ванне, все с той же свечой в руках. Алекс поливал меня водой, а его веселые глаза хитро шурились. Я была все в том же несчастном свадебном платье, длинные юбки которого облепили ноги, мешая двинуться. Я подняла на мужчину укоризненный взгляд и обомлела.

Передо мной стояло нечто, обладавшее физиономией Северина и фигурой неизвестно кого. Ноги этого неизвестного оканчивались вместо ступней копытами, длинный хвост со стрельчатым окончанием размеренно постукивал по кафельному сверкающему полу, на лбу

его красовались маленькие аккуратные рога.

— Может, примем совместную ванну? — предложило чудовище, облизнувшись тонким раздваивающимся языком.

Мне хотелось закричать, но тело по прежнему не слушалось, поэтому, кроме как испуганно таращиться на необычного со всех точек зрения собеседника, мне, увы, ничего не оставалось. Чёрт по имени Алекс, гарцевал по плиточному полу, отстукивая чечетку своими копытами. Потом ему это занятие надоело, и он с разбегу прыгнул ко мне, подняв столб сверкающих брызг.

— Мне понравился пожар на кухне, — сообщил нечистый, сев по-турецки у меня в ногах. — Пламя было слабенькое, конечно, но для начала не плохо.

Решив, что без собеседницы ему скучно, он коснулся моих губ своим длинным хвостом, и я обрела дар речи. Первое, что произнес мой рот — это громкий вопль ужаса, разлетевшийся по всему дому.

— Зачем же так кричать? — скептически заметил черт и очаровательно улыбнулся своей кривой, но вполне миролюбивой улыбочкой. — Я же не кусаюсь. Ты ведь теперь мне все равно, что младшая сестра.

От подобного заявления стало совсем худо, тело все еще отказывалось функционировать. Было ощущение, что оно чем-то опутано. Я опустила взгляд и сделала вывод — вязкой водой, в которой мы с чертом находились. Вода была красной, как кровь и такой же густой.

— Ты в порядке? — весело гримасничая, поинтересовался посланец ада, помахивая перед моим носом хвостом. — Ты в порядке, Элис? — эти слова он произнес более встревоженным голосом. — Да проснись же, наконец!!!

Я открыла глаза, соображая, куда девалась ванна, и где рога, украшавшие только что лоб склонившегося ко мне мужчины.

— Я тебя не боюсь, чёрт проклятый, — тихо, но решительно произнесли мои онемевшие от недавнего крика губы. — Убирайся в ад!

— Вот спасибо! — Алекс усмехнулся, садясь на край дивана. — Я ее спасать прибежал, а она меня в преисподнюю отправляет.

До моего сознания, наконец, дошло, что весь этот кошмар, который я только что пережила, был всего лишь сном. Увидев Северина, я продолжала воспринимать его, как персонаж, нарисованный моим воображением. И этот персонаж, увы, не был ангельских кровей.

— Извини, — я попыталась шевельнуться, но одеяло, в котором запуталось мое тело, мешало сделать какое-либо движение. В конце концов, я все-таки справилась с ним, и, освободившись, села на постели, придерживая край пододеяльника на уровне груди. — Мне снился кошмар.

— Судя по твоему оглушительному воплю, да, — Алекс смеялся, глядя на мой растерянный вид. — Может, расскажешь?

— Тебе этого лучше не знать, — трагично покачав головой, ответила я серьезно. — У тебя в этом ужасе была вполне определенная роль.

— Я заинтригован. Поясни, пожалуйста, поподробней, — он осторожно убрал с моего лба подсохшие спутанные пряди. — Ну же, говори.

— Ты был... чёртом, — еле слышно пролепетала я.

— С рогами? — иронично осведомился собеседник.

— Да.

— И с хвостом?

— Угу. С большим хвостом, на конце которого располагалась острая стрела. А еще, — я заметно оживилась, вспоминая сон и понимая, что это всего лишь плод моего воображения, — у тебя был раздвоенный язык.

Мужчина на мгновение задумался, потом медленно облизал свои идеальные губы, проговорив:

— Как видишь, это только твой ночной кошмар. Можешь потрогать мой лоб на предмет обнаружения там рогов, — предложил он, невозмутимо глядя на меня.

— А наличие хвоста ты мне тоже предложишь проверить? — я засмеялась, окончательно избавившись от страха, пережитого недавно.

— Давай обойдемся копытами, — улыбаясь, сказал Александр, посмотрев на свои ноги. — Которых, кстати, нет.

Перестав смеяться, я не громко произнесла:

— Спасибо, что разбудил. Иначе от таких приятных снов можно и разрыв сердца схлопотать.

— Ты так кричала! — он округлил глаза, изображая фальшивый шок от услышанного вопля. — Я думал, что тебя, по меньшей мере, похищают грабители, а оказалось, что дело всего лишь в нагряншем в гости чёрте, у которого ко всему прочему моя внешность. Ну, разве же мы можем тебя обидеть, Лисёнок? Ты же наша младшая сестренка, — его голос звучал нежно и заботливо, а я не на шутку перепугалась, вжавшись в подушку до самого упора, пока не почувствовала спиной подлокотник дивана.

— Он именно так и сказал... — шепотом пролепетали дрогнувшие уста.

Заметив неожиданную перемену в моем настроении, Алекс нахмурился. Его ладонь легла на мой лоб, вероятно, с целью проверки температуры, которой у меня, естественно, не было.

— Лариса, я не чёрт, я обычный человек во плоти. Поэтому перестань, пожалуйста, трястись, — он говорил серьезно и, вполне, убедительно. — Тебе просто приснился кошмар. Теперь он кончился, и ты можешь снова лечь спать. Тем более, завтра придется рано вставать, чтобы подготовиться к поездке в косметический салон.

Это напоминание быстро вернуло меня к реальности. Делать татуировки наяву я не хотела примерно также сильно, как общаться с нечистым во сне. Кислая мина, занявшая место испуганного выражения на моем лице, успокоила собеседника, так как он громко объявил, вставая:

— Ну, вот и хорошо. Тебе уже заметно лучше, поэтому я пойду. А ты постарайся заснуть, сейчас нет еще и трех часов. На улице темно и куча звезд. Можешь полюбоваться, если хочешь. Это успокаивает.

Он стоял возле дивана, одетый в длинные шелковые пижамные штаны. Обнаженная грудь четко просматривалась в серебристом свете заглядывающей в открытое окно луны. У Алекса было красивое тело. Нет, оно не напоминало торс культуриста, скорее наоборот, рельеф мышц казался едва уловимым, он проступал при каждом движении, но не бросался в глаза, когда поза мужчины оставалась в покое. Широкие плечи переходили в длинные жилистые руки, крупные от природы. Передо мной стоял высокий сильный человек с гордой осанкой и бледным спокойным лицом. Я, не отрывая от него взгляда, кивнула в ответ. Он повернулся и зашагал к двери. На широкой мужской спине белыми полосами пролегли два

длинных косых шрама, которые ярко вспыхнули, попав в поток лунного света.

— Алекс! — я подалась вперед, едва не выпустив из рук одеяло. — Что это?!

Он обернулся, растерянно озираясь по сторонам.

— Что именно?

— Шрамы. Откуда они у тебя? — пояснила я, продолжив вопрос.

Собеседник подарил мне укоризненный взгляд, дескать, мол, нашла из-за чего вскрикивать.

— Это давняя история, Лара. Расскажу как-нибудь в другой раз.

И он ушел, оставив меня, как всегда, ни с чем. Я умирала от любопытства, пытаюсь придумать, что послужило причиной ужасных меток на его спине. Какой теперь был сон?! Мое несчастное воображение отчаянно пыталось нарисовать картину, послужившую рождением шрамов, но все его попытки терпели крах с точки зрения непоколебимой логики. Размышляя в таком духе, я просидела до утра. Поэтому будить меня Северину не пришлось. Когда в его комнате зазвонил будильник, я уже была на кухне в парике и с покрашенным лицом.

Увидев меня, Алекс очень удивился. Он прекрасно знал, как трудно я встаю по утрам, а тут, на тебе, сижу за столом, да еще и во всей экипировке.

— Как тебе удалось проснуться? — изумленно произнес мужчина, открывая дверь в ванную, куда он шел, чтобы умыться после сна. И еще, наверное, побриться, так как на лице его уже появилась вполне заметная щетина.

— А я не ложилась, — отхлебнув глоток чая, который я благополучно вскипятила, ответили мои покрашенные яркой помадой губы.

— Почему? — он явно не понимал моего поведения.

— Потому что ты меня бросил, оставив на съедение любопытству, — хмуро пробормотала я и ринулась в атаку. — Говори, Алекс, откуда у тебя шрамы? Лучше, скажи...

— А то, что? — он усмехнулся, играя моим безумным желанием выяснить правду.

— А то спалю твой дом в очередной раз, зажигая газ, когда все мои мысли будут заняты решением этой загадки, — совершенно серьезно пообещала я.

— Хорошо, — он изобразил на лице наигранный ужас. — Выйду из ванной и расскажу. Но только, если ты нальешь мне чаю.

Чаю?! Господи! Да я готова была налить ему чего угодно, лишь бы узнать тайну, мучившую меня весь остаток ночи. Поставив большой бокал на стол, напротив себя, я уселась на прежнее место, с нетерпением ожидая прихода Северина.

— Меня рубанули топором по спине семнадцать лет назад, Лара, — пояснил собеседник, усаживаясь на табуретку.

— Как? Кто? Зачем? И что стало с тобой после? — засыпав его вопросами, я замерла, надеясь услышать ответ хоть на один из них.

Он грустно усмехнулся, а в глазах появилось что-то смешанное между болью и печалью. Лицо стало замкнутым, а взгляд пустым, смотрящим мимо меня, вероятно, туда, где случились вспоминаемые им события.

— Алекс, — осторожно позвала я, когда тишина, повисшая в кухне, стала просто невыносимой. — Вернись, пожалуйста, ко мне и скажи хоть что-нибудь.

Он очнулся от раздумий, часто заморгав своими длинными ресницами.

— Что? — произнесли его губы, а брови чуть-чуть поднялись, сложившись домиком.

— Расскажи мне об этом, — попросила я шепотом. — Ведь я рассказала тебе свой сон.

Мужчина мягко улыбнулся.

— Зачем тебе знать такие мерзкие вещи, Элис? Этот кошмар случился не во сне, а в жизни. Я не хочу забивать твою юную головку рассказами о людской подлости.

"Прекрасно! Он опять уходит от ответа, ища всевозможные оправдания", — с досадой подумала я, а в слух сказала, чеканя каждое слово:

— Моя юная, как ты выразился головка, вынуждена была увидеть и услышать, как собственный муж платит за мою смерть. Это, по-твоему, не мерзость?

— Ларин подлец, — Алекс помрачнел. — Он был подлецом семнадцать лет назад, он им и остался по сей день.

Я потеряла дар речи, мои глаза округлились от испытанного шока, руки, державшие кружку, едва не выронили ее, потому что пальцы пробила нервная дрожь. Губы онемели, не в силах произнести ни слова, а по накрашенному яркой косметикой лицу разлилась мертвенная бледность. Способность говорить вернулась ко мне лишь через несколько минут.

— Хочешь сказать, что шрамы — это дело рук Славы? — выдавила я из себя и замолчала, пристально глядя на собеседника.

— Да, — он сидел, подперев рукой подбородок, и внимательно смотрел в мои полные боли глаза. — Тебе стало от этого легче, Лисёнок?

Я молчала, не зная, что ответить. Мне, действительно, было легче, ведь тайна открыта, и я теперь знаю не только, откуда шрамы, но и почему Северин имеет зуб на Славика. Но, с другой стороны, заявление про топор и эти ужасные белые полосы на его спине... Мне было жутко. За кого же я некоторое время назад вышла замуж? За сатану в человеческом обличье?

— Как это произошло? — спросила я медленно.

Собеседник покачал головой, серьезно глядя на меня.

— Не хочу портить утро подобными воспоминаниями. Тебе достаточно знать и то, что я уже сказал. А сейчас нам пора отправляться делать на твоём теле новые рисунки, вдруг Ларин захочет нас видеть в ближайшее время?

Словно услышав его слова, зазвонил телефон. Алекс быстро поднялся и ушел в комнату, где оставил свой мобильник. Через пару минут он вернулся ко мне, держа в руке трубку. На его губах играла странная улыбка, глаза были решительны и веселы одновременно.

— Нас пригласили сегодня в бар, — проговорил он спокойно. — Поэтому стоит поторопиться с татуировками.

— Кто пригласил? — я не понимала, о чём он говорит и почему улыбается?

— Твой дражайший супруг, — съязвил мужчина, прожигая меня взглядом. — Не понимаю, как ты могла за него выйти?

— Так же, как ты умудрился связаться со своей Мариной, — хмуро парировала я. — Только в отличие от тебя, я к Ларину в постель не прыгала при первой же встрече.

— Вот как? — собеседник усмехнулся, выражение его лица стало злым. — А при какой же по счету встрече, ты там оказалась?

Я опешила. О чем он толкует? Неужели ему до сих пор не понятно, что между мной и Славой ничего не было. И почему он злиться? Его так задела моя фраза, относительно Марины, или он с трудом переносит мой со Славой брак? Ломать голову по этому поводу можно было бы долго, но стоящий напротив человек с гневным взглядом горящих синим пламенем глаз ждал ответа.

— При той, которой, к счастью, не случилось, — я гордо вздернула подбородок, говоря это.

— То есть? — он недоверчиво смотрел в мои упрямые черные зрачки, в самом центре которых плясал строптивый огонек.

— Я не спала с ним, если ты это хочешь знать, — слова слетели с губ, как песня. Мне было очень, очень приятно их произносить. И еще приятней было видеть, как расслабились мышцы лица Александра. Вместе с напряжением исчезла и его злость.

— Но ведь вы были женаты? — пробормотал он неуверенно.

— Несколько часов, во время которых мой, как ты говоришь "дражайший" супруг летел в самолете к своей милой сестричке. Скажу честно, сейчас Слава проявляет ко мне гораздо больше интереса, чем когда я была его невестой.

Это Северину не понравилось. Он снова нахмурился, колко осмотрев мой наряд.

— Конечно, ты как будто для него так вырядилась. И юбку упорно снимать не хочешь, — он говорил обвинительным тоном, изучая одну за другой детали моей одежды. — А топ больше напоминает верхнюю часть от купального костюма. Тебе, наверное, нравится демонстрировать Ларину свое тело.

Я обречено вздохнула, окончательно убедившись, что любое упоминание о внимании ко мне со стороны бывшего мужа, приводит Алекса в бешенство. Хотелось бы узнать причину такого рода поведения. Вероятнее всего, дело в Славе, вернее, в них обоих, и в их личных счетах, о которых Ларин даже не догадывается, так как совершенно не узнает в деловом партнере своего старого знакомого, пострадавшего от его руки.

— Может, мне нравится демонстрировать его тебе, "братик", — съязвила я, поднимаясь из-за стола. — И вообще, перестань рычать на меня за то, что Слава решил, будто я женщина, на которую можно положить глаз. Ты сам меня тащишь делать татуировки, чтобы поддержать этот образ, так что нечего валить с больной головы на здоровую.

Высказавшись, я гордо прошла мимо молча стоящего мужчины, и отправилась в комнату за своим рюкзаком, заменявшим мне дамскую сумочку.

— Идем мы, или как? — крикнула я из прихожей, когда обула туфли и была полностью готова к поездке.

— Идем, — совершенно спокойным тоном, будто и не было натянутой беседы между нами, произнес Алекс, появляясь на горизонте и размеренной походкой двигаясь ко мне. — Только скажи, куда ехать.

Мне не нравилось подвергать части своего тела чьим-то художествам. Мне также не нравились настоятельные рекомендации Северина относительно того, что я должна сделать точно такие же био-татуировки, как были раньше. Поэтому, через несколько часов я появилась возле машины, где сидел размороженный жарой мужчина, разрисованная совсем по-другому. Теперь над коленкой у меня длинной лозой, уходящей вверх по ноге под самую юбку, цвел дикий виноград. Костер, который раньше горел на животе, вспыхнул ярким темно-коричневым заревом на верхней части правой груди, предплечье украшал по-прежнему дракон, но на этот раз у него появились большие перепончатые крылья, а пасть, в отличие от предшественника, была закрыта. С лицом дела обстояли куда интересней. Я попросила мастера сделать мне на правой щеке изображение крошечной готовящейся к прыжку кобры. На мой взгляд, это выглядело символично.

Увидев такое многообразие новых картинок, Северин изменился в лице. Я поняла, что без скандала не обойдется. В связи с предчувствием грядущей бури, мои ноги упрямо отказывались двигаться с места, замерев в нескольких шагах от белоснежной иномарки. Алексу, вероятно, надоело дожидаться, когда я соизволю подойти ближе, поэтому он вылез из автомобиля и, решительно схватив меня за руку, потащил за собой.

— Только не кричи, — усевшись на переднее сиденье, куда меня попросту затолкали, проговорила я.

— Разве ты когда-нибудь слышала, чтобы я кричал? — слишком ласково, для того чтобы это было правдой, поинтересовался собеседник.

— Нет, ты в основном рычишь, шипишь, язвишь, и просто говоришь гадости.

— Спасибо, — он натянуто улыбнулся, но взгляд его по-прежнему был сердитый. — Так, может, посветишь меня в причину подобного отношения к моей просьбе сделать татуировки прежними?

— Конечно, — я воинственно откинула упавшие на лицо косички, и гордо сказала, — Все дело в том, что твоя просьба звучала, как приказ, а я терпеть не могу приказы. К тому же, помнишь, вчера я говорила про реванш?..

— Святая невинность! — он возвел глаза к небу. — Чистосердечно призналась, что поступила так наперекор мне.

Кажется, настроение Алекса двинулось с минусовой отметки вверх, чему я несказанно обрадовалась. Последней каплей для него был мой вопрос, произнесенный расстроенным голосом:

— А что, тебе не нравится, да?

Закрыв лицо руками, он начал трястись от беззвучного смеха, который больше сдерживать не мог. В конечном итоге, он принялся громко хохотать, вытирая с глаз выступающие слезы. Я тоже улыбнулась, довольная тем, что разборка закончилась на удивление быстро. Хотя мне и не было до конца понятно, чего такого смешного я ему сказала. Но, решив, что лучше сегодня не устраивать из этого проблему, я отпустила данную загадку на волю, быстро позабыв о ее существовании.

Итак... время встречи с Лариным неумолимо приближалось. Я едва не поругалась с Алексом, когда мы ездили покупать для меня подобающий такому случаю наряд. Платье, которое, как мне казалось, хорошо подходит к разрисованному телу, абсолютно не

устраивало Северина. Я искренне пожалела, что позволила ему пойти со мной в магазин. Оспаривать доводы мужчины относительно слишком короткой длины и чрезмерно глубокого выреза, было настоящей пыткой. В конечном счете, мне пришлось вытолкать его на улицу и, оставив там, вернуться обратно, чтобы примерить понравившуюся вещь. Наряд сидел идеально. Я даже удивилась, что на мне так может смотреться одежда. Платье было ярко изумрудного цвета, облегающее и короткое, причем юбка удлинялась сзади и слева, а на правой ноге она резко уходила вверх, открывая черную ажурную лозу над коленкой. Коричневый дракон, застывший в полете на моей руке исчез под тонкой тканью длинного узкого рукава, в то время как пламя на груди, наоборот, ярко горело в большом, открывающем плечи, вырезе.

Цена у обновки оказалась не маленькая, но ради такого случая денег не жалко. Северин был прав, когда обвинял меня в том, что я специально демонстрирую Славе свои прелести. Так оно и было. Мне льстило его внимание, даже если оно имело сомнительный характер.

К вечеру я готовилась особенно тщательно. Заново сделанный макияж, имел еще более контрастные цвета, нежели прежде. Помада стала темно коричневой в поддержку изгибающейся ленты с раскрытой пастью, которая украшала мою щеку. Тени легли разноцветным каскадом по векам, там было все: от белого и коричневого, до желтого и зеленого. Черная яркая подводка вкупе с густыми длинными ресницами, объем которых заметно увеличился, благодаря хорошей импортной туши, придавала глазам особую выразительность. Одним словом, я снова разрисовала свою физиономию, как на Хеллоуин, хотя, на мой взгляд, этот маскарад мне очень даже шел. Во всяком случае, узнать меня в нем было достаточно сложно.

— Ты готова? — спросил Алекс, легко постучав по косяку двери зала, в котором я сидела у зеркала, занимаясь своей внешностью.

— Почти, — я поднялась с мягкой табуретки и отошла подальше, чтобы взглянуть на себя в полный рост и оценить, насколько удачным был мой новый туалет.

Тот факт, что собеседнику не предложили войти, не произвел на него ни какого впечатления, он попросту толкнул рукой дверь и, открыв ее, оказался в комнате. Я была, естественно, первым, что бросилось ему в глаза. Постояв минуты три в полном молчании, Северин, наконец, высказался:

— Я же просил не покупать это платье!

Ну вот, очень мило с его стороны. Нет, чтоб похвалить мой наряд или хотя бы сказать что-то лестное, относительно, макияжа... Он выдвигает претензии, по поводу того, что его посмели послушаться. Фу! Все мужчины одинаковы, и этот — не исключение. Он самый что ни на есть за-ну-да!

— Тебе не нравится? — с явным вызовом в голосе спросила я, встав в позу фотомодели. Одна моя рука уперлась в бок, вторая принялась наматывать на палец черную косичку, нога с татуировкой была выставлена вперед и чуть-чуть согнута в колене, а спина расправилась, подобно гитарной струне.

— Элис, это слишком...

— Вызывающе?! — закончила я за него фразу вопросом.

— Да.

— Но ведь мой нынешний имидж требует именно такой одежды, разве не так?

Алекс задумчиво рассматривал меня с головы до ног, постукивая указательным пальцем левой руки по своей щеке, правая же рука была согнута перпендикулярно, она спокойно

лежала на груди, поддерживая соседний локоть.

— Я себя не очень уютно чувствую под гнетом твоего изучающего взгляда, — честно призналась я, многозначительно посмотрев на него и, попытавшись натянуть на лицо улыбку. — У нас мало времени, а заставлять ждать кого бы то ни было — плохой тон.

Собеседник согласился, хоть и без особого энтузиазма. В прихожей я обула новые туфли на высоченной платформе с обрубленными на конце носами. Мне пришлось купить их в том же магазине, где я приобрела платье, так как обувь, которую я носила раньше, абсолютно не подходила к вечернему наряду. И хотя мне казалось, что лучше всего с таким туалетом будет смотреться классическая шпилька, образ экстремальной девочки обязывал: пришлось выбрать что-то более молодежное. Радовало одно, новые туфли были достаточно удобны и не выглядели громоздко за счет узкой, а не широкой платформы, резко взмывающей вверх там, где должен располагаться каблук. Я также обзавелась крошечной квадратной сумочкой без ремешка. Она напоминала обычный кошелек, совершенно черная, без каких либо украшений, лишь маленькая кнопочка, в виде полумесяца, являвшаяся замком. В эту самую сумку я положила паспорт, помаду и небольшую по московским меркам сумму денег.

Всю дорогу до указанного Лариным места встречи мы ехали молча. Алекс был хмур и замкнут, я же не решалась испытывать судьбу, поэтому упорно смотрела на дорогу, не произнося ни слова. Наконец, мы добрались. Северин припарковал свое "Вольво" на ближайшей платной стоянке и, взяв меня под руку, отправился внутрь здания, из которого доносились звуки музыки.

Слава в сопровождении стройной сероглазой брюнетки, сидел за одним из столиков и внимательно изучал меню. Я заметила его сразу, так как очень хотела этого. Мой бывший муж выглядел элегантно в своем темно сером пиджаке, пуговицы которого не были застегнуты. Его спокойное лицо выражало внутреннее умиротворение. Карие глаза были веселы, губы чуть-чуть растянуты в улыбке, которая становилась отчетливой, когда Ларин обнаруживал в меню подходящее название блюда.

— Добрый вечер, — подойдя к ним, проговорил мой спутник.

Его голос звучал так беззаботно, что я невольно задумалась, куда же девалось хмурое настроение мужчины?

— Позвольте представить даме мою подругу, — Алекс выдвинул меня за плечи вперед. — Это Элис.

— Татьяна, — женщина, сидевшая рядом со Славой, протянула руку Северину, он легко коснулся губами ее ухоженных пальцев и отпустил ладонь собеседницы, сказав с улыбкой:

— Очень приятно познакомиться. Вы девушка Славы?

— Нет, я его сестра, — усмехнулась брюнетка, кокетливо взбив свои короткие кудрявые волосы облаченной в кольца рукой.

— О! — мои брови скользнули вверх, отобразив удивление и любопытство. Александр же остался абсолютно бесстрастным, только на лице его заиграли желваки, хотя в следующую секунду, он вновь стал весел и беззаботен.

Это был столик на четверых. Ларин сделал заказ, а потом повернулся к нам с очаровательной улыбкой. Начал мой бывший супруг издали. Сначала рассказывал нам байки про неустойчивые погодные условия в столице, потом почему-то принялся расписывать ужасные последствия дефолта, и все это время я чувствовала, что случится беда.

Официант принес вино, которое тут же было разлито по нашим бокалам. Вскоре подоспела и закуска, оставалось дожидаться лишь горячего. И тут грянул гром...

— Знаешь, Алекс, — начал Славик, с прищуром глядя на собеседника. — Я пришел к выводу, что предлагаемый тобой проект — пустышка, способная разорить кого угодно. Ты попросту хочешь меня подставить, не так ли?

Я откровенно запаниковала, отпив с перепугу большой глоток стоящего рядом вина. Северин, в отличие от меня, даже ухом не повел, его лицо оставалось спокойным, глаза — веселыми.

— Слава, — он сдержанно улыбнулся. — Мы знакомы с тобой не первый год. И это уже второй проект, который я тебе предлагаю организовать совместно. От первого ты отказался, я принял твой отказ, и теперь клиника "Афродита" — преуспевающее предприятие. Если ты решил отказаться от второго проекта, то не надо меня обвинять в нечестности, моя репутация говорит сама за себя. Я просто буду считать, что ты отверг предложение, вот и все. Я же не навязываю тебе завод. Поищу нового партнера. Единственное неудобство — это то, что работа отложится на какой-то срок, — говоря с Лариным, мужчина достаточно ощутимо наступил мне на ногу под столом.

Я замерла с практически пустым бокалом в руке, содержимое которого успела опустошить почти мгновенно от расстройства, откровенно читавшегося на моем бледном, как мел, лице. Я нервничала, не в силах скрыть свою досаду. Однако поступок Алекса заставил меня отвлечься от чрезмерного увлечения алкогольными напитками, яркий букет которых царственно стоял на столе.

— А сейчас давайте будем веселиться, ведь мы пришли сюда именно для этого! — голосом, не терпящем возражений, объявил Северин, и подарил лукавый взгляд, внимательно наблюдавшей за нами Татьяне.

Она улыбнулась в ответ, соглашаясь. Ларин тоже не стал особо возражать, он принял расслабленную позу, подарив моему спутнику пристальный взор прищуренных карих глаз.

— Элис, — Северин поднялся, вытаскивая мое обмякшее от пережитого шока тело за руку из-за стола. — Пойдем потанцуем, это моя любимая музыка.

Когда мы очутились на середине зала, где плавно двигались в такт чудесной медленной мелодии несколько пар, мужчина мягко, но уверенно произнес, склоняясь к моему уху:

— Перестань паниковать, Ларочка. Какая разница, не согласится на это предприятие, попадетя на другом. Я же не первый год его обхаживаю. Месяцем раньше, месяцем позже... А ты своим поведением можешь вызвать не нужные подозрения.

Я сглотнула и поежилась. По телу начала расходиться теплая волна от выпитого залпом вина. Приятная слабость, наполнявшая тело, сделала проблему отказа Славы от сделки какой-то далекой и незначительной.

— Хорошо, я буду веселиться, только не забывай наступать мне на ногу, если я сболтну что-нибудь лишнее, — обняв его за шею и заглянув в глаза, попросила я, продолжая танец.

— Ты уж постарайся не болтать, — он улыбнулся, уверенно ведя меня по залу, так, будто был профессиональным танцором, а не руководителем рекламной фирмы.

Когда мы вернулись к столику, я чувствовала себя абсолютно расслабленной и вполне спокойной. На душе было легко и приятно, хотелось пить, гулять, шутить и просто отдыхать. Наконец-то, я получила возможность оказаться в развлекательном заведении. Такой шанс надо было использовать максимально. Поэтому, выпив еще один бокал красного вина, я принялась активно общаться с мило улыбающимися врагами. Мы говорили обо всем на свете и совершенно ни о чем. Шутки, которые опускали собеседники, вызывали смех, истории, рассказанные ими, искрились от доброй порции юмора и колких острот. Обстановка стала

расслабленной и веселой, несмотря на то остаточное чувство осторожности, которое постоянно контролировало меня, не давая сболтнуть лишнего.

— Элис, — обратился ко мне Слава, когда заиграл медляк. — Этот танец мой. Он быстро поднялся, протягивая мне руку. Я осторожно положила свою кисть в его ладонь и тоже встала. Выражение лица Алекса, неотрывно смотрящего на нас, было пугающим.

"С таким успехом он сам испортит весь спектакль", — подумалось мне, но данная мысль исчезла за ненадобностью.

Мы ушли танцевать, оставив Северина и Татьяну одних.

— Послушай, детка, — начал Ларин сладко, опуская руку заметно ниже моей талии и осторожно поглаживая по тому месту, на котором остановился. — Ты подумала о моем предложении?

Я изобразила непонимание, которое светилось в моих глазах под вуалью опущенных чёрных ресниц.

— Я говорю о совместном времяпрепровождении, Элис, — пояснил собеседник, прислонившись своей щекой к моей.

Косой взгляд, брошенный мною в сторону столика, принес ожидаемый результат. Я увидела, как съехались брови наблюдавшего за нами Алекса, его губы были сжаты, руки скрещены, а лицо казалось бледнее обычного. И все-таки он прав. Я играла в опасные игры, допуская такой близкий контакт со своим бывшим мужем. Слава мог узнать меня в любой момент, и тогда ситуация выйдет из-под контроля, а последствия этого непредсказуемы. Северину, по всей видимости, надоело пассивно злиться, и он решил занять себя более приятным занятием, а именно — пригласить танцевать сидящую со скучающим видом Таню. Вскоре они оказались рядом с нами. Алекс нежно поддерживал свою стройную невысокую партнершу за талию, кружа ее по залу и не обращая на меня никакого внимания. Зато Славик по-прежнему не сводил своих потемневших карих глаз с моего лица, с приоткрытых темных губ, с извивающейся в смертельном прыжке кобры.

— Мы могли бы встретиться завтра, если ты не против, — продолжал собеседник, опуская взгляд в глубокий вырез изумрудного платья.

— Боюсь, что Алексу это не понравится, — мило улыбаясь, ответила я.

— Но он необязательно должен быть в курсе, — предположил Ларин, прижимая меня к себе все сильнее и сильнее. Я почувствовала его скрытое одеждой твердое тело, а вместе с тем и его возбужденную плоть.

Он хотел меня, что, впрочем, было понятно и без слов. Этот мерзавец готов был овладеть женщиной, с которой встречается его друг. Да уж, этика у моего супруга хромала, и сильно. А как насчет присутствия в его душе совести?.. Какая совесть? Есть ли у него душа? Судя по поступкам Славика, отсутствовало и то, и другое.

— Я подумаю, — мой негромкий ответ прозвучал с последними аккордами заканчивающейся песни.

И тут же я была обвита стальными тисками крепких мужских рук. Это подошел сзади Алекс, а вместе с ним появилась веселая разгоряченная вином и зажигательным танцем Таня. Она нежно взяла брата под руку и предложила нам вернуться к столу.

— Тебе очень крупно повезет, дорогая, если я не придушу тебя прямо здесь, — прошипел мне в ухо собеседник.

— Но почему? — задрал голову, чтобы посмотреть на него, пролепетала я тихо.

— Потому что мне надоело наблюдать, как ты вальсируешь по краю лезвия бритвы,

нарываясь на разоблачение.

Ответ выглядел вполне исчерпывающим. Я грустно вздохнула и мягко заверила:

— Постараюсь быть осторожней.

Он криво усмехнулся, потом, отпустив мои плечи, взял под руку и повел меня вслед за ушедшими вперед Лариными. От последующих предложений Славы пойти танцевать я упорно отказывалась, ссылаясь на усталость и неожиданно возникшую головную боль. Мы продолжали разговаривать о каких-то несерьезных вещах, попивая вино и пробуя обилие всевозможных яств, заполнявших поверхность накрытого белой скатертью стола. О работе речь больше не заходила.

Я чувствовала, что спиртного на сегодня хватит, однако, зачем-то продолжала пить. В конечном счете, Северин просто отодвинул от меня бутылку, забрав бокал и поставив его рядом со своим так, чтобы у меня не было возможности дотянуться. Поймав мой недоумевающий взгляд, он спокойно пояснил, что перспектива тащить меня в отключке до дома его не очень-то устраивает. На вежливое предложение Славы помочь в таком деликатном вопросе другу Алекс отрицательно покачал головой и весело улыбнулся.

— Лучше уж я сделаю все, чтобы Элис отправилась обратно своим ходом, — сказал он, обняв меня за плечи. — Так ведь, дорогая?

— Без сомненья, — сквозь зубы процедила я, возмущенная подобным со мной обращением.

Вечер был в самом разгаре. Звучала чудесная музыка, слышался смех и приглушенные разговоры. Влюбленные парочки танцевали, нежно глядя друг на друга, а некоторые, более смелые, страстно целовались посреди зала или в его уголках, скрываясь в тени. Были здесь и шумные компании галдящей молодежи, и пожилые люди в деловых костюмах, и еще много других интересных незнакомцев и незнакомок, наблюдение за которыми меня развлекало.

Северин отпускал остроумные замечания, которые сыпались из него, как песок из дырявого ведра. Он был чрезвычайно весел, очень общителен и галантен в отношении дам. И, что самое интересное, я не слышала в его речах фальши, которая сквозила в каждом наигранно-вежливом слове Славочки.

Татьяна смеялась, с нескрываемым обожанием глядя на Алекса, я же скучала, рассматривая посетителей бара и не обращая на своего словоохотливого спутника никакого внимания. Его искромётный юмор меня раздражал.

Краем глаза я видела, что Ларин нагло пялится на мои обнаженные плечи, от этого было неуютно, но я изо всех сил старалась держаться. Хотелось сказать ему какую-нибудь грубость, но, решив, что подобный проступок может испортить вечер, я лишь мысленно обложила мерзавца доброй порцией не очень хороших слов. Когда качественное состояние моей скуки было на грани перехода в откровенную зеленую тоску, случилось следующее...

— Какая милая компания! — раздался за спиной знакомый женский голос.

Я вздрогнула, боясь обернуться. Вместо этого мое тело начало медленно сползать под стол, а руки, обнявшие плечи, сжались до белизны в напряженных пальцах. Заметив эти странные действия, Александр практически вытащил меня снизу, усадив обратно в кресло и подарив укоризненный взгляд из-под блестящих стекол металлических очков.

— Марина?! — повернулся он к подходящей блондинке. — Ты откуда здесь?

— По счастливому стечению обстоятельств, — сладким голосом ответила та, но я была уверена, что данное стечение обстоятельств — ее рук дело.

Она, наверняка, устроила слежку, а теперь валила все на его величество случай. Вот

зануда! Чуяло мое сердце, что встреча с госпожой докторшей в квартире Северина, увы, не последняя.

— Познакомь нас с дамой, — попросил Ларин, оценивающе глядя на женщину. Выражение его лица было слишком хитрым, поэтому я сделала скоропостижный вывод: "Слава что-то задумал!"

— Это Марина Градская, — вежливо представил Северин блондинку всем присутствующим. Он поднялся, придвигая еще одно кресло к нашему столику, чтобы незваная гостья могла присесть.

— Я Слава, это Танечка — моя сестра, — улыбаясь, пояснил Славик, его физиономия выглядела очень довольной, даже самодовольной. Мне стало не по себе. Мало того, что истеричная дамочка расселась, как королева, в торце стола, так еще и Ларин что-то уж больно обрадовался ее приходу. Может, они заодно?

— Кто же Вы будете нашему другу? — губы моего несостоявшегося супруга сложились в сладкую улыбочку. — Знакомая?

— Я его любовница, — также очаровательно улыбаясь ответила Марина, подарив мне выразительный взгляд.

Очередной приступ сильного желания уползти под стол обжег мою слегка охмелевшую голову, но вновь сильная мужская рука, опустившаяся на мое плечо, помешала осуществить задуманное.

— Вот как? — Татьяна вскинула свои тонкие черные брови с выражением явного изумления и холодка, которым повеяло от ее стройной фигурки.

Похоже, она тоже положила глаз на моего, так называемого, бойфренда и появление новой соперницы ее не очень-то обрадовало. Зато братец, в отличие от сестры, светился как рождественская ёлка. Мне даже пришло в голову, что он, задавая вопрос, был абсолютно уверен в ответе.

— Бывшая любовница, — ледяным тоном поправил женщину мой сосед.

— Неужели? — в голосе Марины зазвучали вызывающие нотки, она, похоже, была готова закатить очередную сцену, невзирая на людное место. — Это из-за твоей шлюхи я теперь бывшая?

— Ох, Алекс, — язвительно проговорила Таня, — ну и бабы у тебя, одна другой хлеще.

Мои брови изумленно поползли вверх, ведь иголка была направлена не только в блондинку, но и в меня. Интересно, с какой это радости, ларинская сестрица говорит подобные вещи, неужели мой спутник произвел на нее такое сильное впечатление? Я искоса посмотрела на сидящего слева мужчину, чье лицо окаменело. И что они все в нем нашли?..

— Кого это ты назвала бабой, кошелка старая?! — взревела Марина, превращаясь из милостивой белокурой красотки в разъяренную фурию.

Я уставилась на них, не веря собственным глазам. Ну, с базарными замашками одной мне уже довелось познакомиться, а вот от милостивой Танечки подобного я никак не ожидала. К тому же, с чего это собеседница назвала ее "старой кошёлкой"? Вполне молодая симпатичная женщина лет тридцати, никак не больше.

Действие на том конце стола развивалось с завидной быстротой. Оскорбленная брюнетка вскочила и громко заявила, уставившись на обидчицу:

— От кошёлки слышу!

Марина тоже поднялась, ее небесного цвета глаза метали гневные молнии, а руки сжимались в кулаки.

— Знаешь что, курица мокрая, не лезь не в свое дело и не смей засматриваться на моего мужчину!

Мне стало смешно, я едва сдерживала приступ подступившего к горлу хохота. Эти две особы с совершенно серьёзными и к тому же разъяренными физиономиями принялись делить шкуру неубитого медведя, на которого в данной ситуации больше всех прав имела я. Лицо того, кто являлся призом схватки, стало бледнее обычного, заигравшие на нем желваки говорили о внутреннем напряжении. Слава же, напротив, принял вальяжную позу и с интересом наблюдал разворачивающуюся перед его глазами сцену, как спектакль в театре.

— Я тебе не курица, тем более не мокрая! — взвизгнула Татьяна, подавшись всем телом навстречу собеседнице.

— Значит, сейчас ею станешь! — пообещала Марина, схватив со стола мой недопитый фужер и плеснув его красное содержимое в покрашенные глаза противницы.

По Таниному вытянувшемуся лицу потекла черными струйками тушь. Какую-то секунду женщина медлила, потом быстрым движением взяла бутылку и, размахнувшись, ударила ею блондинку по голове. Волосы пострадавшей окрасились алым цветом, который темным пятном растекался по белокурым локонам. Но это была не кровь, а остатки вина, вылившиеся из разлетевшейся вдребезги ёмкости на прическу несчастной. Марина недоуменно похлопала глазами, потом нанесла ответный удар, теперь уже по шевелюре Танечки. Громкий звон разбившегося стекла сообщил о том, что очередной винной бутылки больше нет, в то время как женщина, получившая по темечку, продолжала стоять с воинственным видом. Я невольно подумала, что у этих двух сумасшедших совсем нет мозгов, иначе они схлопотали хотя бы сотрясение.

На нас пялились все, кто был в баре, даже музыканты перестали играть, с интересом наблюдая женский бой. Не удивлюсь, если кто-то сделал ставки. Решив, что ситуация абсолютно утратила контроль, Алекс быстро поднялся, и, сделав знак официанту, оттащил меня в сторону, где и остался сам, прикрывая мое тело своим, будто боялся, что следующая бутылка будет адресована мне. Держась за его руку, я выглянула из-за спины мужчины, стараясь не пропустить самое интересное. А зрелище, действительно, было захватывающим. И самое смешное, что никто не пытался разнять дерущихся красоток. Деревянноголовые дамы продолжали активно выяснять отношения, крича друг на друга, будто были не в общественном заведении, а на поле брани.

— Девочки, перестаньте, я люблю вас обеих! — радостно воскликнул Славик, протягивая руки к противницам. — Зачем вам кто-то еще?!

Это было глупо с его стороны, потому что взбесившаяся Марина, недовольная его вмешательством, ринулась к соседнему столику и из-под носа изумленной парочки увела их неоткрытую еще бутылку шампанского. Дальнейшие судьбы игристого напитка и Ларина недвусмысленно пересеклись. Получив по своей белокурой макушке, он медленно стек под стол, потеряв сознание. В отличие от женщин, его череп оказался гораздо менее прочным.

После первой серьезной травмы прибежали сразу трое: официант и два бугая, работающие здесь вышибалами. Где все они шатались до сих пор, история умалчивала. Наверное, тоже занимались созерцанием необычного зрелища из какой-нибудь безопасной точки. Женщин растащили, при чем они обе продолжали истерично вопить и брыкаться. Марина даже умудрилась вцепиться в физиономию скрутившего ее молодца, за что была довольно жестоко оттянута за волосы назад. Слава, наконец, очухался, потирая ушибленную голову. У него не оказалось даже царапинки. Что за бутылки нынче пошли? Или это головы

у нашей троицы слишком уж крепкие? Не желающих успокаиваться Таню и Марину вывели на улицу и оставили там продолжать разборки. Пострадавшего Ларина проводили до машины, а мой невозмутимый спутник отсчитал из своего кармана необходимую за нанесенный ущерб сумму, после чего мы вышли их бара через черный ход, куда нас проводил любезный официант. Взгляд паренька был сочувствующим, хоть губы и улыбались. Перед самым уходом Славы, Северин успел договориться с ним о завтрашней встрече, необходимой, чтобы забрать документы, отданные Ларину для размышления над проектом. Славик утвердительно кивнул, схватившись за больную голову, которая от кивка зазвенела не хуже, чем разбитое шампанское. Во всяком случае, так он это описал, прощаясь с нами.

Стояла звездная августовская ночь. На улице было тепло и свежо, так как недавно прошел дождь. Мы довольно скоро добрались до дома. Все время пути я молчала, переваривая события минувшей вечеринки. Алкоголь уже давно выветрился, поэтому рассудок был чист, как стеклышко, а тело прекрасно слушалось, как будто пьянки не было и вовсе. Но она была. И отказ Славы от сделки тоже имел место в сегодняшней эпопее. Как ни печально, но очередной план Алекса относительно разорения Ларина законным путем, увы, провалился. И что теперь? Он снова начнет готовить для Славика очередную ловушку? Интересно, сколько времени займет сей процесс, и что будет со мной, пока Северин методично разрабатывает новый проект.

Попав, наконец, в квартиру, я не без удовольствия скинула новые туфли, которые все-таки умудрились натереть мне ногу. Пройдя босиком в кухню, я тяжело опустилась на табуретку. Потерев больную ступню, я тяжело вздохнула, обнаружив на ней вздувшуюся мозоль.

— Устала? — заметив кисляк на моей физиономии, спросил мужчина. Он успел снять пиджак и сейчас стоял напротив меня в одной рубашке белого цвета, верхние пуговицы которой были расстегнуты. — Хочешь спать?

— Не особо.

— Тогда, может, чай попьем?

Я с готовностью кивнула, обрадованная тем, что у меня появилась возможность пообщаться с кем-то, кроме разобранной постели, которую, кстати, еще нужно было застелить. Алекс включил газ и поставил греться чайник, а сам уселся с другой стороны стола, положив локти на его поверхность.

— Ну, как впечатления? — поинтересовался он, весело глядя на меня.

— Последний акт пьесы был просто ошеломляющим, — честно призналась я, улыбаясь. — Особенно мне понравился скатившийся под стол Славочка. Я даже стала относиться к твоей Марине с большей симпатией.

Собеседник усмехнулся, его настроение было расслабленным и вполне миролюбивым.

— Лара, а о чем ты говорила с Лариным? — без какого-либо раздражения поинтересовался Северин, подарив мне насмешливый взор своих синих глаз.

— Он опять предлагал мне с ним встретиться, — без всякой задней мысли сообщила я.

— А ты?

— Сказала, что тебе это может не понравиться.

— Верно. А он?

— Он ответил, что ты не обязательно должен быть в курсе. И вообще, он вел себя слишком нагло: прижимал меня к себе так, что я почувствовала всю силу и твердость его намерений, сконцентрировавшуюся в одном единственном месте ниже пояса.

Кто тянул меня за язык? Или я, совсем расслабившись, начала молоть все подряд, забыв, какой эффект подобные суждения могут оказать на собеседника? Хотя он старательно усыпил мою бдительность своим дружелюбным тоном. Вот только теперь от этого дружелюбия не осталось и следа. Колкие холодные льдинки засверкали острыми краями в его потемневших сапфировых глазах. Надвигалась буря.

— И тебе, небось, это льстило? — язвительно поинтересовался Алекс, прожигая меня

взглядом насквозь.

— Вовсе нет, — я помолчала, — Ну, если только капельку. Когда он был моим женихом, я не замечала подобного интереса с его стороны, а сейчас Слава просто из кожи вон лезет, чтобы затащить меня в постель. Прикольно!

— Ах, вот оно что! — гром грянул, вернее голос Северина, разнесшийся по кухне, вполне мог сойти за его раскаты. — А я и не знал, что приютил женщину легкого поведения.

Эта молния, запущенная в мой адрес, достигла цели. Я сменилась в лице, став багровой от злости. Как он посмел оскорбить меня подобным образом? Меня?! У которой все интимные связи с мужчинами ограничивались единственным не очень-то удачным сексуальным опытом на первом курсе института. И то я чуть не выскочила за своего партнера замуж, спасибо спасла армия, в которую его забрали, отчислив за неуспеваемость. С тех пор мне с успехом удавалось вести монашеский образ жизни. Пока, конечно, я не встретила Славика. Но и с ним, кроме редких поцелуев, ничего не было.

— Во-первых, я не проститутка, — чеканя каждое слово, процедили мои уста, сквозь сжатые до боли зубы. — А, во-вторых, мне не нужна твоя опека. И если ты считаешь, что приютил меня, я лучше отправлюсь отсюда вон.

— Во-первых, — тем же тоном начал собеседник, хмурясь, — я не сказал, что ты проститутка. Ты просто поощряешь приставания Ларина, и мне это не нравится. Ты ведешь себя так, как будто готова переспать с любым мужиком.

— Он — не любой, он — мой муж, а я — его жена!

— Что?! — эффект, произведенный моей короткой репликой, был пугающим. Оперев руки о стол, Алекс медленно поднялся. В глазах его не было ни молний, ни льда, одна сплошная черная туча, грозившая, по меньшей мере, жутким разрушительным ураганом. Итак, я оказалась в самом эпицентре стихийного бедствия, под названием шторм "Северин".

— Заруби себе на носу, Лариса, — продолжал мужчина, наклоняясь ко мне все ближе и ближе, отчего его волосы упали на лоб, прикрыв грозные нахмуренные брови, — ты — не его жена. Ты — моя, — он сделал многозначительную паузу, рассматривая реакцию, которая отчетливо читалась на моей перепуганной физиономии, — головная боль!

"Вот спасибо! Теперь меня отнесли в разряд болячек. И за что такая несправедливость? Я ведь ни к кому не напрашивалась, сам заставил переселиться, а теперь обзывается".

Мне стало грустно и обидно, от этого нижняя губа чуть-чуть оттопырилась, придав лицу расстроенное выражение. Я обняла себя за плечи, натянув длинные изумрудные рукава вечернего платья на похолодевшие от стресса кисти рук. Хотелось сжаться в комок и забиться в угол, где можно тихо поплакать так, чтобы этот высокомерный идиот ничего не заметил.

Засвистел вскипевший чайник, разрывая громким звуком, повисшую после слов хозяина дома тишину. Он медленно подошел к плите, выключил газ и, достав два бокала, разлил чай. Потом молча поставил передо мной чашку, и сел на прежнее место с видом человека, который при любом неосторожном слове, готов взорваться, как шаровая молния.

— Тебе что, Элис, мало мужского внимания, раз ты как бабочка, летишь на огонек к Ларину, рискуя опалить крылья? Или жалеешь о несостоявшейся любви? — Алекс говорил тихо, но вся его речь насквозь была пронизана ядом.

— Перестань нести всю эту чушь! — я взбесилась.

Жалеть себя в его присутствии не хотелось, так что оставалось одно — принять вызов и ринуться в атаку.

— Самая последняя особь мужского пола, на которую я обращаю внимание — это Слава! Так что нечего делать из мухи слона. Последил бы лучше за своей белобрысой дурой, которая устраивает спектакли при любом удобном случае. А насчет несостоявшейся любви... не твое это дело — моя личная жизнь. С тобой нас связывают только деловые отношения, поэтому перестань отчитывать меня за то, как я общаюсь с мужчинами. Тебя это никаким боком не должно касаться!

Высказавшись, я хмуро уставилась на собеседника, ожидая продолжения скандала. Однако бури не последовало. Напротив, он мягко улыбнулся и, вполне, спокойно произнес:

— Я просто не хочу, чтобы ты пострадала.

— Спасибо за заботу, — решив, что гроза миновала, я тихо спросила. — А что ты думаешь о его сестре?

— То, — он печально усмехнулся, — что она не его сестра.

— Как это? — я оторопела, неотрывно глядя на потемневшее лицо мужчины.

— Когда-то, Ларочка, я был женат на его настоящей сестре.

У меня наступил шок. Глаза стали медленно округляться. Челюсть отвисла, при чем в прямом смысле слова. От щек отхлынула краска, поэтому кожа приобрела бледно-голубой оттенок, как у покойника. Я сидела с застывшим взглядом не в состоянии произнести ни единого звука. История жизни Северина постепенно открывалась передо мной, принося все новые невероятные сюрпризы.

— И? — это было единственное, что мне удалось выдать из себя.

— Она умерла. Но даже если бы Таня оказалась жива, она не смогла бы ходить, так как у нее были парализованы обе ноги. А эта очаровательная дамочка, сопровождавшая Славика в баре, прыгала, как молодая коза, и к тому же имела стройную талию, в отличие от оригинала.

— Хочешь сказать, что настоящая Татьяна выглядела иначе? — ко мне, наконец, вернулся дар речи, и я тут же использовала его по назначению.

— Именно. Моя жена была полной, неповоротливой девицей, которая постоянно жаловалась на жизнь и на меня, обвиняя отца и всю мою семью в своем несчастье.

— Не поняла, — честно призналась я, с надеждой глядя на Северина. — Расскажи, пожалуйста, поподробнее.

Как не странно он начал говорить, задумчиво взбалтывая ложкой в бокале чайники, будто видел в них картинки своей молодости.

— Ей было всего семнадцать лет. Мы жили в соседних подъездах и часто ходили вместе по дискотекам и другим увеселительным мероприятиям. Однажды, отправляясь на дачу, папа пригласил Таню с братом поехать с нами. Славка отказался, сославшись на экзамены, а сестра его согласилась. Мы вылетели с дороги, не доехав несколько километров до цели пути. Отец погиб сразу, маму отвезли в больницу, где она скончалась через несколько часов. Таня лишилась возможности ходить, а я отделался синяками и ссадинами.

Он замолчал, я же боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть его разговорчивое настроение.

— Она так переживала, что никому не нужна такая, что теперь ей придется всю жизнь быть калекой... И во всем винила меня, так как я был единственный, кто выжил из семьи. Короче, через несколько месяцев я сделал ей предложение. Мы прожили вместе почти год. Потом она позвала меня на дачу к своей подруге, — по мере рассказываемых Алексом событий, я замечала, как меняется его лицо, особенно глаза, с каждой секундой они

становились всё более холодными, заглушая таящуюся в глубине боль. — Там нас и убили. — Пауза длилась минут десять. В нависшей тишине я слышала, как постукивают настенные часы, будто отсчитывают годы его трагической жизни. — Меня пырнули в живот ножом, а для пущей убедительности, огрели обухом по голове и два раза по спине топором. Татьяну затащили в "Жигули". Я слышал, как она кричала. Это было последнее, что уловил мой слух, проваливаясь в небытие. Но кое-что перепало и глазам. Один из убийц, а их было трое, снял лыжную маску, склоняясь над моим умирающим телом. Это был Слава. Его любимый братец, на лице которого играла самодовольная улыбка. Мой труп скинули в реку, куда дели жену, я не знаю.

На этот раз Алекс замолчал насовсем, вероятно, на сегодня его рассказ был закончен. Не зная, как лучше себя вести в данной ситуации, я медленно поднялась и, осторожно подойдя к собеседнику, положила руки на его осунувшиеся плечи. Я чувствовала его боль, несмотря на все старания мужчины скрыть ее в глубине размеренно бьющегося раненого сердца. Мне хотелось подбодрить его, сказав что-то хорошее, но в голове не возникало ничего подходящего, поэтому единственное, что я сделала, это обняла его за шею, прижав голову открывшегося мне человека к своей груди. В этой позе мы пробыли минуты три, затем Северин отстранился, убрал мои руки, и откинул назад упавшие на лицо волосы.

— Не стоит жалости, Лисёнок. Это все давно миновало, мне не нужно твое сочувствие.

Судя по ядовитым ноткам в голосе собеседника, я поняла, что передо мной прежний язвительный тип, с которым мы недавно ссорились. Меня этот факт даже обрадовал. Значит, волна трагических воспоминаний отхлынула, а вместе с ней исчезла и боль. Вернувшись с невозмутимым видом на прежнее место, я, пропустив мимо ушей высказывания Алекса, предположила:

— А если Таня, как и ты, и я сменила внешность?

— До такой степени? — вопросом на вопрос ответил мужчина.

— Но ведь ты сделал что-то с собой, раз Ларин не узнает тебя?

— Я сделал пластическую операцию в одной из лучших американских клиник. Но и там врачи не могли справиться с повреждением лицевого нерва. Правая нижняя часть моего лица, если ты заметила, не функционирует.

Я кивнула, уставившись на его идеально ровные губы.

— Откуда у тебя на все это деньги?

Он усмехнулся левой половиной рта, потом многозначительно проговорил:

— А это уже другая история: более длинная, но не менее интересная.

Судя по хитрому огоньку в его глазах, посвящать меня в "другую историю" он не собирался, во всяком случае, сейчас.

— Идем спать, Элис, — предложил он мягко. — Завтра нас ждет встреча со Славой.

— Последний вопрос, — попросила я, поднимаясь и ставя кружки в раковину. Машинально мои руки включили кран и принялись споласкивать посуду. — Ты сказал, что твои родители погибли?

— Да.

— А кто тогда занимается устройством на новом месте моей бабушки?

— Человек, который подарил мне второе рождение.

На этом наша беседа закончилась. Разобрав постель, я улеглась спать, сняв предварительно свой маскарадный костюм, включая тонну косметики, которая тяжелым грузом лежала на моем уставшем лице. Сон пришел на удивление быстро, подарив телу

желанное расслабление, а голове прекрасное путешествие в сказочный мир необыкновенных фантазий. Сегодня меня не преследовали кошмары, напротив, я парила, как птица, по бескрайним просторам синего, как глаза Александра, звездного неба.

Он осторожно тронул меня за плечо. Реакции не последовало. Тогда мужчина сел на край дивана, и принялся тормошить мое сонное тело, без конца называя все варианты моих имен.

— Лара, Лариса, Ларочка! — он опять затряс меня, пытаюсь оторвать от мягкой подушки. — Элис, проснись! Лариса! Лиса! Лисочка?! Да очнешься же ты, или нет? А? Лисёнок? Я с тобой говорю.

С трудом приоткрыв сонные глаза, я сладко зевнула, приводя в порядок растрепанные мысли.

— Уже утро? — щурясь от яркого света, спросила я, облизав засохшие губы. — Как жалко...

— Можешь спать дальше, но тогда мне придется поехать к Славику без тебя.

— Ну и езжай, — мечтая лишь о том, чтобы меня оставили в покое, согласилась я.

— Ты сама это сказала, — предупредил Алекс, укрывая меня одеялом.

— Угу, — зарывшись в теплую уютную подушку носом, промямлила я, снова засыпая.

— Тогда до встречи!

Когда я проснулась снова, был уже день. Дома кроме меня никого не было. Одевшись в голубое шифоновое платье на трикотажной подоснове, в котором я наградила Славочкино "Шевроле" порцией колючих кнопок, я отправилась завтракать. Звук открывающейся двери привлек моё внимание. Выйдя в прихожую, я столкнулась лицом к лицу с высокой немолодой женщиной, чёрные волосы которой были туго стянуты на затылке. Незнакомка мило улыбнулась мне и дружелюбно сказала:

— Привет!

Потом она надела принесенные с собой розовые мягкие тапочки и хозяйской походкой двинулась мимо меня на кухню. Я смотрела ей вслед, размышляя над тем, не плод ли моего воображения только что проплыл мимо? Однако звук включившейся воды напрочь перечеркнул данную теорию. Как выяснилось в ближайшие десять минут, женщину звали Анюта, и она была у Алекса домработницей, которая приходила два раза в неделю и исполняла свои непосредственные обязанности. Мне же довелось пересечься с ней только сегодня, и то из-за предательской страсти ко сну в утреннее время суток. Анюта оказалась очень добродушным и словоохотливым существом. Она с удовольствием выболтала мне то, что уже второй год следит за порядком в квартире Северина, и лишь первый раз ей посчастливилось встретить в его доме молодую женщину, то есть меня. Это ее заявление было мне очень приятно, несмотря на то, что я точно знала о визитах к Алексу его ненормальной Марины. Но мысль о том, что в свое отсутствие, он не пускал сюда никого, кроме меня и Анюты, льстила моему самолюбию. Хотя вставать в один ряд с домработницей почему-то не хотелось.

Северин появился как раз в тот момент, когда мы с женщиной, окончательно подружившись, пили чай после завершения ею необходимой работы.

— Здравствуй, Аннушка! — с теплотой в голосе проговорил Алекс, появляясь в дверях. — Рад тебя видеть.

— Добрый день, Саша! Я уже все прибрала, — сообщила собеседница, поднимаясь. — Да и чай мы с Ларой допили, так что мне пора.

Они обменялись еще парой фраз, связанных с графиком ее посещений, после чего высокая фигура женщины исчезла, растворившись в пространстве длинного коридора. Хлопнувшая входная дверь оповестила меня об ее уходе.

— Элис, у меня хорошая новость! — радостно сообщил мужчина, усаживаясь на место Анюты.

Я недоуменно моргала ресницами, застыв с кружкой в руке и не решаясь шевельнуться. Что еще могло произойти? Неужели Славик собственноручно упрятал себя за решетку, признавшись во всех преступлениях? Вот уж, вряд ли...

— Ларин подписал контракт на организацию нашего совместного предприятия! — торжественно объявил собеседник.

— Что?! — я обалдела.

— Он сказал, что вчерашний спектакль с отказом был лишь проверкой моей реакции, к сожалению, неудачной.

— Значит, его песенка спета? — недоверчиво спросила я.

— На все сто процентов.

В порыве настоящего, неподдельного счастья, я кинулась на шею к удивленному Алексу, едва не свалив его со стула. От переизбытка чувств я даже поцеловала его приоткрытые в немом вопросе губы. И лишь проделав все эти сумасшедшие действия, сообразила, что творю. Краска стыда и неловкости бросилась мне в лицо. Я неуверенно отступила, пробормотав что-то невнятное на тему извинений, потом быстро развернулась и убежала в свою комнату, где забралась с ногами в кресло и принялась приводить в порядок свои разметавшиеся в беспорядке мысли.

— Ты чего улетела, будто тебя кипятком ошпарили? — спросил мужчина, входя в зал следом за мной.

Я опять покраснела, но на сей раз мои слова звучали вполне разборчиво:

— Просто подобные радостные новости на меня оказывают странное воздействие, поэтому я иногда веду себя неадекватно.

— Ничего страшного, — он улыбнулся, лукаво глядя на меня. — Со мной так вести себя можешь, а насчет других... постарайся быть более сдержанной.

Нет, ну вы только подумайте! Тоже мне, олицетворение благородства! С ним, видите ли, можно, а с другими ни-ни... Самодовольный нахал! Я фыркнула, подарив собеседнику возмущенный взгляд.

— С кем хочу, с тем и буду вести себя подобным образом! — мои слова звучали сердито, а брови сдвинулись, демонстрируя решимость.

— Осторожней, — Алекс усмехнулся. — А то ведь не все такие понятливые, как я. Кто-нибудь неправильно истолкует твой порыв и воспользуется ситуацией.

Я вздохнула. Этот нравоучительный тон "старшего брата" выводил меня из себя. А еще меня бесило то, что он воспринимает меня, как несмышленного ребенка, хотя, вполне бы мог заметить, что перед ним взрослая женщина.

— Послушай, — начала я со скукой в голосе, — я не девочка, которой нужно читать мораль.

— Разве? А, по-моему, пара-тройка хороших советов тебе совсем не повредит.

Это была последняя капля. Продолжать разговаривать я не хотела, чувствуя всю бесполезность попыток доказать Северину, что он не прав. Поэтому, выбравшись из кресла, я, игнорируя собеседника, направилась на кухню, чтобы допить, наконец, остатки сладкого

чая, которые по-прежнему стояли на столе. Он с невозмутимым спокойствием двинулся вслед.

— Кстати, утром прилетает из Америки мой лучший друг. Завтра у него встреча с Лариным на предмет подписания документов по купле-продаже.

— Продаже чего? — оживилась я, довольная тем, что разговор поменял тему.

— Специального, очень дорогого и абсолютно бесполезного оборудования, которое Слава, по моему настоянию и по собственной жадности от предполагаемой прибыли, намерен купить. Под это приобретение он берет в банке кредит, а в залог оставляет нечестно заработанные квартиры. Когда организуемый нами завод проявит свою убыточную сущность, Ларин потеряет все — и недвижимость и возможность откупиться от правоохранительных органов, в которых окажется подробное досье его многочисленных преступлений. Короче говоря, жадность фраера сгубила! — мужчина улыбнулся своей однобокой, но очень довольной улыбкой. — Вернее, утром сгубит.

— Значит, надо дожидаться утра, чтобы можно было, наконец, вздохнуть спокойно. А когда этот мерзавец окажется за решеткой, я начну новую жизнь.

— Интересный поворот, — я ощутила, как цепко впились в меня его прищуренные синие глаза. — А можно поподробней?

— Ну... на работу устраюсь для начала, заведу кота, познакомлюсь с новыми людьми и так далее, — не зная, что сказать еще, ответила я.

— А в моей фирме ты работать не хочешь? — продолжая щуриться, поинтересовался Алекс задумчиво.

— Заграница не для меня. Я хочу строить свою судьбу здесь и сама.

Он пожал плечами, дескать, мол, поживем-увидим.

На следующий день Северин встал спозаранку и укатил в аэропорт, наотрез отказавшись взять меня с собой. Последнее время я чувствовала себя заложницей в его огромной квартире, где он запирал меня, уходя. Другого ключа у Алекса не было, а если бы и был, то мне он его все равно бы не дал, так как совершенно не желал, чтобы я шаталась по городу без него. Дома мой тюремщик появился около четырех часов в сопровождении друга. Мужчины были веселы и о чем-то громко беседовали, правда, разобрать иностранную речь с ходу я не смогла.

— Элис, это Роб, — представил Александр своего спутника.

— Роберт Фэа, — мягким баритоном проговорил высокий кудрявый молодой человек и приветливо улыбнулся.

— А я — Лариса, — косо взглянув на Северина, ответила я новому знакомому. — Очень приятно с Вами познакомиться.

— Мне тоже, — на, практически, чистом русском языке ответил Роб, разглядывая меня своими светло-кариими глазами.

— У нас хорошие новости, Лисёнок, твой Слава подписал договор, так что механизм запущен, осталось лишь дожидаться поступления на счет фирмы Роба денег и выдвинуть тяжелую артиллерию. То есть отправить собранное на Ларина досье в прокуратуру.

— Здорово! — я не скрывала собственной радости. — Только Славик не мой вовсе. Хотя, если ты говоришь о нем, как о враге... пожалуй, я с тобой соглашусь.

— Лариса, — обратился ко мне Роберт. — А что означает змея на вашей щеке? — он произносил некоторые буквы нараспев, вероятно, из-за небольшого акцента, слышавшегося в его речи.

— Ядовитый укус, — улыбнулась я. — Но, не беспокойтесь, на Вас это не распространяется.

Он понял шутку и засмеялся, обнажив белоснежные ровные зубы. Я с интересом смотрела на господина Фэа. На вид ему было лет тридцать пять, может, чуть меньше. Стройный, даже худощавый, и очень обаятельный. Одежда Роба выглядела дорогой, хоть стиль ее больше походил на спортивный, нежели на деловой. Особое внимание я обратила на его лицо. Роберт показался мне очень привлекательным мужчиной. Огромные, полные озорных искр глаза внимательно и лукаво смотрели из-под прямых темных бровей. Нос имел небольшую горбинку, а губы постоянно улыбались. Кольца его темно-русых волос спадали на широкий лоб, а сзади они крупными волнами ложились на шею, спускаясь до самого воротника легкой трикотажной рубашки. Иностранец непринужденным жестом левой руки откинул кудри назад с лица, а те прядки, которые упорно стремились забраться на виски, он осторожно заправил за уши. Я смотрела на него, удивляясь, что человек, занимающий руководящий пост может выглядеть так. Ни пиджака, ни галстука, ни строгого кожаного портфеля. Фэа больше напоминал спортсмена или альпиниста, но никак не бизнесмена.

Алекс понес два звенящих бутылками пакета на кухню, где принялся складывать их содержимое в холодильник. Он вел себя раскованно и был в хорошем расположении духа. Все формальности гостеприимства хозяин дома позабыл напрочь. А, может, так у них принято? Во всяком случае, гость, особо от этого не страдал, он чувствовал себя в своей тарелке, чего нельзя было сказать обо мне. Я тупо смотрела на разубаивающегося в прихожей иностранца, не зная, что предпринять. Проблему решил Северин, крикнув из кухни:

— Элис, я хочу накрыть на стол, ты не принесешь три фужера из зала? Получив распоряжение, я с радостью кинулась претворять его в жизнь, оставив невозмутимого Роберта расчесывать свои шикарные кудри, глядя в высокое зеркало, располагавшееся в коридоре.

Открыв стеклянную дверцу высокого серванта, в котором, сверкая загадочными бликами, стоял хрусталь, я начала осторожно доставать необходимую посуду, вытягивая руку над сборищем маленьких изящных рюмочек. Первая улетела на пол с диким звоном, практически, сразу. Когда я отдернула ладонь, чтобы подобрать осколки, за ней спрыгнули еще две хрупкие длинноногие обитательницы полки, мгновенно превратившиеся в груды разбитого стекла.

— Опс! — приподняв чуть-чуть изогнутую бровь, пробормотала я, разведя в нерешительности руки.

— Посуда бьется к счастью, как у вас говорят! — весело подбодрил меня Фэа, придя на помощь.

Он присел на корточки и начал собирать то, что осталось от хрусталя. Я достала-таки злосчастные фужеры, и вскоре мы оба появились в поле зрения Алекса.

— Каков ущерб? — хитро улыбаясь, осведомился собеседник, подарив мне лукавый взгляд из-под фальшиво нахмуренных бровей. — Нам сегодня придется пить Мартини из кружек?

Я покраснела, как рак, от стыда за собственную неуклюжесть. Конечно же, он слышал этот жуткий звон, и теперь подтрунивал надо мной. Хорошо еще, что настроение Северина было хорошим, даже моя оплошность, нанеся урон имуществу, не смогла испортить его. Зато я испытывала крайнюю неловкость.

— Извини, сколько стоят твои рюмки? — тихо спросили мои губы, а глаза уставились в

шахматный рисунок пола.

— Они стоят твоей улыбки, Лисочка, — усмехнулся мужчина, колдуя над преобразующимся с каждой минутой в нечто невероятное столом.

Когда Александр закончил создавать свои кулинарные изыски на скорую руку из обилия привезенных ими полуфабрикатов, мы уселись за стол, намереваясь отметить приезд Роберта и удачный ход событий с Лариным. Хотя, если честно, первая причина была куда более весомой. Обстановка была такой теплой и раскованной, будто я находилась на собственной кухоньке в Питере, в кругу старых и очень хороших друзей. Было светло и уютно, застольные разговоры велись на русском языке, вероятно, чтобы я могла в них участвовать, они искрились от обилия шуток и веселых замечаний. Мне было легко и приятно, особенно после второй порции Мартини с соком, которую любезно сделал мне сидящий сбоку Алекс.

Роберт оказался очень остроумным собеседником, по мере нашего с ним более тесного знакомства я убеждалась в том, что этот обаятельный молодой человек мне нравится все больше и больше. Я смотрела на него с нескрываемой симпатией, чувствуя, что тону в огромных золотистых глазах, весело глядящих на меня. Он завораживал. Правда, немалую роль в волшебном воздействии его очарования сыграл разлившийся теплой волной по телу алкоголь, но об этом размышлять мне сейчас не хотелось. Я не сводила с улыбчивого лица Роба внимательных глаз, в глубине которых плясали веселые и пьяные чертики.

Вот только радушный хозяин почему-то стал более хмурым, он задумчиво потягивал свое любимое пиво, все реже и реже встречая в наш с Фэа разговор. Я перестала пользоваться его услугами в деле создания в моем фужере очередных порций коктейля, так как эту обязанность взял на себя обходительный иностранец, подливавший мне Мартини и сок по мере опустошения емкости. К тому моменту, как на улице стало темнеть, мы с Робом едва ли не обнимались, готовые объясняться друг другу в любви и дружеском расположении на всех известных нам языках. Собеседник стал обогащать русскую речь английскими словами, я же, не все толком понимая, кивала ему в ответ с умным видом. Мы были слегка пьяны, раскованы и веселы. Алекс же натянуто улыбался, изредка вставляя колкие реплики в нашу не очень-то понятную болтовню. Но никто не обращал на его слова никакого внимания. Мне нравилось рассказывать своему новому знакомому о студенческой жизни, о скучной работе и о моей любимой бабушке, с которой он уже имел честь встретиться в Нью-Йорке, где она оказалась недавно, но уже почти совсем освоилась, произведя неизгладимое впечатление как на Роберта, так и на отца Северина.

Я узнала много интересного и о самом мистере Фэа. Оказывается он австралиец. Родился и вырос в Мельбурне. В институтские годы много путешествовал по миру, какое-то время жил в России, где и выучил русский. Помимо нашего языка, Роб знает в большей или меньшей степени еще четыре. Когда он сказал мне об этом, я с восхищением воскликнула: "Круто!"

Собеседник долго смотрел на меня, недоуменно моргая, потом мягко поинтересовался, что означает данное восклицание? Пришлось долго ломать голову, чтобы подобрать понятные для него синонимы. Но минут за десять я все-таки решила возникшую проблему, и беседа снова потекла в прежнем веселом русле. В Америку Роберт попал лет десять назад. И с тех пор живет и работает там. Но свою страсть к путешествиям он сохранил, поэтому список посещенных им городов с каждым годом увеличивается. А заглянуть лишний раз в Москву для Роба было просто счастьем. Россия, как он выразился, очень любопытная страна.

Здесь трудно, но безумно интересно. Я не могла не согласиться с такой точкой зрения. Жить в нашем дорогом государстве, на мой взгляд, без юмора невозможно.

Алекс мерно постукивал пальцем по краю стола, то ли его что-то раздражало, то ли он попросту не выспался, но выражение его бледного лица напоминало кислый фрукт. Телефонная трель отвлекла его от созерцания меня и друга. Он быстро встал, прихватив с собой очередную банку пива, и ушел на призывный звук в комнату, оставив нас вдвоем.

События прошлого мы уже обсудили, а сейчас темой разговора была духота, которая последние дни осаждала город. Затем беседа плавно перешла на меня и на все мои жизненные неурядицы.

— Э-эх, — вздохнув, проговорила я. — Впереди не ждет ни чего интересного, сплошное будничное болото.

— Почему?! — собеседник оживился, тряхнув своей великолепной шевелюрой. — Такая девушка, как ты, Лара, не может так говорить. И судьба у тебя, я уверен, сложится очень хорошо, — он хитро посмотрел на меня, потом загадочно улыбнулся, продолжив свою тираду. — Моя мама увлекается хиромантией, я тоже усвоил кое-какие правила с детства. Хочешь, предскажу тебе будущее?

— Давай! — я с удовольствием протянула ему руку, с любопытством наблюдая за тем, как аккуратно он взял ее и начал вглядываться в пересечение линий с видом знатока в сфере гаданий.

Роберт нежно провел пальцем по моей ладони, задумчиво рассматривая ее. Мне было приятно это, отчего по спине пробежала дрожь, а на щеках распустились алые маки. Я, конечно, давно не соприкасалась с мужчинами таким образом, но подобные ощущения, вызванные его прикосновением, совершенно не входили в мои планы. Так ведь можно и совсем голову потерять... Фэа, конечно, человек видный, и мне он по вкусу, но завтра его унесет самолет в далекую Америку, а я останусь не у дел. Так что лучше держать дистанцию, оставаясь друзьями. Но убрать руку из его больших ладоней у меня не хватало сил. Было очень хорошо сидеть с ним нос к носу, едва не сталкиваясь макушками, и смотреть на причудливые переплетения судьбоносных линий.

— У тебя долгая и счастливая жизнь, — сообщил собеседник, взглянув в мои зелёные глаза, которые были совсем близко от него. Мужчина не торопился опускать свой взор, рассматривая мое лицо с нескрываемым интересом. — Да у такой красавицы другой судьбы и быть не может! — наконец, изрекли его улыбающиеся губы.

— Спасибо за комплимент, — не без кокетства ответила я, подарив ему загадочный взгляд из-под опущенных длинных ресниц.

— А еще, — он помедлил, ласково поглаживая внутреннюю сторону моей кисти, — тебя ждет большая любовь.

— Ой ли?! — смеясь, воскликнула я, но ладонь не убрала, позволяя ему изучать ее поверхность как взглядом, так и на ощупь.

Я сидела, подавшись вперед всем телом, сильно облокотившись на край стола. Роб тоже придвинулся ко мне ближе, и мы оба были поглощены процессом импровизированного гадания в тот момент, когда в кухне появился Алекс. Я громко взвизгнула, вскакивая с табуретки, и испуганно уставилась сначала на вновь вошедшего, потом на свое голубое платье, по подолу которого растеклось мокрое пятно с сильным пивным запахом.

— Прости, Элис, я очень неаккуратен, — проговорил Северин, нагло глядя на меня. — Может, пойдешь замоешь свой наряд?

Я стояла в полной растерянности. Неаккуратен?! Что за бред? Он опрокинул банку со всем содержимым мне на подол преднамеренно. В этом я могла поклясться. Но зачем он сделал подобную вещь? Или его бесит наша с Робертом идиллия? Неужели на взрослого, сильного, гордого мужчину, который сейчас стоит передо мной с невозмутимым видом, так болезненно действует отсутствие внимания с моей стороны? Или со стороны друга?..

В любом случае, мне пришлось отправиться в ванную, захватив предварительно с собой юбку и топ, в которые я решила облачиться назло обидчику, точно зная о его откровенной неприязни к длине полюбившейся мне одежды. Будет знать, как поливать меня пивом, а потом фальшиво извиняться! Вернувшись к столу, я обнаружила, что мое место занято, а тарелка, с которой я ела, и фужер переставлены туда, где ранее сидел Александр. Теперь понятно, зачем он меня окатил пивом. Ему просто надо было сесть между мной и Фэа. Очень умный ход, вот только мне от этого не слишком приятно.

Роберт с интересом разглядывал надпись на моей груди, потом его внимательный взгляд скользнул по фигуре, задержавшись на мгновение в извивающихся зарослях виноградной лозы, украшавшей мою правую ногу.

— Тебе очень идет этот наряд! — восхищенно воскликнул иностранец.

— Благодарю! — я вся светилась от радости. Во-первых, меня оценили, во-вторых, лицо хозяина квартиры, как и предполагалось, вытянулось, когда он увидел, во что я решила переодеться.

Но устраивать сцену по поводу моей внешности Алекс, к счастью, не стал. Я уселась на табуретку и подняла фужер, весело сказав:

— Давайте выпьем за то, чтобы это встреча была не последней.

— Очень надеюсь, что так оно и будет! — охотно кивнул кареглазый собеседник, загадочно подмигнув мне.

После этого были еще тосты, а, следовательно, и новые коктейли, которые я опрокидывала один за другим. Хорошо еще, что пропорциональное отношение между соком и мартини, явно, перевешивало в сторону первого, иначе меня из-за стола пришлось бы выносить. А так, я прекрасно себя чувствовала, голова была чистой, ну а тело... тело слегка покачивало, ноги немного заплетались, как, впрочем, и язык. Мужчины оказались гораздо более стойкими, на них ни мартини, ни пиво не произвели особого эффекта, разве что улучшилось настроение, особенно у Алекса, который с нескрываемым любопытством наблюдал за тем, как я пытаюсь наколоть вилкой ужасный прыгучий шампиньон. В конце концов, он не выдержал и расхохотался, забирая у меня из рук столовый прибор и демонстративно насаживая на него вертлявый гриб.

— На, Элис, — сквозь смех, произнес он. — По-моему, спиртного тебе на сегодня хватит.

Я подарила ему укоризненный взгляд, усердно пережевывая пойманный шампиньон.

— Я совершенно трезвая, — растягивая слова, ответил мой рот, когда перестал есть. — Только чуть-чуть тело развезло, а так все в порядке.

— Не сомневаюсь, — поддержав меня под локоть, когда я, потянувшись за салфеткой, начала заваливаться на бок, проговорил собеседник.

— Может, пойдем погуляем по ночной Москве? — предложил Фэа, вопросительно глядя то на меня, то на друга.

— Боюсь, что наша милая спутница вряд ли осилит подобный поход, — мягко отозвался Северин, продолжая страховать каждое мое движение.

— Вовсе нет! — возмутилась я. — Свежий ночной воздух очень полезен для выветривания алкоголя.

— В такую-то жару? — в словах мужчины звучала ирония. — Нет, дорогая, ты сегодня отправишься гулять в постель.

Этот самоуверенный нахал опять диктует мне условия! От подобного с собой обращения в моей не совсем трезвой голове возникли не очень-то разумные идеи, по поводу необходимости выяснить с Алексом отношения, причем немедленно. Взвинченная безрассудным самолюбием, я вскочила с табуретки так быстро, как только могла в своем нынешнем состоянии. Однако попытка оказалась не очень удачной, и я едва не упала, но была вовремя поймана сильными мужскими руками. Северин, решив не рисковать больше, усадил меня к себе на колени и настоятельно произнес:

— Советую не подниматься так резко, Лариса, иначе можно и голову разбить.

Мне не хотелось оставаться в этом положении, но тело обмякло, отказываясь слушаться, поэтому вместо того, чтобы встать, я оперлась спиной на собеседника и совершенно расслабилась.

— Ах, Роберт, — глядя в веселые глаза сидящего напротив мужчины, пробормотала я грустно. — Кажется, прогулка в моей компании Вам сегодня не грозит. Я, действительно, передвигаюсь с трудом и как-то не совсем ровно.

— Ничего, — он усмехнулся, — наверстаем упущенное при следующей встрече. Ведь мы же скоро снова увидимся?

— Конечно, — я зевнула, откуда-то набежала сонливость, и захотелось спать. — А сейчас я, наверное, пойду в кровать, иначе усну прямо за столом.

Я постаралась встать на ноги, Фэа, подскочив с места, протянул мне руку, на которую я с радостью оперлась. Но одной руки было мало, поэтому Роб обнял меня за плечи, намериваясь проводить в комнату.

— Не беспокойся ты за нее, — смеясь сказал Алекс, отстраняя друга. — Я отнесу Лару в постель.

Он поднял мое полусонное тело и ушел, оставив собеседника в полной растерянности. Дальше я ничего не помню, так как на глаза опустилась пелена, а в голове что-то весело зазвенело, ознаменовав отключение от реальности.

Когда я проснулась, вокруг царил тишина. Был день, причем вторая его половина. Голова трещала, раскалываясь на части. Оценив свое разбитое состояние, я решила, что умру без холодного душа. Но до ванной надо было еще добраться. Медленно поднявшись с неизвестно кем разобранного дивана, я села, держась за виски. Одеяло сползло, открыв взгляду мое раздетое до нижнего белья тело. Кто и как избавил меня от одежды вчера ночью, я не знала. Но кое-какие догадки на этот счет возникли в моем страдающем от похмелья сознании. Наверняка, это дело рук Северина. Его излишняя забота сидела у меня уже в печенках. Хотя... стоит все-таки наступить на горло собственным недовольствам, и поблагодарить хозяина за проявленное ко мне внимание.

Корчась от приступов головной боли, я натянула на себя вчерашнюю одежду, и, держась за стенку, выбралась из зала в коридор. Там я встретила Алекса, догадавшегося о моем пробуждении по звукам, которые доносились из комнаты. Он внимательно посмотрел на мой измученный вид и скептически заметил:

— Да, Элис, пить тебе надо поменьше.

— Спасибо, — кисло улыбнулась я в ответ. — Учту на будущее.

Он открыл дверь в ванную, пропуская меня вперед и входя следом.

— Я включу воду и схожу за полотенцем, — деловым тоном проговорил мужчина, усаживая меня в угол на маленькую пластмассовую скамеечку, служившую ранее подставкой для бельевой корзины.

— А где твой друг? — облокотившись о холодную поверхность обложенной кафельной плиткой стены, поинтересовалась я тихо.

— Уехал домой, — не без язвительности в голосе, ответил собеседник. — А ты что, уже соскучилась?

Меня его тон взбесил, даже головная боль от такого ко мне отношения куда-то отступила, давая место возмущению.

— Представь себе, да! — процедила я, прожигая его глазами.

— Тогда, может, и в Нью-Йорк поедешь? — слишком уж сладко поинтересовался он, подходя ко мне.

— Да, — подняв на него полные решимости глаза, сказала я. — Почему бы и нет? Вы с бабушкой были правы, говоря, что здесь мне делать нечего, а с Лариным ты и сам разберешься. У тебя это хорошо получается.

Я подарила ему улыбку, но вместо ответного проблеска доброжелательности на лице Алекса появилось хмурое выражение.

— Что ж, — он помолчал, сердито глядя на меня. — В понедельник отправляемся в посольство получать тебе визу.

— И что для этого надо? — с невозмутимым видом любопытствовала я.

— Паспорт и деньги для оплаты услуг.

— Это все?

— Да, — он повернулся ко мне спиной и вышел, хлопнув дверью.

"Как же! — мысленно проговорила я. — Когда моя однокурсница получала визу, ее два раза завернули из-за недостаточности доказательств того, что она не останется за границей. И он говорит, что кроме паспорта мне ничего не надо? Либо Алекс не собирается меня

никуда отправлять, либо он просто слишком самоуверен, чтобы допустить возможность неудачи".

— Вот полотенце, — вновь заходя в ванную, произнес мужчина. Он настроил нужный напор воды и снова удалился, оставив меня одну. Я медленно встала, закрылась на защелку, и с трудом раздевшись, забралась в прохладную воду, которая едва успела прикрыть дно.

Недовольство, читавшееся на лице собеседника, когда я утвердительно ответила на его предложение уехать, вызвало на моих губах победную улыбку. Мне, вообще, последнее время нравилось его злить. Не знаю почему, но этот процесс приносил моей глупой гордости особое удовольствие, а ведь Алекс был единственным моим союзником в этом городе. Так зачем же я старательно "катаюсь на танке" по его нервной системе? Что за садистские наклонности? Хотя, если честно, он со своей самоуверенностью, вполне, заслуживает подобного обращения.

После ванны мне стало гораздо лучше. В теле появилась бодрость, в глазах азарт, а губы с трудом сдерживали довольную усмешку. Я затеяла новую игру под названием "Лечу в Америку!" И играть в нее я буду с господином Севериным.

А Северин тем временем сидел на кухне и задумчиво помешивал чай маленькой ложечкой, которую аккуратно держал двумя пальцами. От вчерашнего сабантуя не осталось и следа: посуда вымыта, стол блестит от ослепительной чистоты, как собственно, и все вокруг. Наверное, Алекс уже давно проснулся и навел порядок, а, может, приходила Аннушка? Я об этом не знала, потому что спала, как убитая.

— Спасибо за вчерашнюю заботу, — поблагодарила я, подходя к нему.

— Не за что, — он поднял на меня глаза. — Заботиться о тебе уже стало доброй традицией, Элис.

Я пожалала плечами, дескать, мол, тебе виднее. Спорить мне не хотелось, поэтому я пропустила эту шпильку мимо ушей, прикинувшись не очень понятливой. С моих волос на укрывавшее плечи полотенце капала вода. Настроение было замечательное, и портить его не хотелось.

— Бабушка сказала, что ты сделал вызов нам обеим, верно я мыслю?

— Да. У тебя есть все необходимые документы для получения рабочей визы, — без особого энтузиазма ответил собеседник.

— Здорово! Мне надо будет встать послезавтра пораньше, чтобы занять очередь, а то, я слышала, к консулу очень трудно попасть, — светясь от счастья, как праздничный факел, воскликнула я, искоса наблюдая за реакцией Алекса.

Он вяло улыбнулся, но ничего не сказал, продолжая мешать свой давно остывший чай, к которому до сих пор не притронулся. Разговор не клеился весь оставшийся день и вечер, как впрочем, и последующие сутки.

Северин был задумчив и не расположен к общению. Он часто звонил кому-то по телефону, а потом запирался в собственном кабинете, так что я его практически не видела. Будучи предоставлена самой себе, я строила планы на ближайшее будущее, сидя в уютном кресле и глядя на экран негромко работающего телевизора. Было скучно. Единственное, что меня забавляло — это воспоминания о знакомстве с Робертом. Фэа оставил неизгладимый след в моем отвыкшем от такого приятного общения сердце.

Десятого августа Алекс разбудил меня в пять часов утра. Я, как зомби, прошла в ванную, слабо соображая, что, собственно, происходит. Умывшись ледяной водой, я, наконец, вспомнила о предстоящем визите в Американское посольство. Собрав свои всклокоченные

волосы на затылке, я заколола их шпильками. Потом оделась в джинсы и топ, подкрасила губы и минут через пятнадцать была уже абсолютно готова к выходу. Мы позавтракали в полном молчании и отправились в путь. Северин изъявил желание отстоять со мной очередь, я же упорно отказывалась от его компании, так как мужчина служил сильным источником напряжения, а лишние нервы перед беседой с консулом, мне совершенно ни к чему. В конце концов, я все-таки умудрилась отправить своего спутника дожидаться меня в машине. Когда подошло время, я, вдохнув в легкие побольше воздуха, отправилась на территорию другого государства, о чем свидетельствовал развевающийся американский флаг.

Вся процедура действий была расписана по шагам. Заплатив необходимую сумму, я пошла в кабинет на аудиенцию к сидящей за толстым пуленепробиваемым стеклом женщине — консулу. Вышла я оттуда в прекрасном расположении духа, на лице моем играла довольная улыбка, а глаза весело блестели. Увидев такое обилие нескрываемой радости на моей физиономии, Алекс помрачнел.

— Ну, как? — спросил он, кисло, глядя на меня.

— Все в порядке! Поехали, посмотрим расписание самолетов.

— Не может быть?! — это слетело с его губ раньше, чем он успел прикрыть ладонью рот.

— Может, может, — смеясь, ответила я. — Через день обещали оформить визу. Разве ты не рад? Я улечу, и не буду мешаться у тебя под ногами. Так что давай бронируем мне билет на подходящий рейс, не откладывая это приятное занятие в долгий ящик.

Я подарила ему полный лукавых искр взгляд, не без удовольствия заметив игру желваков на его каменном лице. Алекс тихо бесился, недовольный происходящим. Вместо того чтобы поехать уточнять расписание, Северин в полном молчании привез меня домой, заявив у самого подъезда, что узнать время отлета он может и по телефону. Мне было смешно наблюдать за его странной реакцией. Более того, хмурость, не исчезавшая из глаз собеседника, откровенно льстила моему самоллюбию. Мужчина не хотел меня отпускать, это радовало. Наконец-то он передумал устраивать мои отъезды из Москвы. Наоборот, подобные вещи теперь его злили. Я победоносно улыбнулась, размышляя об этом. Северин же по-прежнему напоминал грозную тучу, готовую в любой момент разразиться громом.

— Что все-таки повлияло на столь резкую перемену твоего решения? — спросил Алекс, когда мы оказались в квартире. — Неужели ты так сильно хочешь увидеть Роберта?

— Конечно! Он милый, и мне с ним приятно общаться, — невинным тоном сообщила я, сдерживая смех. — К тому же в Нью-Йорке моя любимая бабушка. Короче, там собрались все люди, которых мне на данный момент очень не хватает.

Его бледная кожа приобрела зеленоватый оттенок, а глаза превратились в щелки:

— Вот как? По всей видимости, я к только что перечисленной категории отношения не имею?

Я согнулась пополам, давась от нахлынувшей волны веселого хохота.

— И что здесь смешного? — обиженно процедил Алекс.

— Твое отношение к моему отъезду.

— То есть?

— Ты совершенно не рад.

— Отчего же, я просто счастлив, — саркастически заявил мужчина, складывая на груди руки. — Моя головная боль в ближайшие несколько дней приобретет международный

масштаб.

— Как это? — я перестала хохотать, недоуменно уставившись на собеседника.

— Обыкновенно, теперь ты будешь создавать проблемы в Штатах, а мне придется думать над их решением, находясь здесь, — его голос был ядовитым, глаза холодными и злыми.

— Значит, я доставляю тебе много хлопот? — меня захлестнул едва скрываемый прилив гнева.

— Достаточно, чтобы свихнуться на этой почве, — он испепелял меня надменным взглядом, криво улыбаясь.

— Тогда побереги свое драгоценное здоровье! Я немедленно уйду из твоего дома и... из твоей жизни! — мои слова были похожи на рычание, вырвавшееся из груди разъяренного дикого зверя.

Повернувшись к обидчику спиной, я резко зашагала в направлении зала, намериваясь собрать необходимые вещи. Мне было совсем невесело. Я только что поняла, как сильно мешаю человеку, к которому успела привязаться за эти дни. Он стал для меня больше, чем деловой партнер. Я видела в нем не только союзника, но и хорошего друга, подаренного мне волей случая. И мне хотелось думать, что для него я тоже что-то значу. Как выяснилось, в моем лице он видит лишние проблемы и только. Я была так сильно расстроена, что боялась, как бы подступившие к горлу слезы не закапали на трясущиеся от нервного напряжения руки, выдав на всеобщее обозрение мое внутреннее состояние. Правда, обозреть его, кроме вошедшего следом Алекса, было не кому. Но в глазах именно этого зрителя, я хотела выглядеть спокойной и решительной, а не угрюмой и подавленной.

— Элис, ты никуда не пойдешь! — вырвав из моих рук пакет, заявил Северин, насильно усаживая меня в кресло.

— Я не Элис! И я пойду туда, куда сочту нужным, — прошипела я, скрывая под злостью слезы.

— Ты останешься здесь. Со мной, — голосом, не терпящим возражений, проговорил мужчина, грозно глядя на меня сверху вниз. — Я устал от твоих выходок!

— А я устала от тебя!

Мне казалось, что наши скрещенные взоры способны высечь огонь на месте своего пересечения. Напряжение росло, наполняя искрами воздух. Александр стоял в надменной позе, застыв, как каменное изваяние. Я же вжалась в спинку кресла, исподлобья рассматривая противника.

— Правда? — язвительно осведомился он. — А от кого ты не устала? От Ларина? Или у тебя нынче новый фаворит — Роб?

— Скажи честно, Алекс, — я говорила тихо, но сердито, — ты ревнуешь меня к Фэа или его ко мне?

— Я никого не ревную! — повысив голос, воскликнул мужчина. — Меня просто бесит то, что ты липнешь ко всем мужикам подряд.

— Ого! — от такого заявления мне стало дурно, я едва не потеряла дар речи от пережитого шока. И он после этого пытается говорить, что ревность здесь ни при чем?

— Чем вы вчера занимались на кухне, пока я говорил по телефону?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Меня пробрало на "хи-хи". Истерические смешки с завидной частотой слетали с искривленных странного вида улыбкой губ.

— Я задал вопрос, — грозно проговорил Северин, поставив руки на подлокотники кресла и наклонившись ко мне. Его лицо оказалось совсем рядом. Я могла рассмотреть потемневшие синие глаза, сердито глядевшие из-под сдвинутых тёмных бровей. На его скулах играли желваки, губы были сжаты, а на высокий лоб упала пепельная прядь, отбросившая густую черную тень на и без того мрачную физиономию собеседника.

— Он нагадал мне большую любовь, — пробормотала я тихо.

— И для этого надо было гладить твои руки?

Мои губы нервно дернулись, расплываясь в улыбке. Я только что стала жертвой самой натуральной ревности, хоть Алекс и отказывается это признавать.

— Может, ему нравилась моя ладонь? — парировала я, чувствуя, что настроение повышается.

— Мне тоже нравятся твои ладони, но я же не начинаю их ласкать.

— Тебе нравятся мои руки? — я посмотрела на свои кисти с длинными тонкими пальцами, ногти которых были покрыты густым бордовым лаком. — Приятно слышать.

— Элис, прекрати ловить меня на словах, — тяжело вздохнув, произнес мужчина. Он перестал злиться, теперь в его тоне звучали грустные нотки. — Ты хотела забронировать билет...

— Я передумала, — не отрывая взгляда от собственного маникюра, спокойно сказала я.

— Что?! — собеседник взревел, точно тигр. — Если ты не перестанешь так беспечно себя вести, то вообще никуда не поедешь!

— Я знаю, — невинно вскинув свои длинные густые ресницы, ответила я мягко.

Он нахмурился, в глазах появился немой вопрос, а руки напряглись, впившись пальцами в несчастное кресло с еще большей силой. Решив, что пора поставить все точки над "и", я спокойно начала:

— После того, как консул услышал мою блестящую речь, шансы на получение визы стали равны нулю. Так что мне попросту отказали.

— И что же ты сказала? — осторожно поинтересовался Северин, переваривая новость.

— Тебе в подробностях?

— Да.

— Ну... я сообщила ей о своем страстном желании попасть в Америку, чтобы выйти замуж за иностранца и сесть на шею государству, нарожав кучу детей.

Алекс застонал, бессильно опускаясь на пол, где уселся, держась за голову. Я же пребывала в великолепном расположении духа, довольная произведенным моим рассказом эффектом.

— Не переживай ты так, — нежно прошептала я, наклонившись к его уху, и положив руки на широкие мужские плечи, рельеф которых ощущала через тонкую ткань белоснежной рубашки. — Я исчезну сразу же после ареста Ларина, и у тебя больше не будет проблем, связанных со мной.

Он усмехнулся, погладив мою кисть, и рассеянно произнес:

— Боюсь, что я уже не смогу вести полноценную жизнь без этих самых проблем. Так что будь любезна, оставайся в поле зрения, Лара.

— Как пожелаете, сэр! — мне было приятно слышать его слова.

Значит, шанс на то, что мы останемся друзьями в будущем все-таки был. И, убедившись в его существовании, я испытала настоящую, неподдельную радость. Напряжение в комнате спало, как только мною были открыты все карты в игре под названием "Еду в Штаты". Алекс

расслабился, перестав сердиться и язвить.

Он сидел на полу возле моих ног, откинув голову на подлокотник кресла, и задумчиво смотрел на причудливый рисунок светло-кремовых обоев. Мы оба молчали, погружившись каждый в свои мысли.

— Слушай, — вдруг оживилась я, — как ты меня терпишь? Я же ужасный человек. И зачем тебе все это понадобилось?

Северин загадочно улыбнулся, повернув ко мне лицо.

— Ты на себя наговариваешь, Лисёнок. У тебя вполне нормальный характер, несмотря на некоторые его издержки. И потом... мне нравится с тобой общаться. Я совсем скис за эти два года одинокого существования на таком большом количестве квадратных метров. А теперь здесь есть ты. Любопытно. Ты такая живая, необычная...

— Ну, спасибо, — усмехнулась я. — Развлекаешься, значит.

— В некотором смысле, — честно признался он, — но учти, что я, действительно, очень хорошо к тебе отношусь.

— Взаимно.

Неужели в наших отношениях наступило просветление? Я так привыкла к постоянным мелким стычкам, что миролюбивый тон этой беседы казался мне каким-то чуждым и нереальным.

— Алекс, — начала я задумчиво, — расскажи мне о себе.

— Мечтаешь разгадать кроссворд? — скривив губы в улыбке, любопытно расспросил собеседник.

— Нет, хочу лучше познакомиться с тобой.

— И что ты хочешь знать?

— Ну, например, о твоей семье, о жене, о родителях, о новом отце. Ведь не вечно же ты был в Нью-Йорке, осталась какая-то часть тебя здесь?

— Боюсь, что нет, — мужчина помолчал, снова разглядывая обои. — Родители погибли, жена, скорей всего, тоже, а Северьян, который спас меня, подарив новое имя и новую жизнь, переехал ко мне за границу.

— А друзья? Сколько тебе было лет, когда случилась трагедия? — я не унималась, пытаюсь выудить у него побольше информации.

— Имеешь в виду мою смерть?

— Да.

— Двадцать один год.

— Ты где-нибудь учился? Чем ты, вообще, занимаешься тогда?

— Я был студентом МАРХИ, но это теперь совершенно не важно, — обрывая тему, заявил Алекс, хмурясь. — Это прошлое, и мне не хочется о нем вспоминать. Как говорил мой дорогой учитель — Владимир Павлович Шинко, нужно жить настоящим.

— А что еще он говорил? — усиленно соображая, где я могла встречать эту странную фамилию, спросила я.

— Что нужно поступать с людьми так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой, — чеканя каждое слово, ответил он.

— Значит, если бы тебе довелось оказаться на месте Славы, ты был бы счастлив попасть в тюрьму, благодаря чьей-то помощи? — прищурившись, любопытно расспросила я, наблюдая за

реакцией собеседника на свой вопрос.

— Если бы я творил такие ужасные вещи, как он, было бы неплохо кому-нибудь помочь мне остановиться, — спокойно парировал Северин, подарив мне многозначительный взгляд.

— Понятно, — улыбнулась я невинно. — Ты очень благороден.

— Стараюсь по мере возможностей, — Алекс усмехнулся. — А ты чрезвычайно любознательна, Ларочка.

— Я тоже стараюсь.

Мы посмеялись немного, потом он предложил посмотреть телевизор, дав мне понять тем самым, что на сегодня беседа закончена, во всяком случае, на эту тему. Я вздохнула, смирившись с таким положением дел. Когда наступил вечер, и я осталась в комнате одна, в моей голове снова возникло странное имя — В.П. Шинко. Где я могла его слышать или, может, видеть? Мысли, перебивая одна другую, выдвигали все новые предположения, но ни одно из них не соответствовало действительности. Наконец, перебрав события всей моей московской жизни, я радостно воскликнула, позабыв, что в доме не одна:

— Эврика!

Услышав свой собственный голос, я прикрыла ладонью рот, сообразив, что превысила допустимый звуковой барьер. Мучившие меня весь остаток дня Ф.И.О, я имела честь созерцать на обложке прекрасно оформленного учебника по фотографии, который попался мне на глаза в книжном магазине, недалеко от офиса Ларина, где я заговаривалась кнопками. Эту книжку смотрел стоящий в очереди передо мной мужчина, а я, от нечего делать, искоса разглядывала красочную обложку. Значит, некий Шинко пишет книги... Все сходится! Алекс когда-то говорил, что занимается фотографией, вполне возможно, что тот учебник написал никто иной, как его дорогой учитель. Но... надо все проверить. И чем скорее, тем лучше. А вдруг мне удастся узнать что-нибудь интересное, купив пособие для начинающих фотографов? Там ведь может быть и биография автора...

Мне хотелось действовать немедленно, но говорить об этом Северину я не собиралась. Осторожно выяснив у него перед сном о планах на завтрашний день, я с удовольствием отметила, что дома мужчины не будет. Александр собирался с утра навеститься в "Афродиту", а потом поехать к Ларину, чтобы узнать, как дела с кредитом. Его нисколько удивило мое желание остаться дома, но выяснять причину такой пассивности собеседник не стал. Он предупредил, что в одиннадцать часов утра придет Анюта, я радостно кивнула на эти его слова, и удалилась к себе. В моей голове рождался план предстоящих действий. Поглощенная им, я даже забыла о том, что завтра у хозяина квартиры день рождения. Достав из тумбочки, где лежали мои вещи, белый парик, я с удовольствием отметила, что он великолепно выглядит. Зачем же пропадать такой красоте, нужно непременно его надеть. И сделать это лучше всего с утра. С такими деятельными мыслями я завалилась спать, решив во что бы то ни стало осуществить задуманное.

Аннушка появилась ровно в одиннадцать, разбудив своим приходом меня. Я быстро встала, умылась и, надев джинсы, отправилась к зеркалу краситься. Когда на моей голове появились роскошные белые волосы, домработница удивленно воскликнула:

— Ларочка, ты стала совсем другой! Как интересно это наблюдать.

Я усмехнулась в ответ, беря в руки приготовленный рюкзак.

— Стараюсь быть переменчивой. Кстати, Вы не откроете мне дверь, а то ключ у Алекса?..

— Пожалуйста, — она отворила замок и посторонилась, пропуская меня на лестничную

площадку. — Только как ты попадешь обратно?

— Думаю, к моему возвращению хозяин уже будет дома.

Я быстро сбежала вниз, боясь встретить Северина на лестнице. Но, к счастью, его там не было, и я беспрепятственно вышла на улицу. Было тепло, но легкий ветерок говорил о том, что лето постепенно идет на убыль. Я искренне порадовалась данному факту, так как париться на солнце совсем не хотелось. Еще будучи в метро, я твердо решила, что не пойду мимо офиса Славика, чтобы, не дай Бог, не напороться на Северина. Поэтому, избавив себя от созерцания светло-серой "Шеврале", я вскоре очутилась в заветном магазинчике, где, на мою удачу, еще продавались учебники Шинко. Купив себе один экземпляр, я принялась его жадно рассматривать, всем сердцем мечтая, чтобы на последней или на первой странице оказалась биография автора.

Мне повезло, информация о профессоре архитектуры, коим являлся человек, написавший эту книгу, располагалась вначале, как предисловие. Прикинув в уме его возраст, по указанной дате рождения, я поняла, что Шинко, по меньшей мере, лет семьдесят. Последние годы он преподавал в МАРХИ. Работает ли он сейчас там, я не знала. Быть может, его, вообще, уже нет в живых. Но эта мысль мне не нравилась и, решив быть оптимисткой, я двинулась в сторону метро, чтобы добраться до Кузнецкого моста, где располагалась Архитектурная академия.

Вероятнее всего, Владимир Павлович занимался фотографией помимо своей основной профессии. Мне было интересно о нем узнать как можно больше, а заодно попробовать разведать немного о его некогда пропавшем ученике.

В здание МАРХИ пускали только по студенческим. Такого оборота дел я, увы, не предполагала. Надо было что-то срочно предпринять, но вот что?.. Вспомнив о том, что я из Питера, моя голова разработала быстрый план. Авось, повезет. На вахте я сделала невинные глаза, сообщив, что я студентка ЛИСИ, приехала узнать о поступлении в аспирантуру. Пришлось даже позвонить какой-то даме, занимающейся этими вопросами. Но зато меня пропустили. Опросив несколько человек, я, наконец, нашла необходимую мне кафедру.

Шинко, действительно, здесь работал и по сей день, но сегодня у него не было занятий, поэтому я пролетала, "как фанера над Парижем". Однако отступать не хотелось, и, отловив в коридоре какую-то женщину, я пристала к ней, стараясь выяснить телефон интересующей меня персоны. Пришлось рассказать целую басню о том, что я прибыла издалека и собираюсь просить Владимира Павловича стать руководителем моей аспирантской работы. После довольно долгих уговоров собеседница все-таки сдалась и нацарапала на маленьком желтом листке заветные семь цифр.

— Алло, — проговорил в трубку глухой мужской голос. — Слушаю Вас.

С этих слов началось наше с профессором знакомство. Он, выслушав сбивчивую попытку объяснений о том, кто я такая, благодушно позволил мне приехать к нему, чтобы разъяснить данный вопрос при встрече. Жил Шинко не очень далеко от центра, но поиски его дома заняли достаточно много времени, так как я умудрилась перепутать корпуса. Когда я оказалась на пороге его квартиры, вид у меня был совершенно измученный. Дверь открыла невысокая, худощавая старушка, напомнившая мне бабушку. Это была Галина Сергеевна — жена профессора. Она ласково приняла меня, приглашая войти. В коридоре их небольшой уютной квартиры появилась высокая фигура укутанного в длинную седую бороду старика. Он внимательно посмотрел на меня своими живыми серыми глазами и мягко улыбнулся в густые белые усы.

— Так это Вы звонили мне сегодня, девушка?

Я утвердительно кивнула, очарованная его излучавшей некий невидимый свет внешностью.

— И что же Вас сюда привело? — приглашая меня в комнату, осведомился собеседник.

Галина Сергеевна ушла на кухню ставить чайник, она была, как мне показалось, очень гостеприимной женщиной. На выдвинутом ею журнальном столике начали быстро появляться всякого рода вазочки и розетки, наполненные аппетитно пахнущими вареньями.

Я с интересом озиралась по сторонам, восхищенно разглядывая висящие на стенах фотографии. Они были аккуратно оформлены белыми паспорту и располагались в каком-то не понятном, но очень грамотном ритме. Снимки поражали своей красотой и качеством. Я еще никогда не видела фото такого высокого уровня, разве что на обложках импортных журналов, но и они сильно уступали произведениям, украшавшим этот дом.

— Ну, так что послужило причиной Вашего визита, э — э... — он замялся, не зная, как ко мне обратиться.

— Лариса, — подсказала я, продолжая изучать снимки на стенах.

— Да, Ларочка, — подтвердил Владимир Павлович, вероятно, вспомнив, что я уже представлялась ему по телефону.

— Изначально, — задумчиво рассматривая фотографию великолепного, стремительно летящего над чистым зеленым полем оленя, — Ваш учебник, потом — Ваша фамилия, а теперь понимаю, что к данному перечню добавилось и Ваше удивительное искусство.

Собеседник улыбнулся, с удовольствием выслушав мой искренний комплимент.

— Это хобби, — немного смущенно пояснил он.

— Хобби, доведенное до профессионализма, — уверенным голосом добавила я. — Здесь все Ваши работы?

— Практически, — Шинко поднялся с дивана, на котором сидел, и подошел к фотографиям, на которых застыли в динамичном прыжке две гибкие рыси. — Это кадры моего ученика, — в его тоне послышалась грусть. — А, вообще, у меня очень много различных снимков. Они в кладовке пылятся.

— Почему?! — на моем лице отразилось неподдельное удивление. — Разве Вы их не отправляете на выставки? Люди должны видеть такую красоту.

— Раньше так оно и было, но сейчас без спонсорского кармана организовать подобные экспозиции сложно, — старик кашлянул, стараясь этим скрыть горечь, звучавшую в его словах. — Я хотел бы выставить свои многолетние работы к юбилею, но, видимо, не получится. Данное мероприятие даже профессору не очень-то по карману. К тому же некому этим вопросом заниматься.

— А когда у Вас день рождения? — поинтересовалась я осторожно.

— Через неделю, Лара, мне стукнет уже седьмой десяток.

Я внимательно посмотрела на него. В источенном многочисленными морщинками лице старика было столько живой, чистой энергии, что ему могли бы позавидовать даже двадцатилетние студенты. Передо мной стоял творческий человек, возраст которого, наверняка, застрял навечно на отметке семнадцати лет. А стареющее тело... разве это показатель, когда душа полна жизненных сил?

— Вы что-то говорили про своего ученика? — мягко начала я, меняя тему. — Он тоже архитектор?

— Нет, Кирилл мог бы стать им, но судьба сложилась иначе... — собеседник тяжело опустился на прежнее место, бросив печальный взгляд на фотографию с рысью.

— Как?! — воскликнула я опрометчиво, но слово — не птица, вылетело — не вернешь.

Владимир Павлович внимательно посмотрел на меня.

— Это важно? — спросил он негромко.

— Возможно, да.

— Так "да" или "возможно"?

— Да.

— Ну, хорошо, — Шинко вздохнул. — Кирюша — мой студент, часто бывал у меня дома, нас объединяла страсть к фотографии. Я многому научил его, а он, в свою очередь, помог мне понять некоторые вещи. Но это, впрочем, совсем не важно. Его жизнь переменялась после гибели родителей и женитьбе на пострадавшей в аварии девушке...

Услышав такие подробности жизни человека, о котором мне рассказывал собеседник, я медленно сползла вниз, где, на мое счастье, оказался обтянутый бордовой тканью стул. На него то я и опустилась, бессильно свесив вдоль тела ослабевшие руки. Неужели интуиция меня не подвела, и сейчас я слышу об Алексе от его старого учителя? Хотя... почему тогда Кирилл? Или это его настоящее имя?

— А на четвертом курсе он попросту исчез, как в воду канул, оставив мне большую часть своих работ. Я пытался разыскать парня, но все было бесполезно.

Лицо профессора посерело от болезненных воспоминаний. Глаза потухли, а морщинки на лбу стали еще отчетливей.

— Чай, — входя в комнату, сообщила его жена. В руках женщины находился расписной поднос, на котором стояли дымящиеся кружки. — Сейчас принесу печенье.

Она вновь удалилась, и вокруг воцарилась тишина.

— Это ведь случилось шестнадцать лет назад? — робко проговорила я, с надеждой глядя на собеседника.

— Вы правы, — он удивленно уставился на меня. — Но, откуда?..

— О-о-о, — протянула я, — это длинная история. Но есть еще вопрос.

— Задавайте.

— У Вас не сохранились фотографии самого Кирилла, я имею в виду его лицо?

Старик покопался в шкафу и достал оттуда толстый серый альбом. Пролистав несколько страниц, он ткнул пальцем в веселого молодого парня лет двадцати, в руках которого был старенький "зенит", а на темноволосой голове красовалась широкополая соломенная шляпа. Снимок оказался черно-белым и чуть-чуть засвеченным, как говорится, сапожник без сапог. Узнать в этом жизнерадостном лице, смотрящем на меня с фото, Алекса, было сложно. Я даже начала сомневаться в своей догадке, но факты говорили сами за себя.

— А какая у него была фамилия? — поинтересовалась я задумчиво.

— Панфилов, — Владимир Павлович смерил меня взглядом. — Ну, теперь Вы расскажите мне, что Вам известно о Кирюше?

— То, что он жив и здоров, если мои предположения верны. Но сначала я хочу все проверить.

Мое заявление осветило бородатую физиономию Шинко такой радостью, что он едва не подпрыгнул на диване, несмотря на тяжесть фигуры и семидесятилетний возраст.

— Но Вы не должны об этом никому говорить, — испугавшись его реакции, пробормотала я быстро.

— Конечно! — ответил искрящийся счастьем собеседник.

— А вот и печенье! — раздался веселый голос Галины Сергеевны.

Мы пили чай с многочисленными кулинарными творениями этой очаровательной старушки. Разговоры за столом велись обо всем на свете, но не касались личности Кирилла. Пожилая пара приняла меня, как собственную дочь, которая у них, кстати, была и сейчас проживала в моем родном городе, тоже занимаясь преподаванием, как и ее родители. Время пролетело быстро, за окном начало темнеть. Поблагодарив чету за гостеприимство, я начала собираться домой, пообещав профессору снова заглянуть на днях. Обувая в прихожей туфли, я услышала за спиной громкий звонок в дверь. Оказалось, что пришла соседка. Она тоже была немолода, но, в отличие от жены Шинко, ее фигура отличалась крупными габаритами. На полном лице женщины лежала печать расстройств.

— Что с тобой, Машенька?! — всплеснув руками, поинтересовалась Галина Сергеевна.

— Не знаю, как мне быть? — тяжело вздохнув, ответила соседка. — Наш лысый кот угробил любимую Мишину вазу. Наверное, придется усыплять паразита, иначе он все перебьет в доме.

— Вы решили убить кота? — я побледнела. Кошки всегда были моей слабостью, а тут такие речи... — Если хотите, я заберу его у вас.

Это решительное заявление привлекло ко мне внимание собеседниц. Обе с удивлением хлопали глазами, пытаясь понять, не шутка ли это?

— Девочка, он очень, очень... э-э-э... характерный, — пробормотала Машенька, глядя на меня с состраданием. — Вы не представляете, кого собираетесь взять.

— Ничего, — я улыбнулась. — Зато я знаю, кому его подарить! — в моих глазах запрыгали веселые искорки. — Поверьте, Ваша киска будет счастлива приобрести такого хозяина.

— А он?

— Он — тоже. Судя по Вашим словам, характеры у них, абсолютно, идентичные.

Обрадованная моим предложением, женщина пулей выскочила из квартиры, а через минуту вернулась, держа в руках нечто невероятное. Кот был серый, почти лысый и, по всей видимости, породистый. Наши с ним зеленые глаза встретились. Мои, более темные, смотрели с интересом, его, с желтым пятном посередине зрачков — с осторожностью. Я заплатила отнекивающейся соседке пятьдесят рублей и забрала покупку, усадив шипящее создание в предложенную мне женой Шинко сумку.

— Его зовут Тайфун, — сообщила на прощанье бывшая владелица. — Вы его только кормите, ладно? А то ведь жалко. Он нам по знакомству достался от кошки подруги. Говорили, будто сфинксы очень умные, а вот то, что они заразы порядочные, никто и словом не обмолвился...

Уже было около одиннадцати часов вечера. Я шла по ночному городу, таща в сумке вопящий подарок для Алекса. Наконец-то я вспомнила о его дне рождения. Интересно, что ждет меня дома? Надеюсь, разборки из-за неожиданного исчезновения не закончатся трагично. Тем паче, у меня для Северина есть сюрприз, который я собираюсь ему торжественно вручить. Вот только, что думает на этот счет сам сюрприз? Сев в метро на практически свободную скамью, я достала кота и, прижав его к груди, начала успокаивать.

— Ну что, Тафочка, теперь мы будем жить с тобой вместе, — глядя тощее серое создание, нашептывала я в его большое треугольное ухо. — И как ты только выносил своих прежних хозяев? Надо же, придумали усыпить животное! Не мудрено, что ты, малыш, с ними

не ладил.

Он успокоился, пригревшись, и тихо замурлыкал, почувствовав мое расположение. Длинные коготки от приятных эмоций выпускались из мягких черных подушечек с завидной частотой.

— Эй, серый тигренок, прекрати царапаться, — ласково сказала я, пытаюсь разнять мою одежду и его острый коготь, которые сцепились намертво.

Возле подъезда Алекса я оказалась без пяти двенадцать. На улице было совсем темно, со скамейки во дворе слышался смех и голоса гуляющей молодежи. Набрал номер квартиры, я принялась ждать. Наконец, мне ответили. Голос мужчины напоминал шипение, когда он произнес три коротких слова:

— Элис, это ты?

— Да.

Дверь, запиликав, открылась. Я поднималась на третий этаж, прижимая к сердцу серый пятимесячный комок, который, согревшись в моих объятьях, задремал, напевая нежную кошачью песенку. Шла я, как на плаху, чувствуя, что без скандала сегодня не обойдется.

— Тебе не идут белые волосы, — сквозь зубы процедил стоящий в дверях именинник.

Его синие глаза были ледяными и хмурыми. Внешне он казался спокойным, но я ощущала каждой клеточкой своего озябшего от "теплого" приема тела, что Алекс в бешенстве. Молча войдя в квартиру, я торжественно протянула ему недовольного ранним пробуждением Тайфуна и громко сказала, чеканя каждое слово:

— Поздравляю тебя с днем рождения, Кирилл!

Он протянул было руку, чтобы взять извивающийся подарок, но вдруг остановился, одарив меня взглядом, в котором было намешано великое множество противоречивых эмоций.

— Как ты назвала меня, Лариса? — проговорил собеседник тихо.

— Кирилл Панфилов, я буквы не перепутала? — моя интонация была веселой, выражение его лица — траурным.

— Кажется, я недооценил твою страсть к кроссвордам, девочка.

"Ура! — мысленно воскликнула я. — Точное попадание в цель! Александр и Кирюша, действительно, одно лицо".

Северин взял, наконец, несчастного кота, который, устав выворачиваться, принялся жалобно пищать, пытаясь достать лапой с распростертыми когтями до воротника мужской рубашки. Оказавшись на плече нового хозяина, Тафа решительно занялся исследовательской деятельностью, сунув первым делом свою усатую морду в гладко выбритое лицо моего друга.

— Его зовут Тайфун, — осторожно пролепетала я, заглянув в синие холодные глаза. — Ты не рад?

— Откуда маленькая, не знающая Москвы женщина, смогла узнать то, чего не знает никто? — прорычал Алекс, отдирая быстро освоившийся подарок от своей шеи. — И где ты откопала этого кровопийцу?

— Там же, где и твое имя, милый, — загадочно улыбаясь, сообщила я. — Кстати, может, все-таки пройдем в комнату, или я сегодня в качестве наказания ночью в прихожей?

Он сделал широкий жест свободной от кота рукой, приглашая меня войти. Я быстро скинула туфли и двинулась в зал. Представшая моему взору картина меня ошарашила. На небольшом журнальном столике стояли две бутылки красного вина, ваза с фруктами и два столовых прибора. А еще там были три длинные свечи в деревянном резном подсвечнике, которые уже наполовину догорели.

Мне стало стыдно и больно из-за своего непростительного поведения. Как я могла так поступить с ним? А ведь все это время Алекс ждал меня...

Мужчина прошел мимо и опустил в кресло, продолжая бороться с чрезвычайно ползучим подарком, который молча обнюхивал хозяина, намериваясь влезть ему на голову. Я в растерянности переводила взгляд с сервированного столика на именинника и обратно.

— Прости, что задержалась, — прошептали мои губы тихо.

— Я прощу тебя за то, что ты ушла, — хмуро ответил собеседник. — Если, конечно, ты объяснишь мне причину подобной выходки. И сними, пожалуйста, этот дурацкий парик, — раздраженно добавил он, скривившись.

Я выполнила его просьбу, которая больше походила на приказ.

— А теперь говори, — сказал Северин, когда моя прическа стала естественной, хоть и запутанной, потому что под рукой не оказалось расчески.

— Я видела твои фотографии с двумя рысьями, — тихо начала я, виновато глядя на его каменное лицо.

— Ты была у Шинко, — простонал он, прикрывая глаза ладонью. — Зачем?

— Чтобы узнать о тебе то, о чем ты мне говорить не хочешь! — гордо вздернув подбородок, объявила я. — Почему ты сам не навестил старика?

— Это прошлое, когда умер я, не стало и его! — ледяным голосом произнес Алекс, глядя куда-то мимо меня.

Я разозлилась. Он пытается отстраниться от того, что является его неотъемлемой частью. Но ведь так нельзя. Думая о себе и своих чувствах, мой собеседник забывает о том, что и Кирилл кто-то любил, и этот кто-то до сих пор помнит его.

— Нет, дорогой, это не прошлое, это твой страх перед встречей с ним, — процедила я, подавшись вперед.

— Ты меня обвиняешь в трусости? — темные брови взмыли вверх, изобразив удивление.

— Нет, в эгоизме!

— Но почему?

— Потому, что Владимир Павлович достойный человек, и он вправе знать, что ты жив, — я саркастически усмехнулась, заводясь все сильнее. — А знаете ли Вы, мистер "Инкогнито", что Ваш старый добрый учитель не может позволить себе к юбилею открыть собственную выставку, потому что не имеет на это достаточных средств? Нет, Вы не знаете, Вам просто наплевать! Вы не хотите набрать семь коротких цифр и спросить у него: "Как дела?" Вам это, совершенно, безразлично. Так кто Вы после всего перечисленного, не эгоист, уважаемый Александр, или, может, Кирилл?

Выслушав мою тираду, мужчина негромко проговорил:

— Он мечтает о выставке?

Я бессильно опустилась на край дивана, ну неужели лед тронулся, и в глазах собеседника появилась заинтересованность?

— Да. Ты хочешь ему ее подарить?

— Я над этим подумаю, — Алекс усмехнулся, в его голосе не было больше раздражения, он стал мягким и вполне дружелюбным. — Кстати, не одолжишь ли ты мне номер телефона Шинко?

— С удовольствием, — я так обрадовалась его словам, что тут же полезла искать желтый листочек с заветными цифрами. — Вот!

Собеседник взял бумажку и спрятал ее в нагрудный карман. Потом он снял с плеча кота и пустил его на пол осваивать новую территорию, чем Тафа тут же и занялся.

— Ну а теперь, может, все-таки отпразднуем мои тридцать восемь лет, Элис?

Я улыбнулась, разглядывая его осунувшееся, усталое лицо. Как подло было с моей стороны уйти сегодня, не предупредив о своем решении и даже не позвонив имениннику в течение дня. Мне стало досадно. Хотелось загладить грехи, но, как это сделать, я, увы, не знала.

— Могу я чем-нибудь помочь? — подарив мужчине робкий взгляд из-под опущенных ресниц, поинтересовалась я.

— Да. Переоденься, пожалуйста.

— Во что?! — я опешила от неожиданности.

— В свое изумрудное платье. Я хочу, чтобы сегодня ты одела его для меня, а не для этого мерзавца Ларина.

Весьма исчерпывающий ответ. Я быстро поднялась, достала из шкафа вечерний наряд и пошла в ванную. Но дойти до туда не смогла, так как в голову пришла одна очень важная мысль.

— Алекс, — возвращаясь в комнату, объявила я, — наш кот, то есть твой кот, остался без еды и туалета. Нужно срочно что-нибудь придумать.

Он тяжело вздохнул, подходя ко мне.

— Послушай, девочка-батарейка, когда же у тебя, наконец, кончится заряд? — пробормотал Северин, но, поймав мой сердитый взгляд, примирительно добавил. — Хорошо, я пошел в круглосуточный магазин за кошачьей едой.

— Вот так-то лучше, — довольно улыбаясь, сказала я и снова зашагала в ванную.

— По всей видимости, до моего дня рождения сегодня очередь не дойдет, — вздохнув, заметил собеседник, когда обувался в прихожей.

— Ничего, ночь длинная! — крикнула я ему весело.

Мои опасения не оправдались, и большой скандал, которого я ожидала, на поверку оказался маленькой стычкой. Это радовало, а еще меня вдохновлял интерес Александра к выставочной проблеме старого профессора. К тому же в доме теперь появился новый жилец, усердно изучавший расположение комнат, медленно пробираясь из одного угла квартиры в другой. Тайфун не производил ни звука, сосредоточенный на исследовательском процессе. Его хвост мягко покачивался, а лапы были полусогнуты, отчего поза казалась настороженной, хотя в желто-зеленых глазах уже успело появиться хозяйское выражение.

Я надела открытое платье и тщательно расчесала волосы, откинув их назад, но тонкие непослушные пряди продолжали спадать на лицо. Слегка освежив макияж, я особенно тщательно подвела бордовой помадой губы. Последний штрих заключался в обновленных на вечеринке в баре туфлях, которые я надела, решив, что без них наряд выглядит незаконченным.

Северин вернулся довольно быстро. Когда я появилась в коридоре, у Тайфуна уже была миска, полная корма, и еще какие-то велюровые мышки, которые он с интересом рассматривал.

— Ты очень красивая, Лара, — окинув меня оценивающим взглядом, проговорил мужчина.

— Спасибо! — я улыбнулась. — Ну, так мы будем праздновать, или как?

Алекс очень быстро накрыл на стол, расставив по его небольшой поверхности все то, что он собственноручно приготовил в мое отсутствие. Усадив меня на диван, именинник выключил свет, отчего комната погрузилась в загадочный полумрак. Пламя свечей весело плясало, освещая оранжевым светом наши лица. Яркие блики играли на темно-красных

бутылках, то и дело перескакивая на таинственно мерцающие фужеры. Обстановка была романтическая и очень приятная. Мне хотелось обнять весь мир, поделившись с ним счастьем, которое я сейчас испытывала. Все вышло как-то странно... не я сделала Северину сюрприз, а он мне. Так у кого же сегодня день рождения?..

— Давай выпьем за тебя, — подняв сверкающий фужер, предложила я. — И за то, чтобы у тебя впереди было много, много хорошего.

Он поддержал тост, залпом осушив бокал.

— Лисёнок, как тебе удалось улизнуть? — приступив к еде, спросил собеседник.

— Может, не сегодня? А то опять поругаемся, — пробормотала я, с надеждой глядя на него. — Просто, когда приходила Аня, я ушла, вот и весь секрет.

Он кивнул, то ли потому что понял, то ли потому, что согласен не поднимать эту тему разговора за столом. А, возможно, имелись в виду обе эти причины одновременно. Мы еще немного выпили. Голова моя начала кружиться, ведь за весь день, кроме чая с вареньем, выпитого у Шинко, во рту у меня ничего не было. А вино на голодный желудок быстро пьянит.

— Хочешь, я включу музыку? — сказал Алекс негромко, вопросительно посмотрев на меня.

— Но ведь здесь нет магнитофона? — пожалала плечами я, непонимающе моргая.

— Уже есть, — он усмехнулся, — Я принес его из кабинета.

Вскоре зал, помимо загадочного полумрака, наполнился еще и мелодичной музыкой, имевшей таинственный окрас. В компании со сладким тягучим вином все эти эффекты окончательно вскружили мне голову. Я почувствовала, что пьяна. Настроение было веселым, ужин вкусным, а именинник вежливым и обходительным. Короче, не вечер, а сказка, волшебство которой с каждой минутой все сильнее овладевало моим сердцем.

— Так приятно, — честно призналась я. — Вот уж не думала, что ночь начнется столь необычным способом.

— А чего ты ожидала? — Северин мягко улыбнулся, глядя на меня поверх своего фужера.

— Скандала, — переходя на шепот, ответили мои блестящие бордовые губы.

Он засмеялся, откинувшись на спинку большого уютного кресла. По его бледному лицу скользили тени, придавая внешности мужчины какой-то загробный вид. Мне даже показалось, что я ужинаю с вампиром, так необычен был его облик.

— Мудро, — отсмеявшись, подтвердил Алекс. — У меня были мысли придушить тебя на месте, когда ты, наконец, появишься, если, конечно, появишься... — он замолчал, помрачнев.

— Я бы обязательно пришла, просто мне нужно было кое-что сделать, так что не надо хмуриться, ладно? — скороговоркой выпалила я, виновато глядя на того, чье настроение несколько подпортилось, судя по его сдвинутым на переносице бровям.

Выходит, что угроза ссоры все еще висит над моей головой, надо быть осторожней с высказываниями.

— Может, потанцуем? — решив сменить тему, предложила я.

Собеседник не возражал. Он медленно поднялся, протянув мне руку, на которую я с удовольствием оперлась, вставая. Его ладони опустились на талию, слегка прижав мое тело к нему. Он осторожно повел меня, кружа по большому пространству зала в такт медленной музыке, тихо игравшей в комнате.

— Я рад, что отмечаю свой день рожденья в твоей компании, Элис, — склонившись ко мне, проговорил мужчина тихо.

— Спасибо, — я подарила ему очаровательную улыбку. — Мне лестно слышать это от тебя.

Я смотрела на партнера, боясь перевести взгляд на окружающую обстановку, так как все вокруг бешено вращалось, стараясь увлечь меня в свой круговорот. Танец никак не хотел кончаться, а мои ноги передвигались с каждой последующей минутой значительно медленнее предыдущей. Наконец, мы остановились, замерев посреди комнаты. Я не решалась пошевелиться, не уверенная в том, что удержу равновесие.

— Алекс, кажется, я сейчас упаду, — предупредила я Северина, крепко вцепившись в рукава его белоснежной рубашки. — Наверное, не стоило танцевать?..

Он аккуратно придерживал мои плечи, всматриваясь в растерянное лицо, потом осторожно приподнял меня и отнес на диван, где усадил на прежнее место.

— Это от вина, — мягко проговорил именинник, лукаво глядя в мою сторону. — Ты такая забавная, когда пьяна.

Я сглотнула, стараясь привести хаотично порхающие в моем мозгу мысли в надлежащий порядок, но они совершенно не желали мне подчиняться.

— Вероятно, я выгляжу ужасно, — расстроено пролепетали мои губы, обиженно надувшись.

— Ты очаровательна, Лисёнок, — подбодрил он, смеясь, но меня это заявление мало утешило.

— Не надо издеваться, — пробубнила я себе под нос, начиная хмуриться.

— Я и не издеваюсь. Ты, действительно, мне очень нравишься, — весело отозвался Алекс, не отрывая от меня любопытных глаз. — И мне приятно за тобой наблюдать, Лара.

Я недоверчиво хмыкнула и... не удержав-таки равновесие, завалилась на диван. Упасть было несложно, а вот как подняться, я не имела ни малейшего понятия, поэтому продолжала лежать без движения, глядя в потолок, по которому кружили отблески пламени трех горящих свечей. Зачарованная хороводом светотеней, я не заметила, как подошел Северин. Он медленно сел рядом со мной и лукаво улыбнулся.

— Тебя укачало, не так ли, Элис?

— Да, — ответила я из положения лежа. — Буду очень признательна, если ты поможешь мне встать. Не понимаю, почему алкоголь так быстро подействовал?

— Не беспокойся, он так же быстро и выветрится, — успокоил меня собеседник. Его сильные руки в мгновение ока превратили положение моей спины из горизонтального в вертикальное.

— Извини, — сказала я виновато. — Кажется, мне сегодня на роду написано испортить тебе праздник.

— Ну почему же? — в потемневших глазах мужчины появилось загадочное выражение, разгадать смысл которого я была не в состоянии. — Все в полном порядке, Лисёнок. Хотя... если хочешь, можешь немного полежать.

— Если я лягу, то сразу усну, — честно призналась я. — А мне не хочется, чтобы вечер так быстро и так глупо закончился.

— А как ты хочешь, чтобы он закончился? — мягко поинтересовался Алекс, слегка наклонившись ко мне.

— Не знаю, — я попыталась отодвинуться, чувствуя неловкость от его излишней

близости. — Но, во всяком случае, не пьяным сном.

Именинник засмеялся, наливая себе вино. Он отпил глоток и задумчиво посмотрел на меня, будто пытался проникнуть в мой внутренний мир, чтобы узнать, о чем я размышляю. Но, в связи с хаотичным движением противоречивых мыслей в моей несчастной голове, ему это, вряд ли, удалось.

— Скажи мне что-нибудь, Лара, — попросил мужчина, не отводя от меня внимательных синих глаз.

— Я желаю тебе счастья, — проговорила я абсолютно банальную фразу.

— А еще?

— Еще желаю удачи.

— И только? — он хитро усмехнулся. Мое состояние, похоже, его развлекало.

— Нет, еще я желаю тебе побольше любви и доверия к людям, — совершенно серьезно произнес мой негромкий голос.

— Ответь, Лариса, что ты обо мне думаешь?

— Ну... ты интересный человек, умный, решительный, симпатичный, самоуверенный, самовлюбленный и эгоистичный, — пойдя на поводу у собственной пьяной болтливости, заявила я. — Но в целом, вполне, ничего.

— Довольно противоречивые характеристики, — улыбаясь, заметил Северин.

— А что ты думаешь про меня? — в свою очередь осведомилась я.

— Что ты просто прелесть! Настоящая находка для шпиона. Достаточно налить тебе пару фужеров вина, и можно узнать все твои мысли.

— Неправда! — я возмутилась.

— Вот как? И что ты от меня скрываешь?

— То, что я чувствую себя очень виноватой за свое сегодняшнее поведение, — выпалила я, как на духу.

— Ну, вот видишь, ты во всем призналась, — собеседник откровенно забавлялся, играя со мной, как кот с мышонком.

— Алекс! Прекрати ловить меня на словах! — я попыталась встать с дивана и перебраться в кресло, но он предусмотрительно удержал меня, усадив обратно. — Иначе я лягу спать.

— Ложись.

— Ну и лягу.

— Ну и ложись, — Северин едва сдерживал смех, наблюдая за мной из-под лениво опущенных ресниц. Меня начинало бесить его странное поведение, а особенно раздражало веселье, которое читалось на лице хозяина дома, рассыпаясь озорными искрами в его синих, как небо, глазах или играя в уголке криво растянутых губ. Что он о себе возомнил? Тоже мне, психолог нашелся! Думает, что над слабой женщиной можно издеваться?

— В таком случае, — я гордо посмотрела на Александра. — Убирайся из этой комнаты!

— Ох, ты! — иронично произнес собеседник. — А девочка-то сердится.

— Ну, все! — мое терпение лопнуло. Собрав в кулак остатки самообладания, я зло процедила. — Ты явно нарываешься на ссору. Мне надоело играть роль лабораторной крысы, поэтому лучше уйди, иначе я опрокину на твои чистые брюки фужер, как ты позавчера пролил на мое платье пиво.

— Это была случайность.

— Не морочь мне голову. Такими рассчитанными случайности не бывают. Тебе просто

не нравилось, что мы с Робом сидели рядом, вот и все.

— Возможно, — глаза мужчины сузились. — А еще мне не нравится, когда женщина, проживающая под моей крышей, откровенно заигрывает с моим лучшим другом.

— Я с ним не заигрывала! — возмущенно произнесли мои искусанные от досады губы. — У тебя слишком уж разыгралось воображение.

— Ой ли? — ядовито процедил Алекс, сверля меня взглядом насквозь. — А, по моему, Фэа тебе очень даже приглянулся.

— Я этого и не отрицала.

— И что, интересно, тебе в нем так нравится? — тон говорящего был язвительным, а взор холодным. Мои предположения все-таки оправдались: разгорался скандал.

— Не твое дело.

— Нет, мое! — он резко схватил меня за плечи, сильно тряхнув, отчего немного отошедшее от головокружения сознание, снова пустилось водить хороводы, путая мои и без того не очень-то упорядоченные мысли.

— Алекс, — саркастически проговорили скривившиеся в фальшивой улыбке губы. — Ты что, закатываешь мне сцену ревности? В таком случае, тебе лучше обратиться к Марине. Это она — твоя любовница, а не я.

Ну вот. Теперь я его окончательно разозлила.

— Послушай, ты, маленькая язва, если из твоего очаровательного ротика не перестанут сыпаться подобные изречения, клянусь, я его закрою, — прошипел мужчина угрожающе.

Однако предостережение на меня никак не подействовало. Алкоголь развязал язык, и я с энтузиазмом продолжала:

— Кстати, удивляюсь, что тебе не пришелся по вкусу белый парик, ведь у твоей любимой докторши волосы именно такого цвета. Или, может, ты однолюб, и тебя устраивает только одна блондинка?

— Я предупреждал, — вкрадчиво сказал Северин и в следующее мгновение впился поцелуем в мои приоткрытые губы. Я обалдела от подобной наглости. Такой странный метод закрывания рта мне в голову не приходил.

Упругие уста Алекса жадно целовали мои, слизывая остатки бордовой помады, как будто это была не косметика, а сладкий мед. Он прижимал меня к себе сильнее и сильнее, продолжая обжигать горячим дыханием мой рот, попеременно захватывая то верхнюю, то нижнюю губу. И, что самое интересное, мужчина совершенно не собирался останавливаться.

Подобные инциденты в мои планы не входили. Поэтому, с трудом соображая, я отчаянно пыталась придумать, как освободиться от удивительно приятных, но все же пут. Моя рука шарила по столу в поисках оружия для борьбы с происходящим. Для физического сопротивления у меня не было сил, но вот опрокинуть недопитое именинником вино, на его рубашку, я все-таки умудрилась. Северин резко отпрянул, выпустив меня из объятий. Он взглянул на растекающееся по белой ткани темно красное пятно, потом посмотрел на меня и тихо спросил:

— Я сделал тебе неприятно? — в его голосе было столько беспокойства, что мне стало стыдно за собственную выходку. — Прости.

Он быстро поднялся и вышел, оставив меня наедине с собственной совестью. Обрато Алекс не вернулся, во всяком случае, до того момента, как я заснула.

Методичный звон падающих на пол и разбивающихся вдребезги рюмок ознаменовал для меня начало следующего дня. Я с трудом приоткрыла слипшиеся от сна и вчерашней косметики веки, и испуганно уставилась на вбегающего в комнату Северина, не понимая, что происходит. Повертев головой по сторонам, я, наконец, обнаружила источник разносящихся по квартире звуков. Открытие меня поразило. От зрелища, которое предстало моим глазам, сонливость испарилась напрочь, уступив место изумлению.

В серванте, где стояла посуда, между стройными рядами фужеров и рюмок важно расхаживал серый большеглазый кот, неизвестно каким образом забравшийся на полку. Он осторожно вышагивал, ставя лапы на не заполненные хрусталем места, а вот с хвостом дела обстояли хуже, так как эта часть кошачьего тела оказалась менее аккуратной. Поэтому легкие изящные рюмочки, поддаваясь взмахам тонкого, но упругого хвостика, падали вниз, жалобно звеня. Алекс осторожно вытащил из стенки возмутителя спокойствия и, приподняв его за шкуру, показал мне.

— Что это такое? — сердито спросил собеседник, пристально глядя в мои удивленные глаза.

Кот выглядел божьим одуванчиком, на довольной усатой физиономии не было ни капли страха или раскаянья. Большое серое ухо ритмично подрагивало, а левый глаз подмигивал. Лапки с выпущенными на волю коготками Тафа сложил вместе где-то в районе своей узкой грудной клетки. Бессовестно разгромивший посуду хвост, вяло покачивался, недовольно постукивая по задним лапам животного.

— Мя-я — я -у, — издал протяжный звук Тайфун, обнажив при этом острые белоснежные клыки.

Я вскочила с дивана, поправляя смятое платье и намереваясь кинуться на помощь пойманному проказнику. Однако мои чрезмерно резкие движения не совсем вписались в окружающую обстановку. И в следующую секунду я, зацепившись ногой об столик, свернула его на пол, вместе со всем оставшимся с вечера содержимым. Грохот разбивающейся посуды был гораздо громче того, весьма, корректного звона, который издавал кот.

Я тоже упала, рассадив колено об угол стола, и угодив ладонью в осколки темно-красной бутылки. От пережитого шока мое тело не чувствовало боли, но это было только начало. Тонкие струйки выступившей на руке крови принесли вместе с испугом ощутимые болезненные эмоции. Я тихо застонала, поджав под себя здоровую ногу, и с ужасом уставившись на острые крошечные стекла, торчащие из окровавленной плоти.

— Черт знает что! — выругался Северин, отпустив быстро исчезнувшего за дверью кота, и подбежал ко мне. — Не женщина, а стихийное бедствие. И приятеля себе нашла подходящего, надо же было назвать животное ураганом... — бормотал Алекс, осторожно вытаскивая осколки из моей порезанной руки. — Надо срочно замкнуть рану.

Я поморщилась от боли, когда собеседник помогал мне подняться. Идти было тяжело, так как ныло колено. В конечном счете, он поднял меня на руки и перенес в ванную, заляпав при этом свою светлую рубашку алыми пятнами моей быстро пребывающей крови. Но подобные мелочи его, похоже, совершенно не интересовали. Что такое испорченная тряпка, по сравнению с тем погромом, который остался дожидаться нас в зале?

Промыв порезы прохладной водой, Алекс достал с полки бинт и принялся перевязывать

раненую кисть. Он делал это профессионально, будто всю жизнь работал в травмпункте. Завязывая бинты, мужчина хмуро посмотрел на меня и сердито сказал:

— Зачем тебе понадобилось, сломя голову, вскакивать с дивана, Лара?

— Чтобы спасти котика, — честно призналась я, виновато опуская ресницы.

— От кого?

— От тебя, то есть от твоего гнева, вызванного перебитым хрусталем.

Он усмехнулся, опускаясь на корточки и рассматривая мою пострадавшую ногу.

— Просто синяк, — с видом знатока, объявил собеседник. — До свадьбы заживет, — он взглянул на меня снизу вверх и совершенно серьезно добавил, — Плевал я с высокой колокольни на весь этот хрусталь, если из-за него ты сама готова разбиться вдребезги. А твой чрезмерно предприимчивый "подарок" все-таки нуждается в небольшой трепке, иначе его слишком уж активное поведение может нажать ему на голову неприятностей.

Я вздохнула, грустно глядя на говорившего:

— Ты на меня не сердишься?

— За что? — он не понял.

— За раскуроченный стол.

— Нет.

— И за испачканный вином и остатками салата пол.

— Нет.

— И за кровавые пятна на паласе.

— Нет.

— И за выходку подаренного мной кота.

— Я же сказал нет!

— Ну, а за что ты тогда сердишься? — надув губы, спросила я обиженно. — За вчерашний финал, да?

Алекс поднялся, уставившись мне в глаза с видом человека, обдумывающего какое-то важное решение. После довольно-таки продолжительной паузы, он спокойно произнес:

— Прости, я не хотел сделать тебе неприятно.

Теперь пришла моя очередь удивляться. Я смотрела на бесстрастное лицо мужчины в полной растерянности. О чем это он? Я испортила ему праздник, а извиняется он.

— Неприятно? Что ты имеешь в виду?

— Поцелуй, что же еще? Насколько я понял, тебе это не понравилось.

Мои губы вздрогнули, готовые растянуться в ироничную улыбку. Вот это да! Собеседник чувствует себя виноватым за то, что случилось ночью. А я и не знала, что он такой порядочный. Хотя стоило догадаться, ведь Северин не давал мне повода усомниться в своих моральных принципах. Но почему он решил, что мне было неприятно?..

— Алекс, — мурлыкающим голосом начала я, приподнимаясь на цыпочки, чтобы получше рассмотреть его похолодевшие синие глаза. — Ты все неверно истолковал.

— То есть? — мужчина насторожился, слегка подняв правую бровь, отчего его лицо приняло загадочный вид.

— Начну издали, — подув на бинты, чтобы хоть как-то унять противную боль, проговорила я. — Как ты ко мне относишься?

— Хорошо.

— Кто я для тебя?

— Женщина, которую я взялся защитить от Ларина.

— И к которой у тебя возникло что-то вроде братской привязанности, как мне показалось, — мягко добавила я, хитро улыбаясь.

Собеседник прищурился, чувствуя подвох, но не проронил ни слова, давая возможность мне продолжать.

— А такие интимные поцелуи, как вчерашний, для брато-сестринских отношений, абсолютно, недопустимы, — весело закончила я свою мысль.

— Ты мне не сестра, — чеканя каждое слово, процедил Алекс.

Ну, наконец-то! Я давно мечтала, чтобы он это сказал. Вариант с родственной заботой, который он упорно продвигал ранее, меня откровенно бесил.

— Правда? Рада это слышать, — я была довольна своей маленькой победой.

— Но если я тебе не брат, и даже не пытаюсь претендовать на эту роль в твоей жизни, почему ты, Элис, опрокинула на мою рубашку фужер с вином, пытаюсь отстраниться? — его сужившиеся щелки-глаза испытующе смотрели на меня, ожидая ответа.

— Потому что подобного рода ситуации в мои планы не входят, — просто и честно произнесла я, но, увидев, как помрачнело его лицо, быстро добавила, — Однако, это не значит, что мне было неприятно. Наоборот, у тебя безумно нежные, упругие губы. Растаять от их прикосновения можно в два счета...

"Боже! Что я несу?! — мысленно воскликнула я, понимая, что увлеклась описанием его идеального рта. — Так ведь и лишнее сморозить можно".

Оборвав свою странную речь, я наигранно кашлянула, отворачиваясь к раковине и начиная умываться.

— Мне надо почистить зубы со сна, — меняя тему, заявила я небрежно. — Ты не оставишь меня одну?

Он какое-то время еще изучал мой затылок, потом вышел, захлопнув за собой дверь. Я уже почти закончила, когда услышала громкий продолжительный гудок. Сердце оборвалось, предчувствуя очередную неприятность. Веселье продолжалось...

Резко распахнув дверь, я угодила ею по лбу кинувшегося на истошный вопль работающего в кабинете компьютера Северина. Он как раз пересекал быстрым шагом пространство коридора от кухни до комнаты, когда попал под удар, виновницей которого оказалась я. Натянув на лицо извиняющуюся улыбку, я попыталась что-то сказать, но слова прозвучали невнятно. Пострадавший укоризненно смотрел на меня, держась за ушибленный лоб. Н-да, сегодняшней день отличался повышенным травматизмом с самого утра. Что же будет к вечеру? Если доживем, то увидим.

Гудок исчез, но через минуту снова возобновился. Мы, не сговариваясь, ринулись в кабинет. Доковыляв до его открытой двери, я громко воскликнула:

— Ах! — и всплеснула руками, чувствуя, что ноги слабеют. Тайфун с удивленным выражением своих зеленых круглых глаз сидел на клавиатуре и непонимающе вертел головой. Компьютер отчаянно вопил от такого наглого с собой обращения. Кот поднял зад, гудок прекратился. Решив, что проблема устранена, Тафа снова опустился на светло-серые кнопки, расположившись в прежней позе. С первыми звуками воя сильная рука мужчины сняла ошестинившегося кота с насиженного места и поднесла ко мне.

— Я подожду, когда ты войдешь, чтобы не лишать тебя удовольствия созерцать это изумительное зрелище, — произнес собеседник вкрадчиво, отрывая зубы мини-тигра от наручных часов. — И что я должен теперь делать?

— Закрывать кабинет, — робко предложила я, забирая кота и прижимая его к груди. —

Или есть другие варианты?

Алекс кисло усмехнулся и прикрыл дверь.

— Нет. Разве что заняться уборкой устроенного Вами, юная леди, погрома.

Оттирание паласа было не самым приятным занятием, но я отважно пыталась закончить начатое дело. Несмотря на обилие функций чудо-пылесоса, пришлось все-таки применить старый проверенный способ и заняться чисткой пятен вручную. Тафа, набедокурив вдоволь, теперь преспокойно спал, лежа на спине и подняв кверху набитый едой живот. Он явно был очень доволен собой, чем мы, увы, похвастаться не могли. Хотя, благодаря геройским поступкам серого проказника, обстановка в доме совершенно разрядилась и между мной и Александром возникла вполне миролюбивая атмосфера. Это радовало.

— Лара, — входя в зал, проговорил мужчина серьезно, — Я собираюсь уехать по одному делу, ты не могла бы остаться дома и... никуда не исчезать? Я бы с удовольствием взял тебя с собой, но, в свете последних событий, будет лучше, если твои порезы немного заживут. А заодно присмотришь за этим маленьким чудовищем, — он усмехнулся, бросив косо взгляд на мирно дремавшего на диване сфинкса.

"И чего это он так мягко меня уговаривает? — мелькнуло в голове. — Наверняка собрался навестить Ларина. Ну, да ладно. Сегодня я, действительно, не очень-то дееспособная. А ведь еще надо гримироваться, если настаивать на совместной поездке..."

— Хорошо, — поразмыслив над предложением, ответила я уверенно. — Езжай, мы с Тафой останемся здесь и будем тебя ждать. А кстати, что за дело?

— Расскажу, когда вернусь, — обрадованный моим согласием, сказал Алекс весело, и быстро удалился, боясь, вероятно, что я могу передумать.

Мне было скучно. Я без конца щелкала пультом дистанционного управления по телевизионным каналам, не зная, на каком остановиться, так как интерес к мелькающим на экране картинкам был совершенно потерян. Мысли, помимо моей воли, возвращали меня в события прошлой ночи. Перед глазами, застилая все вокруг, всплывали жадно ловившие мои приоткрытые от неожиданности уста губы мужчины. Его поцелуй обжигал и манил, возникая в памяти и заставляя трепетать. Я попыталась отвлечься от подобных раздумий и представить что-нибудь другое. Но мой глупый рассудок тут же отнес в категорию "другого" первый поцелуй Северина, которым он одарил меня на улице, возле офиса Славы. Что же это со мной происходит? Мне всегда нравилось считать себя женщиной холодной, не подверженной страстям и умеющей сохранять самообладание. А последние дни разум меня явно подводит, позволяя эмоциям брать над собой верх. Я веду себя, как глупая девчонка, втюрившаяся по уши в своего учителя. Или я, действительно, влюбилась в Алекса?.. Такой поворот мне не очень-то нравился. Однако я была вынуждена признать, что думаю об этом человеке все больше и больше, а его прикосновения вызывают в моем теле дрожь. Я хотела быть рядом с ним, смотреть в его бездонные синие глаза и... целовать его упругие красивые губы.

Ну, это уже слишком! И когда, интересно знать, я успела в него влюбиться? Хотя времени для столь глупого поступка много не надо. Мужчина, с которым я знакома уже три недели, хорош собой, благороден, умен, одним словом, чем не персонаж для романа? К тому же, он спас мне жизнь. Так, может, это не любовь, а благодарность? Тогда почему меня к нему неудержимо влечет? Или я попросту соскучилась по противоположному полу? Нет. Боюсь, что все гораздо печальней: я умудрилась впустить Александра в свое истосковавшееся по любви сердце, и как быть дальше, увы, не знаю.

Я вздохнула, поглощенная собственными мыслями.

— Если мне удастся пережить еще одну ночь в этом доме, не кинувшись ему на шею, будет очень, очень хорошо, — кисло усмехаясь, проговорила я тихо, откладывая бесполезный пульт в сторону и слезая с дивана, где сидела по-турецки рядом с мирно посапывающим Тайфуном.

Раздавшийся звонок домофона, вывел меня из задумчивости. Оказалось, что пришел Василий Дмитриевич, у которого для Алекса были какие-то бумаги. Я открыла дверь, пропуская пожилого доктора в прихожую. Узнав, что Северина нет дома, гость хотел было отправиться восвояси, сказав, что зайдет в другой раз, но я его задержала, уговорив дожждаться хозяина. Усадив лысоватого хирурга на табуретку в кухне, я принялась ставить чайник, искоса поглядывая в его сторону.

— Скажите, Василий Дмитриевич, а как Вас угораздило попасть в эту историю с Лариным? Ведь не просто же Вы помогаете Алексу? — поинтересовалась я, сядя напротив собеседника и складывая локти на стол.

— Дело в том... — он замялся. — Ну, в общем, Слава и мне успел насолить.

— Как?! — воскликнула я. — Вы тоже потеряли квартиру, связавшись с моим бывшим супругом?

— Не совсем, — врач грустно улыбнулся. — Моя сестра замужем за военным офицером, они долгое время жили на Севере. Скопили там денег, думали купить в Москве жилье. Но

судьбе было угодно свести их с господином Лариным. Дальше события развивались как в плохом кино. С вечера были проверены все формальности, осмотрена жилая "двушка", а наутро, когда Сергей — муж сестры, понес деньги в риэлторскую фирму, к нему подошли двое неизвестных и, приставив пистолет, все забрали. Гоп стоп, одним словом. Самый настоящий, причем по наводке Славы, ведь кроме него никто о предстоящей покупке не знал. А доказать ничего нельзя. Ларин чист, как младенец, в глазах закона.

— И что стало с Вашей сестрой? — осторожно спросила я, когда мужчина замолчал.

— Она уехала обратно в свой город. А я решил накопать на Славику с его безупречной репутацией побольше компромата. Пришел в частное агентство нанять сыщика. А тот, услышав, о чем идет речь, познакомил меня со своим другим клиентом. Так я узнал Северина. С тех пор мы дружим, и очень. Как видишь, Ларочка, не было бы счастья, да несчастье помогло. Я очень рад, что плутовка-судьба подарила мне Сашу, таких людей, как он, в нашем испорченном мире встретишь не часто.

— И что же в нем особенного? — изобразив на лице удивление, полюбопытствовала я как бы невзначай.

— Он умеет ценить людей, Лариса. И ему небезразлично то, что происходит вокруг. Пытаясь остановить Ларина, Саша не утоляет собственную жажду мести, нет... Он делает это, чтобы защитить таких, как мы с тобой, которые еще могут пострадать от Славиных преступлений.

"Хм... Просто супер-мэн какой-то!" — мысленно отметила я, но вслух ничего не сказала.

Алекс появился как раз вовремя, я только что разлила по кружкам чай, и теперь он соблазнительно пах ароматной свежей заваркой.

— Василий Дмитриевич! Рад тебя видеть, — подходя к нам, воскликнул Северин.

Он выглядел очень довольным. Серый пиджак его был расстегнут, а правая рука отведена за спину. Я поднялась с табуретки и потянулась за третьим бокалом, чтобы налить Александру чай. Он бесшумно обошел меня сзади и, склонившись к самому уху, ласково проговорил:

— Элис, это тебе, — и тут же перед моим носом оказался букет алых роз.

Я молча смотрела на цветы, застыв с бокалом в руке, и часто моргала.

— Ты не рада? — обиженно спросил мужчина, поворачивая мое лицо к себе и заглядывая в глаза.

— Рада, очень, спасибо, — пробормотала я, сглотнув, и взяла букет. — Пойду, поставлю их в воду.

Я попятилась от недоумевающего собеседника, и, пройдя по стеночке к двери, стремительно выскочила из кухни. Скорость мои не совсем здоровые ноги, у которых откуда-то появилась завидная резвость, сбавили лишь когда оказались посреди спасительного зала. Там я замерла в нерешительности с цветами в руках и мысленно спросила себя:

"Он что, издевается? Я могу еще совладать с собственными чувствами, но если этот человек будет оказывать мне подобные знаки внимания, нервы мои могут не выдержать. И тогда... тогда я совершу какую-нибудь глупость, например, поцелую его сама, забыв обо всех правилах приличия. Тем более мне очень этого хочется".

Я почувствовала, что краснею от этих раздумий. Опустив глаза на цветы, я вспомнила, зачем сюда пришла. Достав из серванта пока еще целую вазу, я быстро двинулась в ванную,

чтобы набрать воды и вдруг услышала доносящиеся с кухни негромкие слова Северина, обращенные к другу, но касающиеся меня. Он говорил:

— Когда в доме оказывается нечто необычное, незнакомое и очень обаятельное, и когда этому нечто прощается все, даже появление лысых котов и погром в комнате, хочешь-не хочешь, а станешь сентиментальным. Кстати, ты еще не видел Тайфуна?

— Нет, это кто?

— Сейчас покажу, — через секунду Алекс оказался в дверях и увидел меня. На мгновение он опешил, потом спросил, — И давно ты здесь стоишь?

— Я не стою, — криво усмехнулись мои губы, отвечая. — Я иду за водой, "Мистер сентиментальность", — тон мой был не менее ядовит, чем слегка поистершаяся змея на щеке.

Я гордо прошествовала мимо него и, хлопнув дверью, исчезла в ванной.

"Вот, гад! Надо же обозвать меня "нечто". Я что ему — неопознанный объект? И зачем только я в него влюбилась?" — последняя мысль была тоскливой, несмотря на своих активных предшественниц.

Цветами я занималась минут двадцать, не меньше. Это были очень ароматные и безумно красивые розы, мне нравилось перебирать их лепестки, любуясь причудливым творением природы, призванным приносить радость всем тем, кто умеет ценить настоящую живую красоту.

Мужчины разговаривали о чем-то, но меня это мало интересовало. Выходить к ним не было ни малейшего желания. Я задумчиво разглядывала букет, стоя возле стенки, на которую поставила вазу. Внезапный болевой укол внизу живота отвлек меня от созерцания алых бутонов. Я вздрогнула, положив руки на больное место и пытаюсь понять причину неприятного ощущения. Неужели несварение? Или, может... Господи! Какое сегодня число? Я побледнела, обнаружив причину неожиданной боли. Все сходилось — у меня начались критические дни. Подарив расстроенный взгляд алым, как кровь, цветам, я принялась шарить в тумбочке на предмет средств гигиены, которые закупила еще в Жулебино. Достав маленькую светло-голубую коробочку, я кошачьей походкой прокралась в ванную и, заперевшись там, проверила свою догадку. Конечно! Очень вовремя. Мне только женских неудобств для полного счастья и не хватает...

— Элис, где ты запропастилась?! — держа на руках и поглаживая довольного кота, воскликнул Алекс, когда я, наконец, добралась до кухни. — Чай уже остыл.

— Были дела, — очаровательно улыбаясь ему, сказала я и взяла со стола не выпитый бокал.

— Мне пора, — мягко произнес Василий Дмитриевич, вставая. — Постарайся завтра заехать ко мне, Саша. Я буду ждать. Он попрощался со мной и ушел.

— Какие-то проблемы в клинике? — поинтересовалась я у Северина, когда мы остались одни.

— Ничего серьезного, обыкновенная бумажная волокита, я завтра решу все вопросы, — спокойно ответил собеседник, глядя на меня поверх кружки.

— Ну, а как там Ларин поживает? — безразличным голосом вновь спросила я.

— А откуда ты знаешь, что я был у него? — удивился мужчина, его брови чуть дрогнули, а глаза сузились, потемнев.

— У тебя перед отходом на лбу табличка светилась, — усмехнулась я кисло. — Иначе, зачем ты так усердно уговаривал меня не ездить с тобой?

— Ладно, сдаюсь. Я был у Славика.

— И что?

— Он получает кредит через день, то есть в пятницу. И сразу же переводит деньги на счет торговой фирмы Роберта. Тогда мы и откроем карты. А пока остается ждать.

— Понятно, — вяло пробормотали мои слегка побелевшие губы. Боль в животе усилилась.

Дело близилось к вечеру, а в это время суток мой дурной организм вел себя не очень-то хорошо, когда наступало кризисное время. Правда, самым плохим из всей критической недели, был день второй, но и первый не особо от него отличился. Меня немного тошнило, кружилась голова и мучили жуткие спазмы внизу живота. Нужна была таблетка и срочно.

— У тебя есть анальгин, я плохо себя чувствую.

— Что случилось? — собеседник нахмурился. — Скажи, что именно болит?

— Неважно. Дай мне таблетку, — произнесла я тихо.

— Голова? У меня есть специальная настойка от головной боли.

— Мне нужен анальгин! — я стала раздражаться от его тупого упрямства.

— Но я могу найти более щадящее лекарство для конкретного вида болезни, — невозмутимо пояснил Алекс, пропустив мои слова мимо ушей.

Взбесившись, я вскочила с табуретки, и резко бросила, направляясь к выходу:

— Открой мне дверь, я иду в аптеку. Надеюсь, там анальгин продают.

Наконец-то до него дошла моя просьба, и через пару минут у меня была целая упаковка необходимого лекарства. Приняв таблетку, я запила ее остатками чая и более мирно сказала:

— Спасибо за великолепные цветы.

— Тебе понравилось? — внимательно разглядывая мое побледневшее от скверного самочувствия лицо, проговорил мужчина.

— Да, очень мило с твоей стороны.

— Почему же ты тогда от меня так испугалась?

— Тебе показалось.

— Правда? — его взгляд был недоверчивым.

— Да.

Мы помолчали некоторое время, потом Алекс тихо сказал:

— Извини за то, что тебе не понравилось в моем с Василием Дмитриевичем разговоре.

— Проехали, — мягко улыбнулась я ему, давая понять, что топор войны временно зарыт. — Лучше скажи что-нибудь хорошее, а то весь день какой-то сумасшедший, с утра все кувыркком пошло.

— Что тебе сказать, Элис? — задумчиво произнес мужчина. — Ты очень красивая... и бледная. Так какого рода боли тебя мучают, ангел мой?

Я помрачнела, услышав вопрос. Мне не нравилась данная тема, а он упорно к ней возвращался.

— Отстань, — прошипела я зло и, не оборачиваясь, ушла в комнату.

Обезболивающее, наконец, подействовало. Но, несмотря на отсутствие неприятных ощущений в животе, настроение мое по-прежнему оставляло желать лучшего. Глядя в экран включенного телевизора, я четко пыталась понять смысл фильма, который начала смотреть с середины. Хозяин дома меня не беспокоил. Он чем-то занимался в кабинете, куда отправился сразу после моего ухода. Тафа тоже не появлялся, вероятно, променял мой уютный диван на новые открытия за пределами зала. А, может, просто спал в одной из комнат.

Герои фильма яростно выясняли отношения, наставив друг на друга пистолеты и громко крича при этом. Я зевала, с трудом соображая, о чем они, вообще, спорят? Моя скука

развееялась минут через десять, когда на горизонте распахнувшихся дверей, появилась высокая фигура Северина с подносом в руках.

— Я принес для больной ужин, — заискивающим голосом объявил он. — Только не одевай, пожалуйста, тарелку мне на голову. Ладно, Лисёнок?

Я усмехнулась, оценив шутку. Есть, действительно, хотелось, а возможность совместить прием пищи с просмотром телевизора была очень даже заманчивой.

— Можно мне побыть с тобой? — поинтересовался Алекс, присаживаясь.

— Это твоя квартира, — пожалала я плечами. — Где хочешь, там и находишься.

— Но ты ведь не моя, — серьезно сказал мужчина. — А я хочу сейчас находиться рядом с тобой, моя бедная раненая девочка.

Я засмеялась:

— Ты же только что заметил, что я "не твоя".

— Опять ловишь на слове, Элис? — наигранно хмурясь, проговорил Алекс.

— Есть у кого учиться, — мягко парировала я.

Мне нравился этот глупый спор, проходящий в шутливой форме, мне также нравилось присутствие в комнате моего оппонента, и я с удовольствием отметила, что настроение с отрицательной отметки двинулось вверх.

— Лара, — начал Северин, задумчиво глядя на меня. — После того, как я улажу завтра все дела "Афродиты", я хочу позвонить Шинко и назначить ему на пятницу встречу. Ты пойдешь со мной?

— Конечно, — я оживилась. — А о чем ты будешь с ним говорить?

— О выставке.

— Ты что-то придумал?! — с нескрываемым интересом воскликнула я, подавшись вперед и отставив тарелку с едой в сторону.

— Я хочу сделать экспозицию его работ в Доме художника на Крымском Валу. А потом отправить их в турне по разным странам с собственной рекламной компанией, которую обеспечит моя фирма. Как тебе идея?

— Великолепно! — я была счастлива. — Поскорей бы сообщить об этом профессору.

— Всему свое время, Лисёнок, — улыбнулся собеседник, нежно взглянув на меня. — Мне нравится видеть тебя счастливой, — его глаза потеплели, а в глубине зрачков заплясало синее непонятное пламя, которое отозвалось приятной дрожью, пробежавшей по моей спине.

"И чего он так странно на меня смотрит? — замороженная его загадочным взором, подумала я не в силах снова приступить к трапезе. — Если Алекс немедленно не упрется взглядом во что-нибудь, помимо меня, я сгорю в этом синем огне без остатка, как лист бумаги, брошенный в печь".

— Хочешь вина? — спросил мужчина тихо.

— Нет.

— А пива?

— Нет.

— А чего ты хочешь, Элис? — его голос был вкрадчивым, на губах играла лукавая улыбка, а в глазах плясал все тот же таинственный костер.

— Может быть, сок, — пробормотала я, опуская ресницы, чтобы хоть как-то избавиться от наваждения.

Северин исполнил мою просьбу, принес из холодильника стакан яблочного сока. Он

подошел ко мне и, присев на корточки возле моих ног, подал напиток.

— Спасибо, — я натянула на лицо улыбку, и чуть-чуть отодвинулась от него.

Заметив такое дело, собеседник бесцеремонно уселся на диван рядом со мной. Причем так близко, что наши бедра соприкасались. Отчаянно пытаюсь подавить панику, я отодвинулась еще дальше. Он усмехнулся, и снова сел рядом. Это была последняя капля. Алекс откровенно издевался, забавляясь моим испугом и вынужденной капитуляцией. Я вскочила на ноги и громко заявила:

— Тебе что, нечем заняться?

— Отчего же, есть, но мне нравится наблюдать, как ты от меня шарахаешься, — смеясь, произнес Алекс. — Может, объяснишь, почему?

— Просто так, — хмуро процедила я, садясь в кресло, где раньше располагался он. Таким образом, мы поменялись местами. — Расскажи мне о своем отце, — попросила я, меняя тему. — Ты говорил, что это другая история. Мне бы очень хотелось ее узнать.

— А что мне за это будет? — лукаво полюбопытствовал мужчина, хитро улыбаясь.

Его чрезмерно веселый настрой меня сильно беспокоил. Как-то уж больно странно он себя вел.

— А что ты хочешь? — спросила я настороженно.

— Ответный рассказ, по меньшей мере.

— О чем, или о ком?

— Это я тебе сообщу после. Договорились?

Прекрасно! Теперь я должна согласиться на "кота в мешке". И что прикажете делать?.. Придется смириться.

— Хорошо, — вздохнув, кивнула я.

— Тогда слушай... — собеседник принял более удобную позу и начал свое повествование. — Когда я очнулся после той жуткой сцены на даче, то увидел перед собой невысокого, заросшего седою бородой мужичка. Это был лесник. Как выяснилось впоследствии, он выловил мое тело из реки и, вспоминая навыки своей прошлой жизни, заштопал мои кровоточащие раны. Когда-то он был студентом медицинского института. Потом попал в тюрьму по политической статье. Отсидел срок, следом второй, а затем, оставив цивилизацию со всеми ее изъятиями, обосновался в лесу. Жена Северьяна умерла при родах, сына подстрелили браконьеры. Он был, практически, мой ровесник и погиб несколько месяцев назад. Обнаружив мое полумертвое тело, лесник решил во что бы то ни стало вернуть меня к жизни. И вернул. Три месяца он меня выхаживал, делал какие-то отвары и еще множество всяких, одному ему известных вещей. А когда я окончательно поправился, Северьян предложил мне остаться у него, убедив в том, что заявлять в милицию бесполезно, так как нет никаких доказательств, кроме моих слов. Если Таня мертва, то главным подозреваемым буду я, а не Славик, — Алекс помолчал. — Этот удивительный отшельник вообще не очень-то жаловал правоохранительные органы. Он даже не сообщил о смерти сына в нужные инстанции. Похоронил своего единственного родного человека в лесу, поставил деревянный крест на могилке и, стиснув зубы, принялся жить дальше. А потом появился я...

Мое сердце тихо стучало, словно боялось перебить рассказчика. Я с нескрываемым интересом слушала Северина, затаив дыхание и обняв облаченные в джинсы колени. Моя не очень-то крупная фигурка уютно устроилась в мягком кресле, откуда я выглядывала полными любопытства глазами.

— Северьян счел возможным отдать мне документы погибшего сына, так как мы с ним чем-то были похожи. С тех пор меня стали звать так, как зовут теперь, а спасший мне жизнь лесник по документам мой родной отец. В двадцать пять лет я поменял фотографию и жил последующие года с паспортом умершего шестнадцать лет назад парня.

— И никто не заметил подмены? — осторожно вставила я.

— Нет. Северены ни с кем, особо, не общались. Занимались лесом. Самого лесника еще люди знали, а Саша, практически, никуда не выходил. Он заикался от природы и очень этого стеснялся. Так и дожил до своих двадцати трех затворником, пока не попал под шальную пулю.

— А армия?

— Врожденный порок сердца, плоскостопие и сколиоз — это только тот перечень, который я помню. Паренек был болезненным с детства. Получил белый билет и остался помогать отцу.

— Но как ты попал за границу? — продолжала допытываться я.

— Э, нет! — лукаво улыбаясь, проговорил мужчина. — Слишком много хочешь знать сразу. Эту историю я оставлю на потом, иначе Вы, юная леди, потеряете ко мне всякий интерес, как к разгаданному кроссворду.

"Если бы? — грустно подумала я, кисло усмехаясь. — По всей видимости, интерес к тебе, дорогой, абсолютно неистощим".

— Теперь твоя очередь отвечать на мои вопросы, Лара, — напомнил Алекс наш договор.

— Спрашивай, — обречено отозвалась я, тяжело вздыхая.

— Расскажи мне о своей первой любви, Лисёнок.

"Ну, уж нет! Судя по всему, моя первая любовь — это ты, поэтому я лучше помолчу", — сделала я неутешительный вывод, а вслух сказала:

— Боюсь, что таковая на моем жизненном пути еще не встретилась.

— Вот как? — он был доволен. Это читалось в его лучистых синих глазах, пристально смотрящих на меня. — А как на счет сексуального опыта?

— Это было давно. На первом курсе, — с явной неохотой промямлила я. — Он учился в моей группе, но вылетел за двойки из института и... из моей жизни.

— Тебе понравилось?

— Что? — я не поняла вопроса.

— Близость с мужчиной.

— Нет, — честно призналась я.

— А потом?

— Что, потом?

— Ты занималась с кем-нибудь любовью после своего неудачного опыта? — его взгляд прожигал меня насквозь, отчего становилось неловко и жарко.

— Ты не мог выбрать менее щекотливую тему для допроса? — укоризненно проговорила я, хмурясь.

— Мы заключили сделку, Элис, так что, будь любезна, отвечай.

— Я ни с кем не спала все последующие годы, — опустив глаза, пробормотала я еле слышно. — Твоя собеседница, Алекс, старая дева. И не вздумай издеваться по этому поводу, — подарив мужчине сердитый взгляд, предостерегла я его от опрометчивых действий.

Если этот тип начнет иронизировать, я выцарапаю ему глаза. Моя неудачная личная жизнь — достаточно больная кнопка, надавив на которую, можно схлопотать по физиономии, и сильно...

— Выпей еще сока, а то ты что-то больно уж разнервничалась, Лара, — протянув мне взятый со столика стакан, мягко предложил Северин. — Не буду больше мучить тебя разговорами. Ляг, отдохни, сегодня был не твой день.

Я облегченно вздохнула, поняв, что дознание окончено. И зачем ему понадобились подробности моей личной жизни? Станный он какой-то сегодня... Очень странный. Сложив в поднос использованную посуду, собеседник ушел, постелив мне предварительно постель, что было очень мило с его стороны. Он же объяснил данный поступок заботой о моей порезанной руке. Я снова осталась наедине с телевизором, серый экран которого не выражал никаких эмоций. После беседы с Алексом в душе поселилось какое-то смешанное чувство незаконченности. Но мужчина не собирался возвращаться, и мне не оставалось ничего другого, кроме как зарыться под одеяло, стянув с себя одежду. Время было позднее, так что немного поспать не мешало. Но сон упорно отказывался приходить, поэтому я лежала, глядя в потолок, и думала о всяких глупостях.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — раздался громкий голос хозяина дома из его кабинета.

Я подскочила, натягивая впопыхах брюки и топ, чтобы немедленно броситься спасать кота, в причастности Тайфуна к этим не очень-то лестным репликам, я почему-то не сомневалась. Когда я вбежала в комнату, Алекс сидел в своем крутящемся сером кресле со сложенными на груди руками и грозно сдвинутыми бровями.

— Что случилось? — робко поинтересовалась я, испуганно глядя на него.

— Это не кот, Элис, это самое настоящее чудовище, которое ко всему прочему косит под электромеханика.

— Как это? — на моем лице отразилось недоумение.

— Он перегрыз телефонные провода, вытащив их каким-то непонятным мне способом из-под плинтуса. При чем сделал это профессионально. Один провод прокусан в одном месте, другой в другом. Этого зубастого крокодила даже током не ударило, — Северин криво усмехнулся. — Придется ремонтировать, иначе я не смогу сегодня работать.

— А где он сам? — с замиранием сердца спросила я тихо.

— Крокодил?

— Да, Тафа.

— Понятия не имею. Он исчез с места преступления, как только увидел меня. Раз! И нет кота, в воздухе растворился. Теперь материализуется где-нибудь в другой комнате и сотворит еще какую-нибудь гадость. Ночь ведь наступила. Для него это, похоже, самое активное время суток. Да что ты там мнешься на пороге, Лариса, иди сюда.

Я подошла к нему и, невинно взглянув из-под полуопущенных ресниц, сказала:

— Но ведь Тафа хороший котик, правда?

— Конечно, — саркастически подтвердил Алекс. — Когда спит зубами к стенке, ну или, по крайней мере, кверху пузом.

Я улыбнулась. Северин не злился, он иронизировал по поводу возникшей проблемы. Какой теперь толк махать кулаками, если время назад все равно не отмотать?

— Что будешь делать? — озираясь по сторонам, спросила я.

— Оголять провода, — вздохнув, ответил мужчина, задумчиво глядя на меня. — Хочешь помочь? Очень актуальное занятие, — он посмотрел на часы, вскинув руку, — для половины

двенадцатого ночи.

— Алекс, не язви, — сквозь смех проговорила я. — Даренному коню в зубы не смотрят.

— Верно, — прищурившись, заявил собеседник. — Ведь это ты наградила меня этим серым кошмаром, не так ли?

— Ну... — протянула я, пытаюсь избавиться от глупой улыбки, застывшей на моих губах.

— Значит, ты и будешь чинить! — совершенно серьезно произнес он.

Я испуганно уставилась на того, кто вынес мне столь странный приговор, но, заметив, что его глаза искрятся смехом, успокоилась.

— И не подумаю. Такой мастер, как я, принесет вреда больше всех непослушных котов вместе взятых, — шутливый ответ заставил Северина улыбнуться. — Так что, оставайся ты со своими перекусанными проводами, а я пошла спать.

— Ну, уж нет, — он ловко схватил меня за руку и притянул к себе. — Хочешь сбежать, не расплатившись за причиненный ущерб?

Мне не очень понравился жаркий синий факел, который снова вспыхнул в его потемневших глазах.

— Я тебя не понимаю, — пытаюсь отстраниться, пробормотала я тихо. — Какую плату ты ожидаешь?

Алекс еще сильнее сжал мои запястья, вынудив меня сесть к нему на колени. Это было уже слишком, я откровенно запаниковала, ища глазами путь к отступлению. Но он, стиснув мои руки своей большой ладонью, хищно прошептал возле самого уха:

— Попалась, птичка.

Его дыхание обожгло мою шею, а губы ласково коснулись щеки. Я дернулась, пытаюсь вырваться, но мужчина крепко держал меня в своем нежном плену.

— Ты спятил, — старательно отклоняясь от его игривых поцелуев, прошипела я. — Отпусти меня сейчас же, я почию эти чертовы провода.

Он засмеялся, пропустив мимо ушей мое требование об освобождении.

— Тебе неприятно, Элис?

— Идиотский вопрос. Отпусти меня, и все!

— Скажи, что тебе противно, и будешь свободна, — синее пламя потухло, взгляд собеседника стал хмурым и серьезным.

Я не могла так нагло врать, язык не поворачивался. Поэтому глупо и часто моргая, я молча смотрела на него, не зная как выкрутиться.

— Я хочу поцеловать тебя, Элис, — честно признался мой пленитель.

— Ты не можешь.

— Почему?

— Потому что я не та женщина, с которой стоит затевать короткую любовную интрижку. Поэтому, будь любезен, обращай за поцелуями к своей Марине.

Он улыбнулся, внимательно изучая мое сердитое лицо.

— Ты ревнуешь, Лисёнок?

— Было бы к кому, — пойманная на очевидном, прорычала я мрачно.

— Ты права, ангел мой, не к кому.

Промурлыкав это, Алекс прильнул к моим устам в горячем, полным страстного желания поцелуе. Соппротивление было выше моих сил. Я почувствовала, как обмякло мое тело, теснее прижавшись к нему. Мои руки больше никто не держал, и я, будучи не в состоянии бороться сама с собой, нежно обняла его за шею, ответив на призыв настойчивых мужских

губ. Я хотела, чтобы этот сказочный миг длился вечно.

Алекс крепко сжал меня в порыве безудержной страсти, которая полыхала в его бездонных глазах, отражаясь яркими бликами в моих расширенных зрачках. Его пальцы проникли под тонкую ткань черного обтягивающего топа, быстро нащупав застежку бюстгалтера. В следующую секунду я поняла, что моя грудь освобождена от стеснявшего ее белья. Когда его ладонь, скользнув по моей спине под укрытием черного трикотажа, нырнула в бок и, оказавшись спереди, осторожно опустилась на набухший от возбуждения сосок, я тихо застонала. Голова кружилась так бешено, что можно было потерять равновесие и упасть. Мужчина ласкал мое тело, не выпуская из власти своего идеального рта мои губы. Я никогда в жизни не испытывала таких ярких ощущений, как сейчас.

Волшебство оборвалось в тот момент, когда властная мужская рука легла на внутреннюю поверхность моих обтянутых джинсами бедер. Я, наконец, вспомнила о своих критических днях и жутко перепугалась. Отчаянно рванувшись, я едва не упала. На лице Александра читалась растерянность, смешанная с раздражением. Освободившись от сладкого плена, я бросилась бежать из кабинета, позабыв о все еще побаливающем колене. Оказавшись в зале, я медленно сползла на пол, придерживая спиной захлопнутые створки дверей. Сердце отчаянно рвалось из свободно вздымающейся груди. Дыхание было частым, а губы онемели от страстных поцелуев, во власти которых я была минуту назад.

— Элис, — ядовито проговорил Северин, подойдя к двери. — Открой мне.

— Ни-за-что! — выпалила я громко.

— Скажи, ангел мой, — сладко поинтересовался собеседник, но слишком уж ласковый тон не мог скрыть досадных ноток, звучавших в его голосе. — Это у тебя хобби такое — завести мужчину и бросить? Ты поэтому восемь лет ни с кем не спала? Действительно, зачем нужен секс, если можно поиграть с партнером и выкинуть его на самом интересном месте, как разгаданный кроссворд, — Алекс был зол, и с каждой секундой его злость становилась сильнее.

Я молчала, опустив голову на поджатые к подбородку колени. Сердце было разбито. Как я и предполагала с утра, последняя травма сегодняшнего дня оказалась самой тяжелой.

— Лариса, отойди от двери, иначе я ее выломаю.

— Ни-за-что!

Он взревел, как раненый зверь, надавив на разделяющую нас преграду, отчего рифленое стекло жалобно задребезжало в унисон моему перепуганному сердечку.

— Мне нужно видеть твои глаза, Лисёнок, — голос собеседника внезапно стал печальным, будто злости в нем никогда и не было. — Клянусь, я не стану тебя трогать. Только позволь взглянуть тебе в глаза.

— Ни-за-что!

Он сильно ударил кулаком по косяку и грубо рывкнул:

— Спокойной ночи!

Его тяжелые удаляющиеся шаги, а также громко хлопнувшая вдалеке дверь, оповестили меня о том, что опасность миновала, и угроза встречи лицом к лицу с Алексом надо мной больше не висит. Вот только радости по этому поводу я почему-то не испытывала. Стало грустно и обидно, а виной всему было мое собственное опрометчивое поведение. Не позволила бы я ему себя целовать, ничего бы не случилось. Но как я могла устоять перед тем, кого люблю?..

Я так и уснула, сидя под дверью и обнимая собственные колени, на которых покоилась моя голова. Волосы растрепались по плечам, окутав лицо густой занавеской. Я спала, и мне снились страстные поцелуи в чужом кабинете. Скрежет, раздавшийся совсем близко, разбудил меня в семь утра. Я подняла голову, соображая, что происходит, и где я нахожусь? Ноги затекли от неудобной позы. Я размяла их, поднявшись, и открыла дверь отчаянно рвущемуся в нее коту. Тайфун важно прошепствовал мимо меня и, запрыгнув на расстеленный с ночи диван, завалился спать. Застегнув бесцельно болтавшийся на теле бюстгальтер, я потянулась со сна, сладко зевая.

С кухни доносилось звяканье посуды, значит, Северин уже поднялся и отправился завтракать. Мне нужно было в ванную и, прихватив с собой очередное миниатюрное средство гигиены, я туда пошла.

— Доброе утро, Лариса, — бесцветным голосом поприветствовал меня хозяин дома, когда я, набравшись смелости, заявила на кухню.

— Привет, можно мне тоже чая? — робко попросила я.

Он налил, поставив передо мной кружку, и сел на свое место. Мы молча пили чай, размышляя о разном, а, может, об одном и том же, но каждый со своей точки зрения.

— Я собираюсь уехать. Меня не будет весь день. Последи, пожалуйста, за котом, — поднимаясь, попросил собеседник вежливым и безразличным тоном, глядя сквозь меня.

— Хорошо, — эхом отозвалась я, продолжая пить чай, вкус которого абсолютно не ощущала.

— Приятного тебе дня, — бросил он, уходя.

Когда хлопнула входная дверь, я разрыдалась. Слезы градом текли по щекам, капая на сложенные на столе локти. Не зная, как успокоиться, я медленно засемила, негромко всхлипывая, в комнату и, свернувшись там калачиком на диване, через какое-то время уснула в обнимку с ласково мурлычущей киской.

Телефон в прихожей громко звенел, вынуждая меня подняться. Туго соображая со сна, споткнувшись пару раз в коридоре, отправилась на звук.

— Алё, — протянула я сонно, поднося к уху трубку. — Кто это?

— Привет, Ларочка! — воскликнул бодрый голос моей бабушки. — Как твои дела?

— Ты откуда?! — ошарашено пробормотала я, тараща глаза на собственное заспанное отражение в зеркале, возле которого я стояла.

— Из Нью-Йорка, дорогая. Откуда же еще? Ты одна?

— Да.

— У меня есть для тебя новости... — фраза прозвучала многообещающе.

— Слушаю внимательно, — предвкушая дальнейший рассказ, отозвалась я.

— Ты знаешь, что Алекс был женат на сестре Ларина?

— Да.

— А то, что Славик хотел его убить?

— Знаю.

— А про Северьяна тебе тоже известно? — разочарованно произнесла собеседница.

— Тоже.

— Хм... А вы, однако, там часто беседуете.

— Чем же еще заниматься? — усмехнулась я в ответ.

— Ну, о том, как Северин змей ловил в Средней Азии, он с тобой тоже поделился?

— Нет, это что-то новенькое, — с интересом отозвалась я, присаживаясь на край трюмо.

— В восемьдесят четвертом году он уехал на заработки, Лариса, — оживилась старушка. — Стал змееловом, а параллельно делал снимки дикой природы. Алекс же фотограф, ты знаешь?

— Да.

— Ну, так вот. У него скопилось столько пленок с великолепными кадрами, что однажды, когда подвернулся случай, он продал их в заграничный журнал. А в восемьдесят шестом получил предложение от редактора этого самого журнала переехать в США и пойти к нему на работу. С этого и началась американская жизнь Северина.

— А ты откуда так хорошо осведомлена?! — удивленно воскликнула я.

— Мы тоже часто беседуем с отцом Саши... — смеясь, проговорила Ирина Степановна.

— Понятно.

— Как ваши с Алексом личные дела? — меняя тему, полюбопытствовала бабуля весело.

— Что ты имеешь в виду? — я не поняла.

— Вы спите в одной постели или в разных? — без зазрения совести заявила собеседница.

— Бабушка!!! — я почувствовала, что краснею. — Как ты можешь говорить такие вещи?!

— Значит, в разных, — разочарованно вздохнула она.

Я была в шоке. Что это еще за новости? Моя милая бабуля занялась сводничеством? Или я ослышалась?..

— Звонок из Штатов, наверное, стоит очень дорого, — проговорила я озабоченно. — Ты не разоришься?

— Ничего, — старушка усмехнулась, — Зато услышала тебя, Ларочка. Ты когда ко мне приедешь?

— Скоро, — не веря собственным словам, ответила я тихо.

— Я жду. Ну, вроде, все новости рассказала, пора и сворачиваться, — деловым тоном заявила собеседница.

— Ты там счастлива?

— Очень! Только по тебе скучаю, деточка.

Я улыбнулась, почувствовав теплоту и нежность в ее родном голосе.

— Ладно, увидимся еще... — пробормотали мои растянутые в сентиментальную улыбку губы.

— Пока!

На этом телефонный диалог закончился. Я медленно опустила трубку, находясь под впечатлением разговора. Как же я все-таки соскучилась по своей любимой бабушке. Поскорей бы ее увидеть снова.

Я едва успела принять прохладный душ и вылезти из ванной, как квартира вновь огласилась телефонной трелью. Замотанная в полотенце, со стекающими по лицу и телу каплями воды, я стояла все у того же зеркала, держа в руках трубку, которая радостно воскликнула:

— Здравствуй, Лариса!

— Добрый день, Роберт, — перейдя от неожиданности на шепот, ответила я.

Сегодня был просто какой-то телефонный бум, причем звонили исключительно из Америки. Что они там, сговорились, что ли?

— Лара, — мягко проговорил мужчина. — Я собираюсь приехать к вам на эти выходные.

— Правда? — мои брови поползли вверх, изогнувшись от недоумения по данному поводу.

Что, теперь перелет из одного конца мира в другой — левое дело? Прогулка на уик-энд?

— У Вас какие-то дела к Алексу?

— Нет, я просто хочу увидеть тебя. Ты ведь помнишь, как произносила тост за скорую встречу?

Мне стало как-то не по себе. У меня появился новый поклонник или я неверно истолковала его слова? Ноги подкосились, и я в очередной раз заняла привычное уже место на краю тумбочки трехстворчатого зеркала.

— Лариса, почему ты молчишь?

— Я? Я просто задумалась, — сбивчиво начали оправдываться мои влажные от стекающей с мокрых волос воды губы. — Это очень приятная новость — твой приезд. Надеюсь, Алекс тоже будет рад.

— Я созвонюсь с ним перед отлетом, — пояснил Фэа. — Ну, а как твои дела? Чем ты сейчас занимаешься?

— Вышла из ванной и сижу теперь, как мокрый котенок, возле телефона, — иронично отозвалась я.

— О! Прости. Я могу перезвонить позже.

— Зачем? Ведь мы скоро увидимся, — мягко возразила я. — Личное общение гораздо приятней телефонной беседы, не так ли?

— Конечно, — он засмеялся своим приятным негромким смехом. — Тогда... увидимся!

— До свидания, Роб, — я улыбнулась.

— До встречи, Ларочка.

Короткие гудки оповестили меня о том, что собеседник положил трубку. Настроение было подвешенное, я не знала, радоваться мне или грустить. Но кое-что нужно было сделать срочно — это одеться. Однако спокойно пожить мне долго не дали. И буквально минут через десять снова зазвонил телефон. Это был Ларин.

— Алекс дома? — спросил он ласково, когда услышал мое настороженное "алло?"

— Нет.

— Вот и прекрасно. Я хочу поговорить с тобой, Элис.

Я изо всех сил старалась придать голосу развязную интонацию, чтобы собеседник, не видя моего заgrimированного лица, ни дай Бог, не признал во мне свою умершую жену.

— О чем?

— О нас.

— Не въехала, — я, действительно, слабо понимала, про что он толкует.

— Элис, я соскучился, — вкрадчиво произнес мужчина. — Ты не заходишь ко мне после той безумной вечеринки. Почему?

— Я приболела, — в моих словах сквозило едва заметное раздражение.

— Может, мне удастся тебя вылечить? — сладко промурлыкал Славик. — Хочешь, я

сниму сегодня люкс в гостинице? Ты придешь? Обещаю, что тебе понравится. Я умею быть очень щедрым и страстным, не то, что твой деревянный любовник, из которого уже песок давно сыпется. Ну, так как?

Мне стало смешно и противно. Во-первых, от наглости бывшего мужа, во-вторых, от характеристики, которую он дал Северину. Судя по событиям прошедшей ночи, Ларину до Алекса расти и расти... хотя, все равно не вырастит, так чего зря напрягаться.

— Слава, — заговорила я как можно мягче. — Боюсь, что ничего не выйдет. Мой... любовник вернется с минуты на минуту, поэтому я никак не смогу тебе составить компанию.

— И никак нельзя отмазаться? — с досадой спросил мужчина, забыв о любезном тоне.

— Сегодня, нет, — голосом, не терпящим возражений, ответила я, и постучала костяшками пальцев по дверному косяку. — Ой! Кажется, кто-то пришел. Извини, я позвоню тебе сама, когда будет возможность.

— Ладно, — недовольно процедил собеседник. — Только постарайся сделать это в ближайшие дни, а то у меня от мыслей о тебе "стоит"...

Связь оборвалась, а я продолжала смотреть на трубку с таким ошарашенным видом, будто держала в руке не часть телефона, а ядовитую змею. Ничего себе заявление! Пошло, гадко и ужасно мерзко! Меня достало то, что этот кретин относится ко мне, как к проститутке. Что же это такое, в конце-то концов? Я была в бешенстве. Хотелось срочно разбить что-нибудь вдребезги, представив вместо обреченной на гибель вещи, голову Славика. Мало ему было той бутылки в баре... Вот, мерзавец! Поскорей бы он попал за решетку. Козел самоуверенный. Я оцетинилась, тупо уставившись на телефон, как будто белый аппарат и был головой обидчика. Спасло несчастный неодушевленный предмет лишь то, что он снова зазвонил.

— Алле? — прорычала я грозно, готовая вырубить кого угодно на том конце провода.

— Лариса, это Шинко, — раздался глуховатый голос старого профессора. — С Вами все в порядке?

— Простите, — виновато пробормотала я. — Просто мне только что довелось беседовать с очень не любезным человеком. Но... Откуда у Вас этот номер?

— Сегодня позвонил какой-то мужчина, назвавшийся Александром Северьяновичем. Он попросил меня встретиться с ним завтра по очень важному вопросу. А еще сказал, что он Ваш друг. И в доказательство оставил телефон, по которому я смогу с Вами, Ларочка, связаться.

— Понятно, — мягко сказала я, проклиная Северина за перевод стрелок с себя на меня. Пусть только появится! Ему тоже перепадет за все сегодняшние выходки его проклятого телефонного аппарата, — Во сколько встреча?

— В три часа дня. А о чем, собственно, идет речь?

— Если я не ошибаюсь, то о Вашей выставке, Владимир Павлович, — тепло отозвалась я, заметив в тоне собеседника настороженность. — Завтра все узнаете.

Он помолчал, переваривая информацию. Потом усмехнулся и весело проговорил:

— Тогда, до завтра, Лариса. Ты ведь тоже придешь?

— Обязательно.

— Ну, вот и хорошо.

— Пип-пип-пип... — короткие гудки засвидетельствовали конец беседы.

"Если позвонит еще кто-нибудь, я застрелюсь!" — мысленно решил мой перегруженный

противоречивой информацией рассудок. Телефон задребезжал. Пистолета под рукой не было, и я, обречено вздохнув, вновь поднесла к уху трубку.

— Аллё?..

— Привет, шлюшка! — это был язвительный голос Марины. — Где Алекс?

— Понятия не имею, — мне стало скучно, ее оскорбления достали не меньше, чем сегодняшней перезвон.

— Врешь, стерва, — процедила женщина, начиная заводиться.

— Да пошла ты... — вяло кинула я и нажала на рычаг.

Слушать грубости собеседницы не было ни сил, ни желания. Решив опередить очередного претендента на телефонную беседу со мной, я быстро набрала номер мобильного Северина и, услышав знакомый голос, мрачно проговорила:

— Алекс, ты где?

— На пороге, — ответил мужчина.

— На пороге чего?

Дверь, щелкнув замком, отворилась, и в квартиру вошел мой собеседник, держа в руке трубку. Я приоткрыла от неожиданности рот, тупо глядя на него. Потом, наконец, пришла в себя и сердито процедила:

— Ты все-таки починил этот чертов аппарат, — мой косой взгляд предназначался телефону. — Я готова собственноручно перегрызть его провода, чтобы больше никогда не слышать ужасных, ездящих по нервам, звонков.

— С кем ты говорила? — настороженно осведомился Александр, внимательно посмотрев на мое хмурое лицо.

— Тебе по порядку, или вкратце? — я вяло усмехнулась.

— Желательно, с того момента, как я уехал, — серьезно попросил он.

— Хорошо. Сначала звонила бабушка, и это было приятно. Потом мы беседовали с Робертом, это уже было не совсем приятно, так как он собрался приехать зачем-то на выходные сюда.

— Не понял, — Северин помрачнел, не сводя с меня пристальных глаз. — Что он тебе сказал?

— Роб сообщил о своем желании видеть меня, — невинно моргая ресницами, произнесла я тихо. — Но это еще не все.

— То есть? — мужчина сложил руки на груди и застыл в позе ожидания, продолжая сверлить меня взглядом.

— Потом состоялась беседа с Лариным. Он уговаривал меня придти к нему в снятый гостиничный номер, чтобы повеселиться, а когда я отказалась, стал нести какие-то пошлости...

Обычно бледное лицо Алекса начало недвусмысленно зеленеть от злости, синие грозовые глаза яростно сверкали угрожающего вида молниями. И самое неприятное во всей этой истории, что буря готова была разразиться не над Славвиной головой, а над моей.

— Шинко позвонил сразу после этого кретина. Мы договорились завтра встретиться. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Нет, — процедил собеседник сквозь сжатые зубы. — Что-нибудь еще?

— Да. Твоя белобрысая мымра меня опять оскорбляла. Она разыскивала тебя, так что можешь ей позвонить.

— Непременно, — мужчина взял трубку и начал набирать номер. — Роберт?.. — и

далее состоялся разговор на довольно быстром иностранном языке, из которого я, к своему большому сожалению, ничего не поняла. Когда беседа, наконец, закончилась, Алекс спокойно произнес, поворачиваясь ко мне:

— Он не придет, Элис. Дела возникли неотложные.

Судя по всему "делами" был сам господин Северин, нагло отговоривший друга приезжать. Ну и гостеприимство, однако.

— У тебя мокрые волосы, ты принимала ванну? — спросил Алекс, меняя тему.

— Да. И сняла бинты. Рука уже зажила, остались лишь царапины, — стараясь говорить без напряжения, пробормотала я.

— Очень, — он взял мою кисть в свои ладони, изучая следы порезов, — очень хорошо. А как колено?

— Прекрасно. Почти не болит.

— А анальгин?

— Что? — я округлила глаза, не понимая вопроса.

— То, от чего ты пила таблетки, тоже прошло? — любезно поинтересовался собеседник.

— Да, — выдавила я из себя и криво улыбнулась. — Все в полном порядке.

— Ну, вот и прекрасно, — он загадочно посмотрел на меня. — Ты обедала?

— Конечно, — иронично проговорила я, — у меня сегодня было разнообразное меню из телефонных звонков.

Алекс засмеялся. В его глазах плясали веселые чертики, безразличие и отчужденность, гостившие в них с утра, исчезли без следа. Я поняла, что мой любимый человек снова стал прежним, оттаяв от нанесенной мною вчера обиды.

— Тогда я пойду приготовлю поесть, — хозяин дома отправился на кухню, а я, в свою очередь, поплелась в зал. Диван по-прежнему был расстелен, а кота простыл и след. Исходя из того, что поблизости его тоже не наблюдалось, я сделала вывод — ушел шкродить.

— Лара, — появляясь в дверях, задумчиво спросил Северин, — ты точно ничего не готовила?

— Нет, — я насторожилась.

— Так, — он начал хмуриться, — ну что ж, пойдём искать мясо. Кажется, я знаю, чьих это рук дело, вернее, чьих лап. Вот только, как он умудрился открыть холодильник?..

Мне стало дурно. Краска отхлынула от лица, а в теле появилось легкое недомогание. Незря Машенька предупреждала меня о сложном характере своего питомца. Но представить, что Тайфун настолько оригинальная личность, я, покупая его, увы, не могла. Хотя, какая разница?! Мне нравятся неординарные натуры, особенно, когда они умеют ласково мурлыкать. И вообще, кот просто хотел кушать. Нельзя на него за это ругаться.

Твердо решив принять сторону серого проходимца, я отправилась в поисковую экспедицию по квартире вместе со своим мрачным спутником. На лице Алекса читалось недовольство, смешанное с удивлением. Вероятно, он был голоден, а воришка кот лишил его возможности приготовить еду. Спрятанные Тайфуном отбивные мирно покоились под кроватью хозяина, где расположился и сам похититель мяса. Что-то он уже успел съесть, остальное покусал. У его серой усатой физиономии был сытый, самодовольный вид, раскаяньем или страхом там совершенно не пахло.

— Ну вот, — обречено проговорил собеседник, — теперь этот паразит превратил мою спальню в столовую, — он тяжело опустился на небрежно покрытую покрывалом постель и,

посмотрев на меня, сказал:

— Присаживайся, Элис. Мы с тобой сегодня остались без обеда, хотя... — его взгляд упал на наручные часы, — уже половина пятого, скоро ужин, только не знаю, что мы будем есть.

Я искоса посмотрела на широкое ложе, потом на печального Северина, и осторожно попятилась к двери. Находиться рядом с этим человеком в катастрофической близости от его кровати мне совсем не хотелось, особенно, если вспомнить ночной инцидент.

— Может, сходим в кафе? — предложила я, когда мои ноги почувствовали спасительную твердь коридорного пола. — Там и поедим.

— Резонно, — шаря рукой в том месте, где минуту назад возлегал Тафа со своей аппетитной добычей, ответил мужчина. — Да где же он?

Алекс поднял край покрывала и заглянул под кровать. Покусанные куски были аккуратно сложены, а сам кот исчез. Я удивленно смотрела на стоящего на четвереньках с изумленным выражением лица собеседника, который был одет в безупречный строгий костюм, абсолютно, не сочетающийся с его нынешней позой. До моих икр дотронулось что-то теплое. Я опустила взгляд и улыбнулась. Тафа с невозмутимым видом ласково терся об мои ноги, нежно урча, будто все время тут и находился, а то, что лежит под кроватью — дело лап совершенно другого кота. Я подняла проказника на руки и принялась гладить.

— Мы с Тайфуном пошли в комнату. Я должна еще собраться перед походом в кафе. Нужно ведь одеть парик, сделать макияж...

Алекс улыбнулся, глядя на невинно ластящегося котика, которого я прижимала к груди.

— Понятно, "оно" нашло защитника, — иронично произнес собеседник.

— "Оно" всегда под моей охраной, — мягко, но твердо заверила я, уходя.

Прежде всего, мне пришлось высушить феном волосы, потом я начала краситься и, лишь когда эта процедура была закончена, я, надев парик, приступила к изучению моего не очень-то большого гардероба.

Мужчина, ожидавший меня, раздраженно ходил из угла в угол по квартире, но ничего не говорил. И что это он так странно себя ведет? Не так уж и долго я собираюсь, всего каких-то пару часов... Рисунки на теле я окончательно оттерла еще когда мылась, поэтому, повертев в руках немногочисленные детали одежды, я решила достать из шкафа черный классический костюм, который купил мне Северин на второй день нашего с ним знакомства. Обув на ноги успевшие разноситься туфли, я, наконец, вышла к замученному ожиданием Алексу и, мило улыбнувшись, сказала:

— Надеюсь, что на сытый желудок ты будешь выглядеть более приветливым.

Он покачал головой, скептически оценивая мою внешность, потом кисло проговорил:

— Твои распущенные волосы мне нравятся больше этих бесчисленных косичек.

— Предлагаешь снять парик? Ты же сам требовал, чтобы я его носила, выходя из дома.

Собеседник вздохнул, смирившись с неизбежностью.

— Идем, — увлекая меня за собой, пробормотал он тихо, я безропотно подчинилась, ощущая звенящую пустоту в желудке. Пора бы ее чем-нибудь заполнить, и, желательно, чтобы это самое "что-нибудь" было вкусным. Мы ехали на машине. Часы Алекса показывали без пятнадцати семь. Я никак не могла отделаться от странного чувства, будто за нами кто-то следит. Несмотря на то, что ни малейших подтверждений этому не было, меня мучило ощущение чужого присутствия.

Когда молодая, симпатичная официантка принесла заказанные блюда, я уже находилась в состоянии, близком к панике. Мой спутник, молча наблюдавший за мной все это время, наконец, не выдержал и встревожено спросил:

— Что происходит, Элис? На тебе лица нет. Снова надо пить аналгин?

Я подарила ему непонимающий взгляд, а затем, тревожно улыбнувшись, ответила шепотом:

— Мне кажется, мы не одни.

— Верно, — усмехнулся собеседник. — Здесь куча народу.

— Нет, — я заговорщически склонилась к нему через стол. — За нами следят, я чувствую это всем телом. Кто-то явно наблюдает и давно.

Северин недоверчиво приподнял бровь, но спорить не стал. Он принялся озираться по сторонам в поисках подозрительных личностей, которые так меня беспокоили. Я заметила, как по его бледному лицу пробежала черная мрачная тень, а глаза сузились, не предвещая ничего хорошего. Проследив его взгляд, я поняла причину такой перемены.

За крайним столиком, закинув ногу на ногу, сидела Марина. Ее довольный вид свидетельствовал о том, что она рада быть, наконец, замеченной. Женщина быстро поднялась со стула и легкой уверенной походкой двинулась в нашу сторону. Ее высокие тонкие каблуки отстукивали траурный марш нашему загубленному в очередной раз ужину.

— Привет, влюбленная парочка, — любезно поздоровалась блондинка, пододвигая к столику, за которым мы сидели, еще один стул. — У меня к вам дело.

Северин оцепенел от ее наглости. Он молча смотрел на собеседницу глазами из синего

льда, в которых читалась откровенная неприязнь.

— Знаешь, Алекс, — продолжала Марина мягко, — У меня есть маленькое хобби, — она достала из изящной черной сумочки оранжевый блокнот. — Мне нравится записывать то, что я узнаю от своих любовников.

— И много у тебя любовников? — надменно сложив на груди руки, спросил мой спутник холодно.

— Достаточно, чтобы получить от них квартиру, машину и еще кое-какие мелочи, — женщина хищно оскалилась, вероятно, пытаясь изобразить улыбку. — Ну, так вот, — она открыла свои записи и принялась читать. — Когда-то ты сказал мне, что приехал в Москву из-за счетов с одним преуспевающим в делах недвижимости типом.

— Ты ей это сказал? — мои брови вспорхнули вверх, подобно стремительным птицам, а глаза удивленно округлились. — Ну, ты и придурок, — я не успела во время прикрыть рот, поэтому фраза, слетевшая с моих губ, звонко ударила Северина по щеке, подобно пощечине. — Ой! Я не хотела.

Он одарил меня хмурым взглядом, но не проронил ни слова. А Марина продолжала:

— Потом ты, дорогой, обмолвился еще о денежном проекте, в который собирался втянуть все того же типа, чтобы наколоть его.

Я с изумлением смотрела на говорившую. И это та самая психопатка, которая закатывала мне сцены ревности?! Нет. Перед нами восседала деловая, хладнокровная женщина, в глазах которой читался расчет, а с губ слетала вполне спокойная, хотя и не очень приятная речь. Выходит, все вопли по поводу несчастной любви — спектакль. Тогда стоило признать, что эта белокурая гадина очень хорошая актриса.

— Короче, собрав всю информацию воедино, я поняла, что ты пытаешься раскрутить Ларина на бабки. Ведь это с ним у тебя счета? Не так ли? — блондинка ядовито улыбнулась. — А теперь слушай внимательно. Ты отдашь мне треть полученных от сделки денег и поможешь уехать в Америку, — она многозначительно помолчала. — А я, в свою очередь, оставлю вас, голубки, в покое и не стану сообщать Вячеславу Андреевичу о том, как мерзко ты с ним собираешься поступить.

Алекс еще с минуту сидел с каменным лицом, потом его губы дрогнули и... он начал смеяться. Этот громкий приступ неожиданного веселья не предвещал ничего хорошего. Если так пойдет и дальше, то Северин угробит весь план разорения Славика в его финальной стадии. Нужно было срочно что-то предпринять, не позволив мужчине вырубить новоиспеченную шантажистку парой отнюдь не любезных фраз. А он, к моему ужасу, собирался сделать именно это. Решение послать бывшую любовницу вместе с ее требованиями подальше буквально читалось в его смеющихся глазах.

— Марина, — проговорила я спокойно, сильно надавив каблуком на ногу моего спутника, отчего он перестал хохотать и удивленно посмотрел на меня, — Что касается второго — мы согласны. Тебе надо сходить к консулу на прием, чтобы получить визу. Это несложно. Надо иметь при себе паспорт, анкету и фотографии, а также необходимую сумму денег в валюте для оплаты услуг. Если ты сделаешь то, о чем я говорю, в понедельник, к среде у тебя уже будет билет в Штаты. Но вот насчет финансовой стороны вопроса... — я еще раз наступила на ботинок сидящего напротив, так как он собирался испортить затеянную игру. Приоткрывшийся с намерением что-то сказать рот Алекса быстро закрылся, как только он почувствовал боль, причиненную под столом моим каблуком.

— Какие-то проблемы? — серьезно поинтересовалась собеседница. — Я хочу двести

тысяч баксов, разве это много?

— Ты что, с ума сошла?! — вылупившись на нее, как на останки древнего мамонта, воскликнула я. — Мы столько сами в жизнь на этом деле не заработаем. Двадцать, это еще куда ни шло.

Северин обалдел. Он так странно на меня смотрел, что я с трудом сдерживала подступивший к горлу смех.

— Тридцать, — с деловым видом заявила Марина.

"Ага! Значит, все ее обвинения построены на домыслах, — мелькнуло в моей голове. — Иначе она знала бы о сумме, фигурировавшей в проекте, и ни за что не согласилась бы на такое понижение".

Мысль об этом придала мне силы. Блефовать, так блефовать! Посмотрим, кто кого переиграет.

— Двадцать пять! — безапелляционно огласила я свой приговор, она сдалась, соглашаясь.

— Мне нравится иметь дело с умными людьми, — вежливо произнесла шантажистка, вставая из-за стола. — В понедельник я вам позвоню. Приятного аппетита!

Марина ушла, гордо подняв голову и радостно улыбаясь. На ее красивом лице читалось удовлетворение от проведенной беседы. Я же, проследив за тем, как она вышла из кафе, закрыла рукой лицо, сотрясаясь от беззвучного смеха, который столько времени подавляла.

— Элис, ты плачешь? — взволнованно пробормотал Алекс, дотронувшись до моего плеча. От его неподдельного беспокойства мне стало еще смешнее. Убрав от лица ладонь, я весело сказала:

— Ну и физиономия у тебя была, милый. Ты что, никогда не видел двух очень серьезных женщин, которые делят шкуру неубитого медведя?

Он понял, что ошибся. Причиной моих странного рода конвульсий был смех, а не слезы. Вид у него стал обиженный, губы сжались.

— Что за глупости ты несла, Лара? — хмуро процедил он, приступая к еде. — И зачем ты отдала мне ногу?

— Чтобы ты не мешал мне "нести глупости" — хитро улыбаясь, ответила я.

— Зачем ты согласилась на шантаж этой проходимки? — он сердился.

— Чтобы она не помешала нам закончить дела с Лариным. А когда Славик попадет за решетку, мы объясним твоей сообразительной любовнице, что она, увы, пролетает со своими требованиями.

Собеседник мрачно усмехнулся, затем язвительно произнес:

— Лисёнок, я же не напоминаю тебе о том, что Славик — твой дражайший супруг. Так что перестань терзать меня тем, что Марина — моя бывшая любовница.

— Принимается, — отпив глоток сока, согласилась я.

— Хочешь вина? — меняя тему, предложил Алекс.

— Не-а! — мне по-прежнему было весело. Настроение почему-то поднялось, хотелось проказничать, но как? Пока в голову ничего не приходило. Однако шkodливое выражение моего лица заставило Северина настороженно спросить:

— Что за кошмарные идеи рождаются в твоей очаровательной головке, Элис?

Я невинно вскинула ресницы, всем своим видом демонстрируя самые чистейшие помыслы.

— Мне просто нравится еда, — улыбаясь, ответила я губы, а в зеленых глазах заплясали

лукавые чертики.

Я была довольна результатом затеянной с Мариной игры, и меня забавляла подозрительность собеседника. Я смотрела на него, как кошка на сметану, откровенно строя бедняге глазки, чем повергла Алекса в крайнее замешательство.

— Ну, ну... — недоверчиво пробормотал он, с сомнением взглянув на меня.

— Может, потанцуем? Такая красивая музыка, — я вся светилась от переполнявшего мою душу веселья.

Он медленно поднялся и подал мне руку. Летнее кафе было небольшим, но уютным. На середине зала кружились немногочисленные пары и мы вскоре присоединились к ним. Я нежно обняла своего партнера за шею и, подарив ему милую улыбку, уставилась в бездонные синие глаза, которые манили меня, подобно океанской бездне. Короче, вела я себя по хорошо известному принципу — "и хочется, и колется, и мама не велит". Вот только Северину от этого было не легче, потому что он совершенно не знал, как на мое поведение реагировать.

— Элис, что с тобой происходит? — растерянно глядя на мои улыбающиеся бордовые губы, спросил он.

— Мне просто нравится музыка, — мягко отозвалась я, прильнув к нему теснее.

— Просто еда, просто музыка, что еще для тебя просто? — задумчиво поинтересовался мужчина, я лишь пожала плечами в ответ.

В самый разгар танца зазвонил его телефон. Алекс замер на месте, отстраняясь от меня.

— Минутку, Лисёнок, я сейчас... — он отошел в сторону и поднес трубку к уху, а я осталась стоять посреди зала, как дура.

Мне такой поворот событий, естественно, не понравился, поэтому, окинув ближайшие столики внимательным взглядом, я, выбрав жертву, двинулась к одному из них.

— Можно Вас, — мило улыбаясь плечистому длинноволосому парню, сидящему рядом с парой своих друзей, проговорила я.

— Конечно, — он быстро поднялся и, решительно обхватив мою талию, увлек в центр танцевальной площадки. — Как зовут мою прекрасную незнакомку?

— Лара, а Вас?

— Сергей, может быть, перейдем на "ты"? — собеседник игриво улыбался, с интересом разглядывая меня.

Я покосилась в сторону Северина и, заметив, как медленно опустилась его рука с трубкой, а глаза гневно засверкали, вновь повернулась к парню с очень довольным видом.

— Хорошо, давай на "ты".

— Ларочка, ты здесь с кем? — он мягко оттолкнул меня от себя, позволив покрутиться вокруг собственной оси, потом снова подхватил и закружил по залу.

— С другом.

Брови симпатичного партнера взмыли вверх, а губы удивленно произнесли:

— Почему же он с тобой не танцует?

— Алекс предпочитает свидание с телефоном, а не со мной, — смеясь, ответила я. — Ну, а с кем ты?

— Вон тот светленький мой брат, а паренек, что сидит рядом — наш приятель. Мы вчера только из Питера приехали. Были на соревнованиях.

— Ты спортсмен? — я с восхищением посмотрела на Серёжу.

— Гонщик. Ну а ты?

— Я скучный-прескучный историк, — удрученно протянула я. — А почему вы без дам?

— Моя подружка сегодня работает в ночную, так что у нас холостяцкий сабантуйчик.

— Ну что же, желаю хорошо повеселиться, — весело сказала я, останавливаясь, так как музыка затихла.

— А, может, ты к нам переберешься? — предложил Сергей, все еще придерживая меня за талию.

— Боюсь, мне это выйдет боком, — я натянула на лицо фальшиво трагичную маску. — Но, кто знает, возможно, мы с тобой еще встретимся. В любом случае, приятно было познакомиться.

— Мне тоже!

Мы разошлись, каждый в свою сторону. Милое, ни к чему не обязывающее знакомство. Я была довольна этим маленьким приключением, ну а хмурая гримаса на лице Северина меня приводила в настоящий восторг. Будет знать, как бросать девушку посреди танца! Я подошла к нему летящей походкой. Глаза искрились смехом, губы очаровательно улыбались.

— Кто звонил? — скромно полюбопытствовала я.

— Неважно, — процедил Алекс холодно. — А кто твой новый друг?

— Неважно, — хитро шурясь, ответила я. — Кстати, как насчет десерта?

— Думаю, нам пора домой, — голос мужчины звучал спокойно, но в глазах горел недобрый огонек.

Кажется, я накликала на себя беду. Но мое нынешнее настроение не мог испортить даже такой очевидный факт. Мне было интересно наблюдать, как мой спутник бесился. Любопытно, всему виной его уязвленное самолюбие, или банальная ревность?

— А я хочу десерт, — с невозмутимым видом заявила я.

— Что конкретно ты хочешь? — чеканя каждое слово, проговорил собеседник.

— Мороженое с... сиропом, — подумав, ответила я.

Мы купим и то и другое по дороге домой, — сказал он и, резко схватив меня за руку, вывел из кафе, предварительно расплатившись с официанткой.

— Ты слишком груб, — обиженно фыркнула я, когда он силой затолкал меня в машину.

— А ты — маленькая вертихвостка, — бросил Северин, садясь за руль.

Я опешила, не зная, как реагировать. То ли устроить сцену, то ли пропустить мимо ушей. В конце концов, я решила изобразить оскорбленную невинность, и с гордо поднятой головой погрузилась в торжественное молчание.

Мороженое мне купили, правда, без сиропа, зато с шоколадом. Оказавшись дома, я наложила себе целую тарелку сладкой холодной массы и обильно посыпала ее шоколадной стружкой. Выглядело очень аппетитно.

Алекс, бросив меня одну на кухне, ушел в свою спальню и заперся там. Мне было скучно. Так и хотелось обиженно пробубнить: "Я так не играю". Поэтому, поразмыслив над сложившейся ситуацией, я с абсолютно невозмутимым видом отправилась допекать несчастного мужчину и дальше. Встретивший нас у порога Тафа гордой походкой прошествовал рядом, застыв у закрытой двери вместе со мной.

— Ну как, стучимся? — шепотом спросила я у кота.

— Мяу, — негромко отозвался он, выжидающе глядя на меня.

Наверное, на кошачьем языке это означает "да". Рассудив так, я негромко поскребла ногтями по косяку. В ответ — тишина. Тогда, совсем обнаглев, я толкнула ногой дверь и вошла в комнату.

— Мы принесли тебе десерт! — воскликнула я громко, подталкивая ногой Тайфуна вперед. — Ты не рад?

Он стоял у окна спиной ко мне.

— Нужно было постучать прежде, чем вламываться, — спокойно проговорил Алекс, не оборачиваясь.

— Я стучала, — возмущенный ответ заставил его отвлечься от созерцания улицы и посмотреть на свою ночную гостью, вернее, на гостей, так как Тафа, чинно пройдя по паркетному полу, запрыгнул на его огромное ложе и по хозяйски там развалился.

— Если едва различимое шебуршание называется стуком, то Вам, юная леди, стоит прояснить смысл данного слова по словарю, — язвительно заметил Алекс, пытаясь поймать быстро вскочившего кота, который пулей слетел с кровати, увернувшись от протянутой к нему руки.

— Ты будешь мороженое? — с вызовом спросила я.

— Ешь его сама, — резко осадил меня он.

Ох... лучше бы ему со мной так не разговаривать. Взбесившись от подобного ко мне отношения, я, сделав несколько решительных шагов в его сторону, запустила содержимое тарелки в физиономию обидчика. Он успел вовремя среагировать и, подставив руку, получил порцию сладкого десерта не в лицо, а на рубашку. Но и этого было вполне достаточно. Осознав, наконец, что натворила, я осторожно отступила назад, просчитывая путь к безопасному отступлению. Лицо Алекса окаменело, а глаза почернели, предвещая взрыв.

— Спасибо, дорогая, за угощение, — аккуратно слизнув с пострадавшей вместе с рубашкой руки белую прохладную массу, процедил он ядовито. — Очень вкусно.

— Знаешь, — пятясь к двери, пробормотала я сбивчиво, — завтра я могу все постирать.

— Завтра?! — прорычал он, нависая надо мной.

— Хорошо, хорошо, сегодня, — быстро согласилась я, хватаясь за стенку, чтобы хоть на что-то опереться.

Северин продолжал надвигаться, подобно туче, а я медленно отступала. Чего хотела, как говорится, то и получила. Ну, теперь расхлебывай собственную кашу, Лариса! И зачем я только сюда притащилась вместе с этим злосчастливым мороженым?..

— Идем в ванную, — приказал он гневно.

— Стирать? — пискнула я из-под его тяжелой руки, которую собеседник опустил мне на плечо.

— Угу, — рыкнул он, и втолкнул меня в открытую им дверь. — Включай воду, Элис.

Я безропотно подчинилась, отвернув вентиль и настроив необходимый напор. Теплая струя потекла в раковину, но, по требованию мужчины, я направила воду в большую квадратную ванную. Вода громко шумела, заполняя белоснежное дно.

— Где порошок? — стараясь придать голосу беззаботный тон, невинно спросила я.

— Неважно.

— То есть? — не поняла я.

В глазах Алекса горел знакомый синий огонь. Снова заметив его яркие языки, я не на шутку струхнула. Краска отлила от лица, а руки затряслись. Что он задумал? Чует мое сердце, ничего для меня хорошего.

— Мне срочно надо выйти, — попытавшись прорваться к двери, пролепетала я.

— Нет уж! Ты ведь мечтала о моей компании, ты ее и получишь, — язвительно парировал собеседник, схватив меня за руку.

— Я плохо себя чувствую, — всхлипнув, проскулила я тихо. — Пожалуйста, пусти.

Ноги мои заскользили по кафельному полу, и я едва не рухнула, зацепив локтем бельевую корзину. Звякнув, она упала, а меня от падения удержал Северин. Он осторожно поставил мое обмякшее тело в вертикальное положение и, пригладив полы расстегнувшегося пиджака, мягко сказал:

— Прости, Элис, я пошутил. Не стоит расстраиваться, и, ради Бога, не плачь.

— Я и не плачу, — вытерев рукавом слезу, промычала я обиженно. — Почему ты такой грубый?

Мужчина вздохнул, присев на край наполнявшейся ванной. Он грустно посмотрел на меня, а потом произнес извиняющимся тоном:

— Лисёнок, я не хочу причинять тебе боль, но меня доканал твой флирт с этим длинноволосым кретином.

— Сергей не кретин, он — гонщик.

— Значит, с гонщиком, — прошипел Алекс, снова раздражаясь.

— Ты ревнуешь, — сделала я вывод вслух.

— Возможно, — он не стал отпираться, чем меня очень удивил. — А теперь иди спать, иначе я, в очередной раз, скажу что-нибудь не то, и ты обидишься.

Мне совершенно, не хотелось спать и еще меньше у меня было желания идти. Единственное, что сейчас мне было необходимо — видеть его. Мужчина пристально смотрел на меня, ожидая, вероятно, немедленного бегства, но он ошибся. Я постояла какое-то время в нерешительности, потом подошла к нему и, глядя в упор, положила руки на его плечи. Он не сводил с моего лица удивленных глаз.

— Сними рубашку, — улыбнувшись, предложила я. — Она ведь испачкана.

Пальцы мои принялись осторожно расстегивать пуговицы. Я полностью сосредоточилась на своем занятии, стараясь избежать его пытливого взора. Он позволил мне сделать это, продолжая сидеть все в той же позе.

— Почему ты вчера сбежала? — неожиданно спросил Северин.

Моя рука замерла, а ресницы предательски дрогнули. Не решаясь взглянуть на Алекса, я тихо ответила:

— Это неважно.

— Из-за меня или из-за анальгина?

Теперь я посмотрела на него, недоуменно расширив глаза. Это еще что за вопрос? Или он догадался о моем "интересном" положении? Не решаясь заговорить, я только молча глядела на него.

— Из-за меня? — настойчиво повторил Алекс первую часть вопроса.

— Нет.

— Понятно, — он довольно усмехнулся.

Я больше не могла сдерживать бушевавшие в сердце чувства и, не сумев побороть порыв, нежно поцеловала эти растянутые в улыбке уста. Руки его моментально обвили мой стан, притянув к себе. Скромный поцелуй с невероятной скоростью превратился в интимную игру пылающих страстью губ. Я впилась пальцами в его спину, ощущая сквозь тонкую ткань заплавшее тело и вдруг поняла, что куда-то падаю. Громкий всплеск и приятная влага, окутавшая меня, оповестили — куда именно. Оказавшись в ванной вместе с человеком, глаза которого горели желанием, я побледнела.

— Что ты наделал?! — пытаюсь подняться, воскликнула я, испуганно уставившись на него.

Мужчина невозмутимо снял с себя испачканную рубашку и, загадочно улыбнувшись, сказал:

— Ты совсем промокла, ангел мой. Раздевайся.

— Чёрта с два! — приходя в бешенство, прорычала я, вновь попытавшись выбраться из воды, но он, поймав меня, прижал к своему обнаженному торсу.

— Элис, — прошептали его губы, лаская мой висок, — пожалуйста, останься.

— Я не могу, — еле слышно отозвался внезапно охрипший голос.

— Я не причиню тебе боли, — мягко заверил любимый, захватив губами мочку моего уха. — Обещаю.

— Я, правда, не могу, — чуть громче повторила я свое слабое возражение.

— Ты необыкновенная, — он заглянул мне в глаза, приподняв подбородок, и нежно коснулся губ. — Позволь мне раздеть тебя, Лисёнок.

Я судорожно сглотнула, с ужасом обнаружив, что готова сдаться на милость победителя. Больше бороться с этой лавиной незнакомых, волнующих чувств не было ни сил, ни желания.

И тут пришло спасение. Вернее, оно примчалось, а точнее, прилетело, растопырив серые тонкие лапы с выпущенными когтями. Кот с грозным воем ворвался в ванную и, разбежавшись как следует, прыгнул на нас. Брызги разлетелись во все стороны, заглушив перепуганное "мяу-у-у!" Мокрый, с выпученными от ужаса глазами Тафа начал отчаянно выбираться из водяного плена, в который угодил добровольно, стремясь разбавить наше одиночество своим присутствием. С дикой скоростью вскарабкавшись на мое плечо, трясущееся от холода и страха создание резко спрыгнуло на скользкий пол, ударившись животом о его блестящую поверхность, так как мокрые лапы предательски разъехались. Пулей вылетев из ванной, Тайфун, жалобно подвывая, скрылся в одной из комнат и... затих. Придя в себя, я умоляюще взглянула на Алекса, готовая разрыдаться. Он быстро сообразил, в чем дело, и успокаивающе произнес, обнимая меня:

— Сейчас мы его найдем, не переживай, Элис.

Выбравшись из воды, Северин бережно вытащил и меня оттуда. Потом сорвал с крючка

длинное теплое полотенце и закутал меня в уютную махровую ткань, предварительно избавив от мокрого пиджака. Затем, не снимая своих намокших брюк, облепивших его ноги, удивительно быстро сбегал в комнату и принес мне рубашку, в которую я уже одевалась когда-то после мытья. Вскоре на мне была абсолютно сухая одежда. Ну, а заботливый хозяин накинул на себя банный халат. Мы отправились на поиски перепуганного малыша, опасаясь, что он мог что-то себе повредить.

Найти Тайфуна оказалось нелегко, но, в конечном счете, наши усилия увенчались успехом. Мокрое всклокоченное существо с округлившимися затравленными глазами забилося в угол под моим диваном. С трудом достав бедолагу оттуда, я ласково обняла его хрупкое тельце и уложила в мягкое пушистое полотенце, приготовленное специально для него. Северин расстелил мне постель и, заботливо укрыв нас обоим одеялом, ушел в кабинет, пожелав мне "Доброй ночи". Я так и заснула, обнимая серый комочек, внутри которого стучало маленькое перепуганное сердечко.

Нежное прикосновение чутких мужских пальцев пробудило меня с утра. Кота рядом не было, осталось лишь помятое полотенце.

— Вставай, красавица, у нас сегодня встреча с профессором, — мягко потрепав меня по плечу, проговорил Алекс.

Так начался новый день. Прособиралась я как раз почти до назначенного времени. Белый парик Алекс мне надеть не позволил, поэтому пришлось остаться со своими естественными волосами, которые я заплела в косу и откинула назад.

Шинко ждал нас дома. Он заметно удивился явной перемене в моей внешности, но, судя по одобряющей улыбке, она ему пришлась по вкусу. А Галина Сергеевна, хлопотавшая у стола, даже похвалила цвет моей натуральной прически.

— Я хочу предложить Вам, Владимир Павлович, организовать выставку в Доме художника, а затем мы отправим ее в мировое турне. Моя фирма возьмет на себя все вопросы относительно финансового обеспечения и рекламы, — после обмена парой вежливых фраз, начал Алекс, внимательно глядя на седого собеседника.

— Но зачем Вам это надо, молодой человек? — недоверчиво спросил старик, пристально изучая лицо моего спутника.

— Я давний поклонник Вашего искусства, — честно признался Северин.

— И какова же давность? — в глазах Шинко забрезжила смутная догадка.

— Шестнадцать лет, Владимир Павлович. Уже целых шестнадцать лет. Хотя... гораздо больше.

Они узнали друг друга... Ни измененное лицо, ни огромный промежуток времени, ничто не могло помешать учителю разглядеть в сидящем напротив мужчине своего любимого ученика. Я замерла, наблюдая с внутренним трепетом, как общаются люди, не видевшиеся столько лет. Они беседовали обо всем и ни о чем, профессор изредка вытирал с блестящих от радости глаз скупую слезу, а его жена, достав белый платочек в горошек, плакала, забыв о стеснении. Это были родные для Кирилла люди, которые продолжали занимать кусочек сердца моего любимого Алекса.

Они быстро обо всем договорились. Уже в ближайший понедельник работы старого профессора начнут готовить к экспозиции люди, которых специально для этого обязался нанять Северин.

Уходить из такой приятной компании совершенно не хотелось, но на улице уже стемнело — день пролетел неожиданно быстро, и мы засобирались домой. На прощанье я поведала дотошной пожилой чете о проделках приобретенного в их доме кота, чему они от души посмеялись. Их лица сияли и в чистых живых глазах светилась любовь, переполнявшая их сердца настолько сильно, что они готовы были поделиться ею со всем миром. Пообещав навещать стариков почаще, мы, простившись, вышли на улицу.

Сидя в плавно скользящей по вечерней дороге машине, я все еще находилась под впечатлением случившегося. Только что нам удалось сделать двух замечательных людей счастливыми. Я посмотрела на сидящего за рулем мужчину и с удовольствием поправила себя: трех, а если учитывать и меня, то четырех.

— Ты доволен, что встретился с Владимиром Павловичем, Алекс? — спросила я, когда мы подъезжали к дому.

— Ты же знаешь, что да, — лукаво взглянув на меня, ответил он.

— То-то же! А еще упирался... — усмехнулась я, шутливо укоряя его.

— Напрашиваешься на комплимент? — вкрадчиво произнес Северин, слегка наклонившись ко мне. — Хорошо, признаю, ты была права, Элис. А я вел себя, как дурак, пытаюсь сбежать от прошлого, в котором, кроме боли, осталось столько хорошего.

Мне было приятно слышать это. Довольная его словами, как, впрочем, и всем сегодняшним днем, я блаженно улыбнулась, прикрыв глаза. Я чувствовала себя такой умиротворенной, полной жизненных сил и стремлений, будто побывала в раю, а не в маленькой квартирке старого профессора. Хотя, если есть рай на земле, то место его именно в таких квартирках, где проживают люди, способные, словно истинные святые, творить добро.

Как только мы добрались до квартиры, Алекс первым делом принялся звонить Ларину. Славика не было, но Татьяна любезно сообщила о том, что кредит получен и отправлен в счет оплаты дорогостоящего оборудования. Теперь оставалось лишь ждать, когда до фирмы Роба дойдут эти самые деньги. Собеседники обменялись еще парой вежливых фраз, немного пошутили, после чего, наконец, попрощались.

— Она явно к тебе равнодушна, — с некоторым раздражением проговорила я, когда мужчина положил трубку.

— Мне бы больше понравилось, если бы равнодушной ко мне была ты, Лара, — таинственно улыбаясь, сказал мой любимый, с нежностью глядя на меня.

От такого откровенного заявления мне стало не по себе. Я покраснела, опуская глаза, и быстро поменяла тему, произнеся деловым тоном:

— Куда же подевался кот?

— Наверное, проказничает где-нибудь под моей кроватью, — усмехнулся собеседник. — Может, пойдем поищем?

— Нет уж, я лучше подожду его в зале, — мягко возразила я, представив себе огромное ложе, в зону притяжения которого меня только что ненавязчиво пригласили.

Я итак с трудом боролась с собой, а он еще, ко всему прочему, подливал масла в огонь подобного рода заявлениями. Но я ведь не железная, в конце концов, я же могу и сломаться... А в моем незавидном, по воле матушки природы, положении, это делать категорически запрещено.

Есть не хотелось. Живот был полон кулинарных творений жены профессора, которыми она обильно потчевала нас весь день. Я уселась на свой ставший уже родным диван, и уставилась в телевизор. Вскоре откуда-то из-под стенки выполз Тайфун и, радостно замыкав, подошел ко мне. Он совсем оправился после вчерашнего стресса, и теперь на его хитрой серой мордашке читалось вполне довольное, сытое выражение.

— Элис, — приоткрыв дверь ванной, которая располагалась неподалеку от моей комнаты, крикнул Алекс. — Не принесешь мне из шкафа полотенце. Слева, на второй полке, синее такое...

Несмотря на то, что мою голову посетили мысли о чрезмерной развязности Северина, просьбу его я все-таки выполнила, неспешным шагом отправившись в спальню. Стараясь как можно скорее выбраться из его светлых, уютных владений, я быстро достала из-за раздвижной зеркальной двери необходимую вещь и пошла в ванную.

Он еще только собирался мыться, его рука быстро закрутила кран, избавив меня тем самым от шума льющейся воды, который мешал слышать собеседника. Грудь его была обнажена, расстегнутая рубашка свободно облегла плечи.

— Тебе что, самому не сходить? — недовольно осведомилась я, протягивая полотенце.

— Мне надо с тобой поговорить... — невинно сказал Алекс, хитро глядя на меня.

— Примешь душ и поговорим, — направляясь к выходу, пробормотала я хмуро. Перед глазами поплыли вчерашние события, и мне отчего-то стало неловко.

— Хочу тебе признаться... — интригуяюще начал собеседник.

— В чем? — мое любопытство одержало верх над осторожностью.

— В том, что с первого дня нашей с тобой встречи, Лисёнок, меня ужасно бесило одно обстоятельство.

— Какое? — я с интересом уставилась на него, позабыв о желании как можно скорее покинуть ванную.

— Твой брак с Лариным.

— Ха! — мне стало смешно. — Тоже мне, Америку открыл. Я давно заметила, как сильно раздражает тебя Слава.

— Ты не поняла, — приближаясь ко мне, точно тигр к добыче, вкрадчиво проговорил мужчина. Его высокая фигура нависла надо мной, преградив путь к двери. — Я имею в виду, не твоего бывшего мужа, а тебя.

— То есть? — отступив на шаг, чтобы избавиться от его близости, хмуро спросила я.

— Меня бесило, Элис, что он имеет на тебя права, а я — нет, — с видом голодного хищника, объявил Алекс.

— Это что, эстафета? — меня начало трясти от нахлынувшей злости. — Разве я похожа на переходящий приз или на трофей, который рано или поздно окажется висящим на чьей-то стенке?

— Извини, дорогая, я неправильно выразился, — попытался успокоить меня Северин. Он хотел было обнять меня за плечи, но я в ярости отскочила, полоснув ногтями по его лицу. Тонкие царапины мгновенно покраснели, в одной даже засветилась алой полоской кровь.

Собеседник заломил мне руки за спину, в его глазах появилось гневное выражение, темные густые брови недвусмысленно съехались на переносице.

— Я же извинился, — прорычал он возле моего уха. Волосы мужчины щекотали мне висок, его дыхание обжигало кожу.

— Отпусти сейчас же, я тебе не змея, которых ты ловил в Средней Азии, — отчаянно вырываясь, бросила я сердито, исподлобья глядя на него.

— Ты и это откуда-то узнала... — ядовито усмехнулся Алекс. — Шустрая девочка.

Кровь на его скуле выступила сильнее, ее тонкая струйка медленно поползла вниз, грозя испортить белую ткань рубашки. Мне захотелось предотвратить неизбежное, и я попыталась вытащить руку из его цепких пальцев, чтобы стереть злосчастную каплю с лица Алекса. Однако сия попытка не увенчалась успехом. Тогда, не придумав ничего более умного, я слизнула кровь с его щеки и, с чувством исполненного долга, уставилась на Северина. Он опешил, не совсем понимая причину моей выходки.

— Ты опять чуть не испортил рубашку с моей помощью, — пояснила я, как можно спокойней. — Я просто вытерла каплю крови, вот и все.

Он отпустил меня, затем взглянул в зеркало и криво усмехнулся, заметив свежие царапины, которыми я его наградила.

— Какая ты заботливая, Лариса, но особенно хорошо ты позаботилась о моей физиономии, — язвительно прошипел собеседник, поворачиваясь ко мне. — И что я теперь должен с этим делать?

Мне стало стыдно. Но вернуть все назад было не в моих силах, поэтому я лишь пожала плечами, робко глядя в его глаза.

— Ну, ангел мой, ты обо мне все теперь знаешь? Я уже обречен на участь старой газеты с разгаданным кроссвордом? — мужчина кисло улыбнулся, коснувшись кончиками пальцев пострадавшей кожи. — Судя по всему, да.

— Нет! — я взбесилась. — И что ты пристал к этому несчастному кроссворду? Мне не хватит вечности, чтобы разгадать тебя, поэтому, будь любезен, прекрати язвить. И, вообще, вода остывает. Ты собирался мыться.

Я резко поднялась с края ванной, на который непроизвольно присела в процессе разговора. Однако Алекс не дал мне уйти, встав напротив и преградив дорогу. Его руки покоились на открытой рельефной груди, взгляд синих блестящих глаз казался надменным, поза — самоуверенной.

— И ты опять хочешь сбежать? — с фальшивой любезностью поинтересовался он.

— Невероятно! — я всплеснула руками. — Начинается! Я хочу сбежать? Нет! Я не хочу никуда сбежать! — меня разбирала злость.

Вся эта ситуация сидела у меня в печенках. Захотелось устроить скандал и желательно с битьем посуды. Но так как последней под рукой не оказалось, я с успехом принялась швырять тюбики с шампунем и мыло, продолжая говорить на повышенных тонах.

— Я устала от твоих наездов, милый! Что тебе надо? Задумал посадить меня в ванную, как вчера? Можешь не трудиться, — я резко перемахнула через край и с громким всплеском очутилась по колено в воде. — Ты счастлив?

Северин захохотал. Он так заразительно смеялся, что мои губы невольно дрогнули, расплываясь в ответную улыбку. Обстановка разрядилась с первыми звуками его мягкого приятного смеха. Алекс подошел ближе и, притянув меня к себе, тихо сказал, обжигая дыханием мои губы:

— Я безумно счастлив.

Его поцелуй был нежным и волнующим, я поняла, что таю, погружаясь в приятную пелену нахлынувших чувств. Дальше все развивалось как в прекрасном сне. Мое голубое шифоновое платье, подобно прозрачному легкому облаку, сползло вниз, под настойчивыми руками мужчины. Он отступил на шаг, любуясь мною, потом снова приблизился, глядя в мои расширенные от внутренней борьбы глаза.

— Не бойся, Элис, — прошептали его чуткие губы, покрывая поцелуями мое лицо. — Я не причиню тебе зла.

— Мы не можем... — попытался возразить очнувшийся рассудок, но Алекс оборвал его глупое сопротивление, мягко сказав:

— Конечно, можем, если очень желаем этого. А ведь мы желаем? — в его синих бездонных глазах забрезжил огонек надежды. — Ты хочешь меня, Ларочка?

— Да, — еле слышно ответила я, — но...

Однако Алекс, получив подтверждение, более не слушал меня, он принялся ласкать мое тело, впиваясь страстными устами в мой приоткрытый рот. Его действия стали быстрыми и настойчивыми. Я и не заметила, как оказалась без нижнего белья лежащей в широкой квадратной ванной под тяжелым телом Алекса. Его руки скользили по моим плечам, груди, медленно опускаясь к бедрам. Я резко дернулась, отчего на воде появились легкие волны.

— У меня, у меня... — пробормотали губы, уворачиваясь от его жарких поцелуев.

— Анальгин? — лукаво улыбаясь, спросил мужчина, прижимая меня к себе и не давая вырваться.

— Что? — я часто заморгала, не зная, как понимать его вопрос.

— Критические дни, я прав? — он по-прежнему улыбался, ласково глядя на меня.

Я молча кивнула, сообразив, что краснею, как школьница.

— Мне все равно, Лисёнок, — захватив губами мочку моего уха, прошептал

любимый. — Я схожу по тебе с ума, и ничто, слышишь, ничто не может отнять тебя у меня сегодня.

Мы занялись любовью прямо в ванной. Его упругое твердое тело слилось с моим в порыве безудержной всепоглощающей страсти. Я чувствовала его ритмичные движения, поднимающие внутри меня теплые волны неизведанных ранее ощущений. Горячие уста любовника жадно впивались в мой рот, поглощая тихие стоны, которые непроизвольно слетали с моих онемевших от бесконечных поцелуев губ. Длинные ногти врезались в его широкую спину, а мои глаза изумленно распахнулись, сосредоточившись на дорогом сердцу лице. Алекс внимательно наблюдал за моей реакцией, продолжая любовную игру.

Я почувствовала, как разгорающееся внизу живота пламя необычайно приятных ощущений готово рассыпаться множеством искр по всему телу, ознаменовав тем самым, последнюю ступень блаженства, возле которой я сейчас находилась. Вероятно, рассмотрев на утомленном страстной пыткой лице готовность к кульминации, Северин крепко сжал мои бедра, стремительно врываясь в меня, и замер.

Я вскрикнула от великолепной яркой волны наслаждения, которая разлилась по всему телу, заставив его вздрогнуть. Какое-то время мышцы еще сокращались, потом пришло расслабление.

Мы по-прежнему лежали, обнявшись, в воде. Наши ноги были переплетены, руки нежно ласкали друг друга. Я посмотрела в глаза любимого и тихо проговорила:

— Мне никогда, никогда не было ни с кем так хорошо, как с тобой.

— И не будет, — улыбнулся он, целуя меня. — Я этого просто не допущу.

Отдавшись Алексу, я подписала на все последующие часы себе приговор. Он оказался чрезвычайно страстным и потому овладевал мною снова и снова. Не важно, была то ванная, кабинет или его спальня. Ночь безумной любви не хотела кончаться, увлекая нас в водоворот потрясающих эмоций. Это было прекрасно! Наконец, я заснула, лежа в его объятьях посреди огромной мягкой кровати.

В пять утра по закрытой двери начали яростно скрести, требуя аудиенции. Это был Тафа. Когда я, сонная и растрепанная, накинув на себя рубашку любимого, впустила кота в комнату, он недовольно посмотрел на меня и гордо прошествовал на постель, где спокойно устроился в изголовье спящего хозяина. Я лишь развела руками от подобной бесцеремонности и, скинув одежду, вновь уютно устроилась под боком у Северина. Когда я проснулась опять, рядом никого не было. И Алекс, и кот испарились, оставив после себя смятую подушку. По звукам, доносящимся из соседней комнаты, я поняла, что мой Алекс в кабинете. О месте нахождения серого проныры, я, увы, нечего не знала. Вставать не хотелось, и я с удовольствием потянулась, нежась в проникающих через окно солнечных лучах. Раздавшийся звонок домофона заставил меня подскочить. Я быстро надела первую попавшуюся вещь и выскочила в коридор.

— У нас гости, ангел мой, — с вытянутым от изумления лицом, пробормотал Северин, глядя на меня. — Приехал Роберт.

Я молниеносно кинулась в зал, где, прикрыв двери, начала сосредоточенно размышлять во что бы мне одеться. Когда Фэа поднялся в квартиру, я уже находилась в ванной, полностью упакованная в костюм экстремальной девочки: мини юбку и черный топ. Умывшись и причесав волосы, я появилась возле обменивающихся приветствиями мужчин.

— Здравствуйте, Роб! — радостно воскликнули мои растянутые в улыбке губы, когда наши глаза встретились. — Вы все-таки приехали к нам?

— Да. И у меня есть хорошая новость. Даже две, — он приподнял звенящий бутылками пакет. — Надо их отметить.

Ну вот, кажется, снова грядет небольшой сабантуй, а может и большой, все зависит от настроения участников. Хотя любопытно, почему Роберт, несмотря на отговоры друга, примчался в Москву? Судя по хитрому выражению его лица, на то были веские причины.

Северин распотрошил свой несчастный холодильник, собрав на скорую руку завтрак. Гость достал из бездонного пакета три бутылки водки, одну мартини и еще несколько банок пива, одну из которых тут же поставил перед моим носом. Вспоминая вкус ее содержимого, я невольно поморщилась. Да... в клубе любителей пива мне состоять вряд ли когда-нибудь светит.

— Каковы же твои новости? — разливая по рюмкам водку, спросил Алекс, обращаясь к собеседнику.

— Во-первых, — загадочно улыбаясь, ответил Фэа, — деньги Ларина пришли на наш счет, и мы уже начали отправлять оборудование в Россию.

Я просияла. Значит, все получилось так, как и было задумано. И если верить предположениям хозяина дома, вскоре Славик получит за свои преступления сполна. Но у Роберта, по-прежнему, был таинственный взгляд, обращенный в мою сторону. Что бы это значило?

— Прекрасно, — улыбнулся мой любимый, залпом осушив водку. — За это, действительно, следует выпить.

Гость последовал примеру друга, а я с тупым видом уставилась на перелитое в стакан пиво. "Итак, я буду пить мартини и запивать его пивом, — вертелось в голове еще не сложившееся решение. — Нет! Лучше я буду пить пиво и запивать его мартини..."

— Элис, пей, — мягко напомнил мне о нетронутом стакане Роб, и я покорно вылила противный напиток в собственный рот, кисло сморщившись.

— Новость вторая! — торжественно сообщил Фэа, внимательно глядя на меня. — Лара, дай, пожалуйста, руку.

— Зачем? — мои глаза непонимающе округлились.

Он перегнулся через стол и, взяв мою ладонь в свои, нежно коснулся ее губами. Я ошарашено смотрела на него, левая бровь Алекса уползла вверх, заметно опередив на своем пути правую. Он был изумлен.

— Я приехал сюда специально, чтобы сделать тебе, Лариса, предложение, — сияя от счастья, объявил Фэа.

Он покопался в кармане брюк и достал оттуда бархатную синюю коробочку, из которой извлек обручальное кольцо. Надеть его на мой палец я не позволила, быстро отдернув руку.

— Роберт, это так неожиданно, — натянув на лицо вежливую улыбку, пробормотала я.

— Выходи за меня замуж, Лара! Я уже все обдумал, мы поженимся в Лас-Вегасе, отпразднуем свадьбу в Японском ресторане...

— Роберт, — мягко перебила я, но он не придал этому значения, продолжая с воодушевлением:

— Это кольцо — символ нашей будущей совместной жизни. Ты можешь все обдумать, прежде чем принять его. До завтра есть время.

— Спасибо, — с облегчением произнесла я. — Так и поступлю.

Раздался жалобный звон рюмки, которую тяжело опустил на поверхность стола мрачный, как туча, Северин. Он грозно посмотрел на меня и холодно поинтересовался:

— Я что-то в прошлый раз пропустил?

— Вроде, нет, — честно призналась я, невинно глядя в его ледяные глаза.

— В таком случае, — он обернулся к другу и дальше заговорил на английском.

По мере того, как Фэа слушал речь собеседника, его большие карие глаза недвусмысленно округлялись. Наконец, он не выдержал и спросил, удивленно уставившись на меня:

— Это правда?

— Что?! — я насторожилась, потянувшись за стоящим сбоку martini.

— То, что Алекс сделал тебе предложение два дня назад, и ты согласилась.

Сказать, что я упала под стол, это, значит, ничего не сказать. Мои глаза округлились не меньше, чем у собеседника, дар речи пропал напрочь, а челюсть, как ей и положено в подобных случаях, отвисла. Прежде чем произнести хотя бы слово, я залпом опрокинула и martini, и вновь налитое в мой стакан пиво. Потом, закусив этот жуткий коктейль бутербродом с копченой колбасой, я все-таки заговорила, грозно глядя на любовника:

— Он шутит. Никаких предложений, тем более, брачных, твой друг мне не делал!

Соискатель моей руки и сердца тоже покосился на обвиненного в обмане мужчину. Лицо Северина было бледнее обычного, глаза сердиты, брови сдвинуты, а губы, его прекрасные упругие губы, сжались в одну линию, не предвещая ничего хорошего. Он снова заговорил не по-русски, чем окончательно вывел меня из себя.

— Знаете что, мальчики! — воскликнула я громко, одарив обоих хмурым взглядом. — Будьте любезны, общаться в моем присутствии на понятном мне языке!

— Конечно, Лара, — утвердительно кивнул своей кудрявой головой Фэа, Алекс же не проронил ни звука, пропустив мои требования мимо ушей. — А ты, правда, сказала, что

любишь его?

— Кого?! — мои глаза полезли на лоб от такого рода заявлений.

— Александра.

Я повернула голову и столкнулась с взглядом злых синих глаз, обладатель которых не очень-то обрадовался моему нежеланию поддерживать его выдумки. Но меня это мало волновало, так как я пребывала в настоящем бешенстве.

— Я ему такого не говорила, — гневно процедили мои стиснутые губы.

— Значит, ты меня не любишь, Элис? — сощурившись, спросил Алекс.

Я оторопела. Ну и как мне, прикажете, на это отвечать? Я что, должна растаять и выложить этому самоуверенному идиоту все те чувства, которые переполняют мое сердце? А чем он, собственно, заслужил мою откровенность? И почему сам не признается мне в любви, или, может, не в чем признаваться?.. Я молчала, раздраженно глядя на него.

— Роберт, — обернулся он к другу, не дождавшись от меня ответа. — Она моя женщина, понимаешь? Боюсь, что ты немного опоздал.

Мои зеленые глаза налились кровью, краска отхлынула от лица, а руки затряслись в безмолвной ярости.

— Какого чёрта вы оба делите шкуру неубитого медведя?! — взревела я, вскакивая.

— Что это означает? — не понял иностранец смысл моей фразы, он с удивлением смотрел на мое бледное, искаженное нервной гримасой лицо.

Северин поднялся и отвел меня в сторону от стола, мягко уговаривая успокоиться. Он умудрился даже вытеснить меня за дверь, настоятельно порекомендовав пойти прилечь, а сам вернулся к гостю.

— Это русский фольклор, пословица, — пояснил он другу. — Означает, что женщину получает тот, кто пришел первым. Так что, прости, но Лариса моя.

У меня началась истерика. Я медленно сползла по стенке, ненормально хихикая. Потом квартира огласилась моим громким смехом, в котором таилась обида и злость. Меня действительно делят, как трофей, не спрашивая, особо, моего мнения по этому поводу. Вот паразиты! Все мужчины — сволочи! А особенно этот седеющий франт, в которого я сдуру влюбилась.

Оба собеседника подбежали ко мне, встревожено рассматривая мою сидящую у стены фигуру.

— Ты в порядке, ангел мой? — пробормотал Алекс, пытаясь меня поднять.

— Да пошел ты!.. — рывкнула я, отмахиваясь от его руки. — Не хочу вас видеть, охотники за скальпами! — с этими словами я резко поднялась и, хлопнув перед их носами дверью, ушла в зал, где с горя завалилась на диван.

— Русский темперамент, — мягко пояснил мой любовник другу, уводя его обратно в кухню. — Пускай остынет немного...

Процесс "остывания" у меня плавно перешел в сон, который, появившись из ниоткуда, быстро завладел расстроенным сознанием. Проваливаясь в приятную зыбь непонятных пестрых картинок, витавших в моей голове, я закрыла глаза и улыбнулась, довольная полученной возможностью отвлечься от сегодняшней нервозности. Когда я очнулась, за окном было уже темно, а в квартире тихо. Сколько же времени я умудрилась проспать? Неужели весь день? Судя по всему, именно так оно и было.

Осторожно поднявшись с дивана, я поплелась в ванную. Свет на кухне был погашен, вокруг царил мертвая тишина. Может, нет никого дома? Или мужчины, напившись, отправились спать? А где, собственно, Тафа? Он что, тоже демонстрирует солидарность с противоположным полом? Умывшись, я медленно двинулась на поиски хоть одной живой души в этом царстве полумрака и спокойствия. Выспалась я на всю ночь вперед, и чем теперь заняться, не имела ни малейшего понятия.

Алекс вместе с котом мирно посапывал на своей огромной кровати. Я попыталась его разбудить, но кроме пьяного мычания и сонных объятий, от которых мне удалось ловко увернуться, ничего не добилась. Обиженно схватив сладко дремавшего Тайфуна, я вернулась в зал. Гость, вероятно, занял комнату, где жила бабушка, но заглядывать к Роберту было неприлично, и я не стала этого делать. Всю последующую ночь я провела в компании серого сони, который нежно урчал, пригревшись возле моей спины. Я же без конца эксплуатировала видеомэгафон, смотря одну за другой кассеты с мультиками. Заснула я под утро, на одном из шедевров Уолта Диснея. Кажется, это была Русалочка, потому что во сне у меня были сплошные морские приключения. То я тонула, то ходила по морскому дну, то выходила замуж в подводном Лас-Вегасе за какого-то упитанного осьминога, вежливо беседовавшего со мной по-английски.

— Элис, ты опять проспишь отъезд Роба, — мягко потрепав меня за плечо, сказал Северин.

Я открыла глаза и уставилась на сидящего у моего изголовья Алекса. Лицо его было помятым, вид усталый, наверное, беднягу мучило похмелье. Он вяло улыбался одной стороной рта, хитро глядя на меня, как будто знал что-то, чего не знала я.

В ванной я проторчала минут двадцать минимум, потом, наконец, вышла к ожидавшим меня друзьям. Холодная вода подействовала ободряюще, смыв с моей физиономии остатки сна. Я выглядела отдохнувшей и довольной жизнью, в отличие от мужчин. Глядя на них, в моей голове возникла строчка из песни: "Привет с большого бодуна!" Очень, очень актуальная фраза...

— Лара, ты такая красивая сегодня, — грустно пробормотал Фэа, не сводя с меня печальных глаз.

— Спасибо, — ответила я настороженно.

Это еще что за меланхолия? Ну, а взор побитой собаки, что означает? До чего они вчера допились, интересно.

— Лисёнок, мы сейчас поедem с Робертом в аэропорт, а ты побудь, пожалуйста, здесь, — слишком уж любезно начал хозяин дома, пододвигая для меня табуретку.

— Я тоже могу проводить его, — возразила я.

— Не стоит, — фраза Алекса прозвучала как приказ.

Я уже была готова возмутиться по этому поводу, но в разговор вступил Фэа, сказав тихо: — Ах, Лариса, Лариса, как все-таки жаль, что я опоздал. Но быть твоим другом для меня тоже очень важно. Ведь мы будем хорошими друзьями, правда?

— Да, — я изумленно смотрела на него. — А куда Вы опоздали? На самолет?

— Нет, — он вяло усмехнулся. — Я опоздал к тебе, Лара. Алекс мне все объяснил. И я больше не смею претендовать на сердце его невесты. Стоило выяснить этот вопрос до того, как лететь сюда, тогда не случилось бы недоразумения.

Я внимательно выслушала Роберта, мысленно представляя, как сильно обработал беднягу Северин. Он яростно пытался отстоять свои права на меня любым способом, кроме самого простого — сказать мне "Я тебя люблю!" Ну не глупы ли после этого мужчины? Хотя кто их знает, возможно, подобное поведение особый вид четко продуманной тактики.

— Ничего страшного, — натянув на лицо улыбку, ответила я, искоса взглянув на невозмутимого Алекса, делающего вид, что он здесь абсолютно ни при чем. — Мне было приятно с Вами снова встретиться.

Когда мужчины ушли, я принялась ходить по квартире из угла в угол, придумывая планы коварной мести для провинившегося любимого. Этот нахал решил мою судьбу совершенно не интересуясь моим мнением на сей счет. Как будто речь шла не о моем будущем, а о чем-то вовсе меня не касающемся. Взвинченная подобными мыслями до предела, я достала из рюкзака бордовую помаду и, не найдя ничего более умного, написала на зеркале в прихожей "Алекс, ты кретин!" После чего расколола на кухне две тарелки, но подобное занятие в отсутствии зрителей не принесло мне должного удовлетворения.

Северин не спешил возвращаться, вероятно, чувствовал, что ждет его дома. А дома ждала его я в образе разъяренной фурии, у которой на уме было лишь одно — разбить еще что-нибудь, и, желательно, об голову провинившегося бедняги. Злость достигла своего пика, подгоняемая противным и нудным ожиданием. Наконец, моя жертва вернулась, осторожно открыв ключом входную дверь и бесшумно переступив порог. Первое, что увидел мужчина, была яркая надпись, красноречиво говорящая о том, что я о нем думаю.

— Спасибо, ангел мой! — воскликнул Алекс, заметив меня, стоящей у стены в коридоре со сложенными на груди руками и хмуро сверлящими его глазами. — Ты чем-то недовольна?

— Какого черта ты морочил Роберту голову?! — мой голос напоминал рычание дикой кошки, не менее дикий зелёный огонь горел и в моем свирепом взгляде. — И почему это ты решил, что имеешь право вмешиваться в мое будущее?!

Собеседник нагло рассмеялся, в упор глядя на меня. Он начал медленно приближаться, я отступать. Так мы добрались до кухни. Почувствовав себя уверенней при виде чистой, поблескивающей на солнце посуды, я отвернулась от мужчины и, схватив несколько тарелок сразу, швырнула их об стенку. Раздавшийся грохот, переходящий в звон, окончательно повысил мне настроение. Я ощутила какой-то внутренний азарт, и, взяв в руку парочку бокалов, гордо обернулась к тому, чье имущество громила.

— Послушай, самоуверенный индюк, меня достало быть переходящим призом в чужих руках! — я нервно усмехнулась, испепеляя Северина глазами. — Отныне я буду делать то, что сочту нужным! И замуж я выйду за того, за кого хочу. И ты со своим глупым враньем мне не помешаешь!!!

— Вот как? — он нахмурился. — А я и не знал, что ты маленькая истеричная девчонка... — один из бокалов стремительно полетел в его нахальную физиономию.

Алекс быстро среагировал и увернулся. За его спиной раздался громкий звук

разбивающейся посуды.

— Это Вам, сударь, за "истеричную", — язвительно процедила я, запасаясь новыми стеклянными снарядами. — Хотите еще что-нибудь сказать?

— Меня интересует одна вещь, Элис, — угрожающе надвигаясь на меня, прошипел собеседник. — Ты, действительно, хотела стать женой Роберта? Ты хотела выйти замуж за него, а не за меня? — он вовремя успел перехватить мои запястья, так как я собралась запустить в него еще что-нибудь бьющееся. Посуда, которую я держала, вместо намеченной движущейся цели упала на пол, в очередной раз огласив квартиру звоном разбитого стекла. — Отвечай мне!

Я оказалась крепко прижатой к прохладной светло-голубой стене. Мои руки были подняты над головой и сжаты сильными пальцами мужчины, нависшего надо мной, подобно грозовой туче, готовой в любую секунду разразиться множеством обжигающих молний, любая из которых грозила стать смертельной.

— Идиотский вопрос, — безрезультатно пытаюсь вырваться, сказала я. — Роб сделал мне предложение, а ты — нет. Ты только нагло врал бедняге, да еще и в моем присутствии.

— Я его сюда не звал вместе с его дурацкими обручальными кольцами! — взревел Алекс, сжимая мои запястья еще сильнее.

— Ничего себе, гостеприимство! — язвительно заметила я, смело глядя в искаженное гневом лицо своего пленителя. Меня так и подмывало позлить его еще больше, несмотря на риск подобных действий. — Вот как ты, оказывается, радуешься приезду лучшего друга?! Кстати, кольцо было очень даже красивое.

Цвет лица Северина принял какой-то бледно-голубой оттенок, глаза стали похожи на щелки, а сжатые губы растянулись в не предвещающую ничего хорошего улыбку.

— Девочка купилась на кольцо, — проговорил он тихо и насмешливо. — Вот уж не ожидал от тебя такого, Элис.

— Я не покупалась ни на какие кольца! — его тон меня взбесил. — И вообще, я предпочитаю выбирать себе мужа по любви, а не по его свадебным подаркам.

— Так, значит, ты его любишь? — мрачно осведомился собеседник, заглядывая мне в глаза.

— Алекс, ты кретин! — повторила я то, что уже написала помадой на зеркале. — Как я могу его любить, если сплю с тобой?

— Ну вот, и я о том же, — на его лице отразилось явное облегчение, он слегка ослабил хватку, позволив двигаться. — Значит, ты любишь меня.

— Что за дикая самоуверенность?! — я всплеснула руками от досады. — Может, я вообще никого не люблю?! Или такой вариант Вам, уважаемый, в голову не приходил.

Мужчина недоуменно смотрел на меня несколько минут, потом спокойно, но холодно спросил:

— Ты меня не любишь?

Я застонала, съезжая по стене на пол. Чего он добивается? Хочет выбить из меня признание? А сам? Почему он сам не скажет мне о своих чувствах, если они у него, конечно, есть?... Как все-таки хочется, чтобы они у него были. Я села, обняв колени и положив на них голову. Алекс опустил на корточки рядом со мной и, приподняв мое лицо, грустно сказал:

— Я понимаю, что секс — это еще ничего не значит, но я надеялся... — он запнулся, продолжая внимательно на меня смотреть.

— На что? — я улыбнулась, видя его смятение.

— На взаимность.

— В чем? — мне стало любопытно.

— В любви. Ведь я давно уже люблю тебя, Элис, — пробормотал собеседник смущенно.

Это было так на него непохоже. Я даже заметила бледно-розовый румянец, заигравший на его щеках. Куда же девался "мистер самоуверенность"? Передо мной сейчас сидел краснеющий, как мальчишка, мужчина, сказавший самые главные для меня слова. Я была счастлива! В бешеном эмоциональном порыве я завалила Алекса на пол и, нависнув над ним, как пантера, поймавшая крупную дичь, проговорила:

— И почему ты столько времени молчал? Признался бы сразу, и посуда осталась бы цела, — я нежно поцеловала его в губы и тихо добавила, прижимаясь к нему щекой. — Я тоже люблю тебя, милый. Больше всех на свете.

Наверное, не стоило этого говорить, лежа на полу, потому что Северин истолковал данную фразу, как команду к действию. Он принялся жадно целовать меня, не давая возможности встать. Его руки бесстыдно блуждали по моему разгоряченному ласками телу, стягивая с него немногочисленные детали одежды. Я мысленно отметила, что таких насыщенных "критических дней" в моей жизни не было никогда. Однако подобные выводы не спасли меня от очередной любовной сцены в окружении побитой посуды и кухонных шкафов. Когда все закончилось, Алекс заботливо отнес мое обнаженное тело в ванную, где, включив душ, принялся осторожно водить намыленной рукой по моей коже. Его прикосновения были такими нежными, а взгляд таким горячим, что я обречено подумала: "Кажется, мы снова пришли к тому, с чего начали". Так оно и вышло. Темперамент любимого не переставал меня приятно удивлять. Заниматься с ним любовью было высшим наслаждением, которое я когда-либо испытывала. В конце концов, мы оказались в его постели. Северин нежно гладил мои волосы, ласково глядя на меня. На его лице читалось умиротворение, в глазах светилась любовь.

— Элис, я хочу тебе кое-что подарить, — мягко произнес любимый, доставая из внутреннего кармана небрежно брошенного на стул пиджака бордовый, обтянутый бархатом сундучок. — Это всего лишь обручальное кольцо, ангел мой. Надеюсь, оно подойдет.

Он осторожно надел мне на палец кольцо и поцеловал меня в губы.

— Теперь, Лисёнок, ты моя невеста.

Я улыбнулась, кинувшись в его объятия. Счастье переполняло мое сердце, отчаянно рвущееся из груди.

— Алекс, — шептали губы возле его уха, — я так сильно тебя люблю, что даже не могу выразить своих чувств словами.

— И не надо, — целуя меня, ответил он. — Достаточно того, что я читаю в твоих изумрудных глазах, моя красавица.

В дверь позвонили, разрушая нашу идиллию неожиданным вторжением. Мужчина быстро оделся и вышел в прихожую. Через несколько минут он вернулся, держа в руках огромную корзину белоснежных роз.

— Это тебе, любимая, — протягивая мне цветы, сказал Северин, улыбаясь. — От меня.

В последующий час принесли еще две корзины и два больших букета роз. Как выяснилось, Алекс вовсе не поехал провожать Роберта в аэропорт. Он посадил друга в такси, а сам отправился за кольцом для меня, попутно заехав в пару-тройку цветочных магазинов и заказав там приглянувшиеся ему букеты.

Спальня буквально утопала в чарующем аромате, который источали великолепные, как

сама любовь, цветы. Это была сказка, подаренная мне тем, кого я так беззаветно любила, и ради кого была готова на все. Остаток дня и вечер, и последующая за ними ночь, пролетели, как во сне. Мы не могли наглядеться друг на друга, словно встретились после долгой разлуки. И неважно: занимались ли мы любовью, разговаривали или просто лежали рядом, глядя в потолок, нам было очень хорошо вместе. Так, словно когда-то это все уже с нами было. Давным-давно, сто лет назад, а, может, двести... И теперь, пройдя через время и пространство, мы снова встретились, узнав друг друга и не желая больше расставаться.

Утро для меня началось с подноса, на котором дымилась маленькая белая чашечка чёрного, как страстная ночь, кофе. Алекс принес мне все это в постель. Было приятно. Я даже не стала возмущаться, что меня так рано будят.

— Ангел мой, — ласково улыбаясь, проговорил мужчина. — У меня для тебя новость.

— Какая? — отпивая крепкий горячий напиток, поллюбопытствовала я, нежно глядя на него.

— Звонил частный детектив, с которым я сотрудничал долгое время. Ларина арестовали.

— Уже?! — мои брови взлетели вверх, выразив неподдельное удивление.

— В пятницу документы были переданы в прокуратуру. Сегодня его забрали, а имущество опечатали. Так что наша миссия выполнена, Элис. Виновные наказаны. А теперь, как и полагается в конце хорошей сказки, царевна идет под венец, — он поцеловал меня в губы, произнеся последнюю фразу. — И чем скорее, тем лучше.

Я шутливо отмахнулась, боясь, что мне не дадут выпить кофе, так как в глазах собеседника заплясал знакомый синий огонек, появление которого символизировало начало любовной игры.

— Алекс, перестань, — я с трудом увернулась от очередного поцелуя. — Скажи лучше, ведь ты тоже потеряешь на этом вашем заводе, оборудование которого много стоит, но мало принесет дохода. Тебе не жалко денег?

— Нет, — спокойно ответил он. — К тому же я почти ничего не теряю. На мне числятся заводские площади, их не конфискуют. Просто на время проект заморозится, а потом я что-нибудь придумаю. Не пропадать же производству, к тому же надо создавать рабочие места. Организуем какое-нибудь предприятие, приносящее хороший доход, только без Славы.

— Думаешь, он не отвертится? — неуверенно поинтересовалась я, вновь принявшись за кофе.

— Вряд ли, с таким обилием правонарушений, включая попытку убийства и мошенничества... Тем паче, его квартиры арестованы, офис тоже, а других денег у Ларина нет. Выпутаться он не сможет. То, что не заберет прокуратура, возьмет в счет погашения кредита банк. Ждать прибыли от нашего совместного проекта, как ты сама понимаешь, бесполезно, значит, Славик, порядком влип. Он не сможет откупиться, потому что нечем, и не сможет сбежать, потому что некуда.

— А если ему помогут?

— Кто?

— Таня, например.

— Брось, Лара, — усмехнулся собеседник весело. — Кому нужен нищий мерзавец с кучей долгов и целым ворохом преступлений? Этой фифочке, называющей себя Славинной сестрой надо оплачивать походы в магазины и личного массажиста, а что теперь взять с Ларина?

— Верно, — я задумалась. — А мы поедем взглянуть на Славика? Он же должен узнать, кто мы такие на самом деле.

— Зачем? — лицо Северина стало печальным. — Разве есть смысл смаковать победу? Ларин угодил в ловушку собственной жадности. Он сядет за совершенные им гадости, но

мне от этого на душе не легче. Радует лишь одно: больше от него никто не пострадает.

— Ты прав, — вздохнув, согласилась я. — Месть — не самое приятное занятие. И, если честно, я даже благодарна Славе. Ведь не будь его, мы бы с тобой никогда не встретились. А теперь у меня есть ты.

Зазвонил телефон, прервав своей трелью нашу беседу. Это была Татьяна. Она слезно просила взявшего трубку Алекса вытащить ее брата из тюрьмы. Северин холодно ответил, что каждый в нашем мире должен получать по заслугам, и вежливо отказал. Он также недвусмысленно объяснил собеседнице, что затея с заводом, в которую вляпался Слава, провальная, и ждать оттуда денег бесполезно. Женщина сказала что-то насчет тупости брата, который не послушал ее и доверился этому коварному Северину. Подарив моему любимому еще пару не лестных эпитетов, Таня бросила трубку. Но отойти от телефона Северин не успел, так как тот снова затрещал, требуя к себе внимания.

— Алло? — проговорил хозяин дома устало, вероятно, беседа с Танечкой стоила ему немалых усилий. — Кто? Ах, Марина. Одну минутку.

Он сделал мне знак подойти, и торжественно вручил трубку, когда я оказалась рядом.

— Да, — с неохотой пробормотала я, обречено подняв глаза к небу.

— Ты меня почему не предупредила, что в посольстве очередь? И что документов надо до черта с собой тащить? За дурочку меня держишь, что ли? Учти, если будешь со мной играть, я все расскажу Вячеславу Павловичу, и тогда ваши планы нажитья на нем рухнут.

Я тяжело вздохнула. Ну почему люди так глупы? У этой белобрысой дамы вместо глаз — долларовые купюры, а вместо мозгов — солома. Неужели так сложно представить, что мы вовсе не собираемся ни на ком наживаться, скорее, наоборот... Нет, ей таких простых истин не понять никогда.

— Завтра я снова пойду к консулу, и, будь уверена, он меня примет, — гордо заявила Марина.

— Это не имеет значения, — вяло ответила я. — В свете последних событий, наша сделка отменяется.

— То есть, как? — собеседница опешила.

— Обыкновенно, — я зевнула. — Ларин в тюрьме, завод в пролете, а ты, дорогая, ищи себе новых дурачков, чтобы трясти с них деньги, — сказав это, я положила трубку и вернулась к сидящему с довольным видом на постели Алексу.

Телефон отчаянно звонил, но ни я, ни мой любимый больше к нему не подходили, занятые гораздо более приятным делом на мягкой, широкой кровати Северина.

Но одной любовью, как известно, сыт не будешь. Желудок дал о себе знать чувством, вполне, осязаемого голода. Я вызвалась сходить в магазин, пока Алекс чистит картошку, чтобы приготовить рагу. Получив подробный список необходимых продуктов, я отправилась за покупками. Настроение было прекрасным, голова кружилась от счастья. Хотелось петь и танцевать прямо на улице.

Я выскочила из подъезда, весело размахивая ярким пакетом. Сделав несколько шагов вдоль дома, я завернула за угол, и вдруг почувствовала, как кто-то схватил меня сзади, заломив руки за спину и защелкнув на них мгновенно надетые наручники. Я попыталась обернуться, но не успела, так как к моему лицу прислонили пропитанную каким-то едким составом тряпку. Последнее, что я заметила перед погружением в вязкую темноту, была небольшая изящная ручка, державшая ядовитую ткань. Меня отравила женщина, скрутив средь бела дня во дворе жилого дома! И никто не обратил на это ни малейшего внимания, а,

может, никого рядом, просто, не было?..

Очнулась я с безумно ноющей головной болью. Руки были прикованы к батарее в чужой, запылившейся квартире. За окном опустилась ночь. Значит, мое сознание отключилось на несколько часов, как минимум. Но где же я все-таки нахожусь? Взгляд медленно пополз по окружающим предметам. Вертеть головой я не могла, так как при каждом движении в ней как будто что-то разбивалось, громко звеня и брякая. В комнате царил полумрак. Кроме меня здесь никого не было. На бледно-желтой стене тикали часы, каждый удар которых бил, точно молот по наковальне, по моим несчастным нервам. Обстановка вокруг была не богатой. Маленький диванчик скромно забился в угол, где он одиноко стоял, накрытый клетчатым пледом. Старый огромный шкаф важно занимал противоположную стенку. По соседству с ним расположились сервант и тумбочка с телевизором марки "Рубин". Большой круглый стол в окружении четырех бордовых стульев разместился рядом с диваном. На окне, возле которого я сидела, висели старые тяжелые гардины. Мне показалось, что я попала в музей вещей десятилетней давности, а, может, их срок был гораздо больше...

В освещенном тусклой лампочкой коридоре раздались негромкие шаги. Кто-то приближался, и, судя по цокоту каблучков, это была женщина. Неужели меня похитила Марина? На нее похоже. Предсказать поведение этой ненормальной было никак нельзя. Она уже не в первый раз выслеживала нас с Алексом. Возможно, теперь у нее совсем "снесло крышу", и в порыве мести за неудавшийся шантаж бывшая любовница Северина решила свести со мной счеты. Печально... Что придет в голову разъяренной истеричке, я, увы, не знала, а, следовательно, не могла предвидеть свое ближайшее будущее.

Дверь медленно открылась, и на пороге появилась моя похитительница. Заметив, что я пришла в себя, она довольно улыбнулась, чуть-чуть приподняв свою изящную тонкую бровь.

— А ты здорово провела меня с этим нестандартным прикидом! И парик, и платье, и художества на теле — все было высший класс! Не заметь я тебя сегодня возле подъезда, ни за что бы не догадалась, что ты и Лариса — одно лицо, — женщина плавно прошествовала по накрытому коричневым паласом линолеуму, мягко опускаясь на диван. — Хорошо еще, что мой тупоумный братик показал мне твое фото, иначе ты, птичка, не попала бы в мою клетку. Все-таки лихо вы нас обставили! — она усмехнулась, разглядывая меня. — Безвременно усопшая жена Славика, мало того, что жива и здорова, так она еще, ко всему в придачу, трахается с лже-партнером Славы по бизнесу. А этот идиот не хотел меня слушать, когда я говорила, что Алекс — темная лошадка. Похоже, мы вас недооценили.

Я была сражена. Вместо ожидаемой истеричной блондинки, на меня смотрела изящная сероглазая брюнетка, самодовольный вид которой сулил опасность. Таню, похоже, забавляло мое безвыходное положение.

— А что это за кольцо на твоем пальце, милочка? — спросила собеседница, криво улыбаясь. — Замуж собралась? Или, может, уже вышла? Учти, в нашей стране двоемужество запрещено законом, а Лариса Ивановна Сергеева, как мне известно, совсем недавно стала Лариной.

— Ты совершенно права, — сквозь зубы ответила я, усаживаясь поудобней возле ненавистной батареи. — Я действительно собираюсь стать женой любимого человека. Вот только, как ты верно заметила, супруга твоего брата давно отправилась на тот свет, и я к ней

не имею никакого отношения.

— Ты не перестаешь меня удивлять, Элис. Откуда в "синем чулке", какой тебя расписывал мне Слава, столько авантюризма? Или это тебя господин Северин так круто обработал?

— Господин Северин сумел мне подарить жизнь со всеми ее прелестями, а твой дражайший родственничек, если, конечно, он таковым является, вместо свадебного презента преподнес мне смерть. Так что сама решай, обработал он меня, или просто спас.

— Гениально! Прекрасная речь, — ехидно смеясь, воскликнула Таня. — Занавес! Аплодисменты! Только ты забыла, красотка, что последнее слово, как, впрочем, и первое, останется за мной. Славочка всего лишь пешка в моей игре, он исполнитель, я — заказчик.

Мне стало не по себе. Глаза брюнетки торжественно сверкали, на ее белоснежной коже играли загадочные тени, руки женщины надменно покоились на высокой, обтянутой чёрной тканью груди. Она была красива и... ужасна. От ее великолепной царственной осанки за километр веяло смертью. Я почувствовала, как по моей спине мелкой дрожью ползет противный липкий страх. Руки мои затряслись, а лицо побледнело, но я, собрав остатки мужества, спросила как можно спокойней:

— Зачем тебе понадобилась я?

— Элементарно, Ларочка! — она подарила мне многозначительный взгляд. — Слава в тюрьме. Его имущество арестовано, сделка, в которую он влез — миф, а у меня осталась лишь эта развалюха, перешедшая по наследству от идиота мужа, с которым мы распрощались еще шестнадцать лет назад, — женщина брезгливо посмотрела вокруг. — Тогда я думала, что от этой квартиры будет толк, но она так и не принесла нам дохода, осталась висеть на мне, как лишний груз. Мы даже продать ее не смогли. Будто заколдованный круг какой-то. Хотя сейчас Панфиловская халупа, кажется, пришлась кстати.

Я с замиранием сердца слушала ее речь. Значит, мой любимый ошибся, решив, что перед ним не настоящая Татьяна. Это была она... его жена, которую он считал погибшей. Как могло придти Алексу в голову, что за покушением на его жизнь стояла восемнадцатилетняя девчонка с парализованными ногами. Правда, от паралича, как я погляжу, теперь не осталось и следа, и от полноты тоже. Вероятно, хорошие врачи и косметологические кабинеты сделали свое дело, изменив за эти годы Танечку до неузнаваемости.

— Ты что, убила собственного мужа?! — прикинувшись дурочкой, воскликнула я, вытаращив на собеседницу глаза.

— Стоп! Стоп! Стоп! — она сдержанно улыбнулась, но во взгляде ее появилось недовольство. — Это недоказуемое обвинение, дорогая. И вообще, ты разве не хочешь добраться до своего "богатенького Буратино" живой? Если не перестанешь задавать подобные вопросы, я перешлю тебя Алексу по частям, когда получу от него деньги.

— Какие деньги?

— Обычные. Выкуп за его обожаемую подружку, то бишь, за тебя! — похитительница гордо вскинула голову, потрянув своими иссиня-черными, короткими кудрями, которые были взбиты в пышную прическу. Она сидела, закинув ногу на ногу. Вся поза женщины, от высокого поднятого подбородка до узких носков коричневых кожаных туфель на тонкой шпильке говорила о ее уверенности в создавшейся ситуации. Таня чувствовала себя королевой положения, в то время как я находилась в роли подопытного кролика.

— И сколько же я стою, по твоим меркам?

— Два миллиона долларов, — спокойно отозвалась Танечка. — Как раз та самая сумма, которую вложил Славик в совместное с Алексом предприятие.

— Ты собираешься спасти брата? — неуверенно пробормотали мои пересохшие от напряжения губы.

Собеседница так резко расхохоталась, что мне стало по настоящему жутко.

— Этого идиота? Спасать? — сквозь смех говорила она, глядя на меня, как на полную дуру. — Если бы он меня слушал, то не загремел бы в тюрьму. Ну а теперь пусть сам выпутывается, мне надо и о себе немного подумать.

— Выходит, ты его бросишь? — я была изумлена.

— Конечно, он мне давно уже надоел. Получу деньги и свалю из этой чертовой страны подальше, — мечтательно произнесла женщина.

— А если платить за меня не станут? — настороженно осведомилась я, вжимаясь спиной в холодную стенку возле окна.

— Тогда, во-первых, ты узнаешь о том, что твой принц не так уж и хорош, а, во-вторых, мне придется тебя убить, если никто не соизволит выкупить тебя в ближайшие пару дней.

— Я что, товар на аукционе? — хмуро процедила я.

— Что-то вроде этого, милочка! — саркастически заметила она, поднимаясь с дивана. — Пойду, принесу тебе немного молока, а то заagneшься еще с голоду раньше срока.

Когда Таня вернулась, в руке у нее, помимо стакана с белой жидкостью, оказался серый блестящий пистолет неизвестной мне марки. Я, вообще, не очень-то разбираюсь в оружии, особенно, если его дуло направлено прямо мне в лоб. Она отстегнула наручники, потом снова пристегнула меня к трубе, но на сей раз одной рукой. Во вторую, свободную, мне был торжественно вставлен стакан. От случившихся за последние часы событий есть совершенно не хотелось. Однако я все-таки отпила молоко, исподлобья изучая свою мучительницу. Красивая, яркая и... такая холодная. Танечка напоминала айсберг, которому оказалось по силам потопить Титаник. Скольких же людей уничтожила на своем пути эта миловидная женщина, скольким сломала жизнь? Забрав у меня опустошенный стакан, Татьяна вышла из комнаты и больше не возвращалась до самого утра. Ей, вероятно, надоело со мной болтать, а, может, просто решила отдохнуть перед предстоящими переговорами с Алексом. Я отчаянно пыталась расстегнуть наручники, но ничего не выходило. Не помогла даже шпилька, которую я осторожно вытащила из прически. Я с досадой проклинала зарубежные фильмы, где герои с такой легкостью избавляются от своих оков. На самом же деле сделать это было весьма и весьма сложно.

Наконец, Таня вернулась. На улице уже светало, часы показывали семь. Она принесла с собой магнитофон, демонстративно вставила кассету, и, подойдя ко мне, строго сказала:

— Поясни-ка своему любимчику, что с тобой все в порядке. Можешь даже немного поплакать, если захочешь. Его это должно растрогать. Чем быстрее Северин заплатит, тем лучше будет для тебя и для меня. Так что давай, говори, Ларочка, — она нажала на кнопку записи, кассета медленно завертелась, ожидая моих слов.

— Алекс, — грустно начала я, признав правила игры, выдвинутые собеседницей. — Со мной все хорошо. Пока хорошо, — я помолчала, соображая, как бы построить дальнейшее повествование, чтобы похитительница не заметила подвох. — Ты ведь знаешь, что я люблю тебя? — при этих словах на лице брюнетки появилась циничная улыбка. — Очень сильно тебя люблю, не то, что твоя жена. Ну и пусть она жива и здорова, мы все равно будем вместе!

— Bravo, — захохотала Таня, нажимая на "стоп". — Этот ублюдок еще и женат! Ну и не

везет тебе, Лариса, однако.

— Ничего, — с фальшивой любезностью ответила я, — Справлюсь как-нибудь.

— Дерзай, — собеседница повертела в руках магнитофон. — Еще хочешь что-нибудь сказать?

— Да, — честно призналась я и, дождавшись, когда она снова включила запись, быстро проговорила.

— Она хочет денег, дай их ей, если ты, действительно, меня любишь.

— Великолепно, — на лице Танечки появилось довольное выражение. — Ну а теперь, молись, чтобы именно так он и поступил. А я пойду передам ему твою просьбу, дорогая. Надеюсь, торговаться твой ненаглядный не будет, — она ядовито хихикнула, выходя из комнаты. Вскоре хлопнула входная дверь, и я осталась совсем одна.

Было обидно и страшно, и, ко всему в придачу, мною завладела ярость. Почему эта мерзавка должна выиграть? Она столько гадостей сотворила, что даже Ларину до нее далеко. Нужно было срочно предпринять решительные действия, но отойти от батареи я, к своему великому сожалению, не могла. А ключ от наручников находился у Тани. Короче, мне ничего не оставалось делать, кроме как дожидаться ее, сидя у стены.

О своем появлении похитительница заявила веселым голосом, лишь только переступив порог.

— Радуйся, милочка, Северин согласился!

"Я бы еще больше радовалась, если бы он понял, о чем я ему пыталась сказать, — промелькнуло в моей голове и исчезло, так как все мое внимание приковала стройная, одетая в черное фигура, возникшая в дверном проеме".

— Как только деньги попадут на мой заграничный счет, ты отправишься к нему. Возможно, даже живая, если будешь себя хорошо вести, — похитительница окинула меня скептическим взором. — Хотя... стоит над тобой немного поработать в знак расплаты за Славика. У меня есть хорошая идея, — ее глаза превратились в стальные сверкающие лезвия. — А не подстричь ли тебя налысо? Вот будет потеха!

Мне стало дурно. Я инстинктивно поднесла руку к горлу и испуганно покосилась на говорившую. Какие еще гадости она придумает, чтобы развлечь свое извращенное воображение? Я окинула взглядом близлежащие предметы. На подоконнике стоял горшок, из которого торчали две сухие палки, бывшие когда-то цветком.

— Мне надо в туалет, — серьезно объявила я. — Со вчерашнего дня там не была.

— Потерпишь, — вяло ответила Таня, но я не унималась:

— Если ты не отведешь меня сейчас же в туалет, я сделаю это прямо здесь.

— Ну, да черт с тобой! — она сходила за пистолетом, потом подошла ко мне и расстегнула наручники. — Пошли.

Я медленно поднялась, разминая затекшую ладонь, потом резко схватила довольно внушительного веса горшок и с размаху двинула им по физиономии конвоирши. Ее отнесло к дивану, пистолет вылетел из ослабевшей руки, с грохотом упав на пол. Я отшвырнула его ногой под шкаф, чтобы, не дай Бог, не произошло трагедии. Голова у Танечки была твердая, как дуб. Об этом я помнила по событиям вечеринки, во время которых Марина разбивала об ее темечко бутылки, однако ощутимых результатов сии действия не приносили. Вот и теперь, встряхнув свои растрепавшиеся кудри, женщина со свирепым видом кинулась на меня. Ее глаза гневно сверкали, прожигая насквозь, руки угрожающе скрючились, а тело выгнулось, подобно готовой к смертоносному прыжку змеи.

"Ну что ж, кажется, я разбудила зверя, — вздохнув, отметила я печально. — Хоть прическу спасла от стрижки, и то ладно. Правда, есть шанс, что мне сейчас выдергают все волосы без помощи ножниц... Нужно подготовиться".

Думай, не думай, а драться все-таки пришлось. Противница была сильнее и злее, однако я отличалась завидной ловкостью. Но, несмотря на это, Тане удалось несколько раз ударить меня головой об стену, я же в ответ сильно тряхнула ее, вцепившись в кудрявую шевелюру. Она взвыла от боли и впилась руками в мое горло, сжимая его все сильнее и сильнее. Татьяна яростно рычала при этом, будто подбадривала себя голосом. Я же бледнела с каждой секундой, отчаянно пытаюсь вырваться. Кажется, пришел мой смертный час...

Грохот слетающей с петель двери не заставил мою убийцу разжать пальцы, зато сильный толчок, оторвавший ее от меня, откинул взбешенную женщину к стене, ударившись о которую, она сползла на пол. Заботливые мужские руки обняли меня, и в тот же миг я услышала встревоженный голос Алекса:

— Ты в порядке, любимая?

— Да, — уткнувшись носом в его грудь, ответила я, счастливо улыбаясь. — Как ты нашел нас так быстро?

— Ну, после того, как я всю ночь выбивал у несчастной Марины, куда она тебя дела, — усмехнулся собеседник, — мне пришла в голову мысль проверить еще и Ларина с его милой сестричкой. Частный детектив и Василий Дмитриевич, помогавшие разыскивать тебя, откопали одну интересную вещь — у Танечки в собственности числилась всего одна квартира. Сюда я и направился, подгоняемый смутными предчувствиями. А потом, когда я ехал в машине, эта стерва позвонила мне на мобильный, дав заслушать твое послание. Все сходилось, ангел мой. Сердце не ошиблось, указав верный путь к тебе.

— Ты очень вовремя, — я нервно рассмеялась, осознав, что опасность миновала. — Иначе ждал бы тебя мой холодный трупик.

— Не пугай меня так, Элис, — шутливо укорил он, нежно глядя меня по голове.

Несостоявшаяся похитительница жалобно застонала, медленно приходя в себя. Она открыла глаза, затем потерла ушибленный затылок и зло сказала:

— Как ты догадался, мерзавец, что мы здесь?

— Интуиция, — иронично отозвался Северин. Он медленно прошел по комнате, рассматривая предметы, окружавшие его. — Надо же! За шестнадцать лет даже обоим сменить не удосужилась.

— А ты почему знаешь, сколько лет этим обоям? — настороженно процедила женщина, продолжая сидеть у стены.

— И шторы ни разу не постирали, а пыли-то сколько!.. — он брезгливо провел пальцем по столу и поморщился. — Зачем вам нужна была эта квартира, если за ней никто не следил?

— Кто ты такой, чёрт возьми?! — воскликнула Танечка, бледнея.

— Я всего лишь призрак, милая, — вяло усмехаясь, ответил мужчина. — Пришел на огонек с того света. Надо же проведать собственных убийц.

— Вранье!

— Конечно, — с готовностью подтвердил он. — А, кстати, где твое инвалидное кресло? Или избавившись от неудобного супруга, ты избавилась и от паралича?

Ларина всерьез испугалась, страх читался в ее расширенных зрачках, в бледных трясущихся губах. Все ее тело сжалось, а плечи опустились. От яростной воительницы,

которую она напоминала некоторое время назад, не осталось и следа.

— Зачем вы убили его? — печально проговорил Алекс, хмуро глядя на нее.

— Слишком был честным и благородным этот Кирилл, чтобы я смогла с ним жить. Меня бесило его чистоплюйство. Он надоел мне в первые же дни нашего брака. К тому же я хотела получить эту чертову конуру, надеясь ее впоследствии продать. Вот и все! — честно призналась Тенечка, опуская глаза. Она, похоже, решила разыгрывать из себя святую невинность, ну или, на худой конец, раскаявшуюся грешницу. Однако вместо нимба у этой красотки светились над головой ее черные мысли, мало отличавшиеся от дьявольских рогов.

— Ну что ж, — вздохнул мой любимый, присаживаясь на стул. — Тогда вынужден буду тебя огорчить, Таня, — он помолчал, ожидая, когда она посмотрит на него. — Я и есть Кирилл и я, увы, не умер.

Несколько коротких слов, а какой результат! Женщину затрясло, она начала как-то странно скрючиваться и вдруг застыла с перекошенным лицом и стеклянными выпученными глазами.

— Что это с ней? — осторожно поинтересовалась я у Северина, подходя к нему ближе и опираясь на его плечо рукой. — Она не умерла? — мне стало неуютно от наблюдаемого зрелища.

Алекс быстро достал телефон и позвонил в скорую. Приехавшие врачи сообщили, что пострадавшую разбил паралич и, по всей видимости, ее ожидает длительная госпитализация.

— Думал, придется вызывать милицию, а оказалось — нет, — грустно пробормотал мой любимый, когда мы возвращались домой. — Она сама себя наказала. Хотя, наверное, это справедливо. Теперь Татьяне с ее амбициями придется существовать на дотации государства. Вряд ли ей это понравится.

— Скажи, а как ты разыскал Ларина после стольких лет жизни за границей? — этот вопрос давно мучил меня, но задать его я отважилась только сейчас.

— Северьян ездил в Россию на могилку к сыну. А когда вернулся, привез пачку газет, в одной из которых я наткнулся на улыбающуюся физиономию Славочки и на статью про его замечательную фирму. Имея опыт личного знакомства с Лариным, я решил выяснить, скольких еще людей он отправил на тот свет. С этого и началась моя жизнь в Москве, Элис. Но не стоит говорить о печальном, ведь все, слава Богу, закончилось. Впереди будет много хорошего, и, прежде всего, наша с тобой свадьба, — ласково глядя на меня, заключил Алекс.

— Неужели? — смеясь, отозвалась я, целуя его в щеку, и нежно добавила. — Я никому не позволю нас с тобой разлучить, любимый.

* * *

Со дня описанных выше событий прошли два месяца. Славик по-прежнему находился под следствием, и, по всей видимости, ему грозил довольно большой срок заключения.

Танин паралич был признан неизлечимым, и ее перевели в специальную клинику, где она попала под опеку медсестер, так как больше ухаживать за ней оказалось некому.

Тайфун за эти дни сотворил немало мелких пакостей, особенно после похода в ветлечебницу, где ему сделали прививку от бешенства, необходимую для выезда за границу.

Я получила визу, правда, на этот раз речь шла не о рабочем выезде, а о визе невесты. Мы решили пожениться с Алексом в Нью-Йорке. Там, где находились его дом и работа.

А вчера, наконец, открылась выставка Владимира Павловича Шинко. Взглянуть на работы старого профессора пришло на удивление много народу. Этот день стал одним из самых счастливых в моей жизни, как, впрочем, и в жизнях многих других почитателей его творчества. Но особенно радовался сам фотограф и его замечательная супруга. Северин тоже был очень доволен происходящим, он с гордостью сообщил старику и его растроганной жене о нашем грядущем бракосочетании, не забыв пригласить пожилую чету на свадьбу в Америку, обязавшись подготовить билеты и взять на себя необходимые расходы.

За окном стоял теплый августовский вечер. Мы сидели с любимым на кухне и пили чай, обсуждая дальнейшие планы и вспоминая открытие выставки. Рядом громко хрустел сухим кормом составлявший нам компанию кот. Внезапный звонок домофона заставил нас отвлечься от оживленной дискуссии. Визитеры, неожиданно появившиеся на пороге, привели и меня и Алекса в шок. Уж кого, кого, но увидеть мою дорогую бабушку в сопровождении легендарного Северьяна, мы никак не предполагали.

— Привет, Ларочка! — обнимая меня, воскликнула Ирина Степановна.

Она очень изменилась за время нашей разлуки. Похорошела, даже помолодела, и одета старушка была по моде — длинные, расклешенные брюки, розовая блузка и шляпка в тон, из-под которой торчали ее короткие, окрашенные в фиолетовый цвет пряди. Вместо старых очков на ее носу красовались другие, в изящной розовой оправе. Словом, бабулю было не узнать.

Ее седой, как лунь, спутник, выглядел настоящим франтом. Ухоженный, статный, в строгом костюме и белой рубашке. А из-под серых, немного нахмуренных бровей, смотрели лукавые голубые глаза, в которых читался и глубокий ум вперемешку с веселым нравом, и радость от долгожданной встречи.

— У нас для вас новость! — интригуяюще сообщили гости с порога.

Северин притянул меня к себе и, обняв, застыл в ожидании. Я с интересом разглядывала счастливые лица стариков. Что-то они темнят. Предчувствие меня не обмануло...

— Мы с Севой решили последовать вашему примеру, дети, — торжественно объявила бабушка, — то есть пожениться. Правда, в отличие от вас, нам бы хотелось это сделать здесь в России.

У меня отвисла челюсть, Алекс же изумленно произнес, глядя на своего отца:

— Ну, ты даешь, однако...

— Стараюсь, — смеясь, ответил Северьян.

Так, вместо ожидаемой одной, мы погуляли сразу на двух веселых свадьбах. Но больше всего радовался этим событиям наш невероятно растолстевший кот. Тайфуну доверили хозяйничать на кухне после банкета, поэтому его и без того круглый живот превратился в лоснящийся шарик, выставив который на всеобщее обозрение он дрых несколько следующих дней.

А вскоре и мой собственный живот заметно округлился. Так что теперь я ожидаю появления на свет Северина — младшего. Во всяком случае, в этом меня упорно убеждает мой муж, хотя, если честно, я твердо знаю, что родится девочка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net